

Андрей Павлухин

БЕЛОПОЛИС

Андрей Павлухин

БЕЛОПОЛИС

Книга прозы

**Минск
2003**

Павлухин Андрей Алексеевич родился 10 декабря 1980 года в г. Рогачеве. В 1989-м вместе с матерью переехал в Анапу (курорт на побережье Черного моря, Россия), где прожил шесть лет. В 1995 г. вернулся в Беларусь. В 1999-м, окончив школу, поступил в Могилевский библиотечный техникум им. А.С.Пушкина. В 2001 г. получил диплом по специальности библиотекарь-библиограф (оператор библиотечно-информационных систем). Работает в Рогачевской детской библиотеке.

Лауреат Республиканского литературного конкурса среди молодых авторов в номинации «проза» (2-е место за рассказ «Стальные орлы»).

Член рогачевского литобъединения «Вдохновение». Принимает активное участие в работе молодежной творческой группы «Литератор», работающей при Союзе белорусских писателей.

ОТ АВТОРА

БУДУЩЕЕ

Мир, где разрастаются мегаполисы-агломераты (Токио, Нордик, Санкт-Петербург), где реальная власть уходит из слабых правительственных рук, сосредотачиваясь в корпорациях и концернах, где Сеть стирает границы, где реальность и виртуальность смешиваются, перетекают друг в друга, где основной единицей расчета является информация, где фантастика буднична, как бомжмутанты под мостом, мир техногенный и урбанистический Закон джунглей. Постоянная борьба за выживание. Дарвинизм в чистом виде. Мир — в чем-то жестокий и бессмысленный, в чем-то — логичный и рациональный. Иногда — уродливый. Иногда — красивый. Вытекающий из нашего сегодня...

Белополис. Это — уже не город, это — сверхобразование, поглотившее современную Беларусь. Нет областей и районов. Есть зоны. Минская, Гомельская, Брестская... Это — государство, которым номинально управляет президент, а реально — корпорация Ай-Пи-Аш. Это — невообразимая смесь культур, стилей; это — место, где протекает действие повести и большинства рассказов данного сборника. Почему-то мне нравится возвращаться в зимний Белополис — в его холод и меланхолию, в голографические рекламные водовороты, в Неоновый Новый год.

Время действия — 2164 год. Четкой событийной последовательности нет. Я не ставил своей задачей написать историю будущего, скорее — варианты будущего, которые могут, в принципе, разворачиваться и в альтернативной Вселенной. Сюжет не всегда связан с Белополисом. К примеру, Некро убивает своих клиентов в Нордике и Токио (мимоходом заглядывая на Дзен-Трансо); Визернов из «Песен старой Земли» доживает свой век в марсианском Каньон-Сити; Нестеренко играет в шахматы в Порт-Аресе (и лишь в начале рассказа можно заметить знакомый антураж), а в «Сальто над Алюминиевым Лесом» Белополис только упоминается. Впрочем, как и в «Никелевом Пловце». Однако он красной нитью проходит через сердца героев (за исключением

«Некро» и «Чашки»). «Чашка», наверное, — самый странный рассказ, внешне никак не стыкующийся с остальными. Но если вчитаться — найдете маленькую ссылочку на «Реверс».

Некоторые рассказы ранее публиковались: «Чашка» — в московском «Юном технике», «Электрические сны» и «Реверс» — в исчезнувшем, как Атлантида, «Першацвеце», «Марсианский турнир» — в «Маладосці» (все, кроме «Чашки», на белорусском языке). «Никелевый Пловец» написан недавно, но является как бы предисторией «Электрических снов». Вместе они составляют своеобразный «цикл в цикле», в котором не хватает еще двух звеньев. Возможно, они появятся позже.

Центральное и самое сложное произведение сборника — повесть «Они». О чем она? О противостоянии Человека и разумной техноформации. О дружбе. Об эволюции... Когда я ее писал, то задумывал трилогию. Потому и финал открытый.

Все произведения (ну или почти все) — в стиле киберпанк. Я даже сказал бы — белорусский киберпанк. В противоположность традиционному, западному, и «русскому».

Только прошу запомнить — это не «Матрица» и не «Джонни-мнемоник».

Теперь можно читать.

РАССКАЗЫ

САЛЬТО НАД АЛЮМИНИЕВЫМ ЛЕСОМ

Пляж опустел.

Уже неделю штормило, затянутое серостью небо обрушивалось ливнем. Ветер сбивал с ног, скрипел дверцами кабинок и уныло завывал в ущельях улиц. Курортный сезон закончился. Море словно сорвалось с цепи: пенистые валы захлестывали песчаный берег, разбивались о камни мыса, где возвышался палец маяка, наваливались на треугольники волнорезов у входа в бухту, накатывали на причал... Отчаянно скрипели мачты белоснежных яхт, и бешено вращался флюгер на крыше здания морвокзала.

Осень...

Я шел, закутавшись в старое пальто, от самого парка отдыха с его Чертовым колесом и «американскими горками», по набережной, мимо зоологического павильона и музея, через мост и, по тропинке — на лодочную станцию, — туда, где вырисовывалась полусгнившая каравелла, завалившаяся набок, и вытащенные на берег катамараны.

Калитка и сетчатое ограждение.

Я знаю каждый свой шаг. Сейчас Школьник отвяжет зеленый облупленный катамаран и выплывет на середину озера, перевернется и начнет тонуть. Я сразу направляюсь к гаражу, набираю код на двери. Вхожу, включаю свет, сажусь на воздушный спасательный скуттер, завожу его и срываюсь с места. Успеваю

как раз вовремя — парнишка только-только перевернулся. Подвожу скуттер, зависаю, давая ему возможность вскарабкаться на заднее сиденье. Мокрый и озябший, Школьник протягивает мне жетон. На пластиковом кружочке всего одно слово: «*Санаторий*». Я прячу жетон в карман теплой куртки и возвращаюсь в гараж.

Мы идем на станцию, я выдаю Школьнику сухую одежду и разогреваю чай — все это фиксируется, родители парня оплатят наши услуги. Вчера мне его спасти не удалось...

* * *

Я познакомился с Муратом год назад. В Сети его звали Кунджи — это реальный ник, как объяснил Мурат, виртуальное имя хакера, жившего в двадцатом веке. Мы уже несколько месяцев знали друг друга по чату — в он-лайнном режиме — и теперь решили встретиться физически. В баре «Процессор» на Четвертом Орбитальном Комплексе, где жил Мурат, обычно собирались неудачники-ламеры, клановые геймеры, киберничные — все, кто так или иначе связаны с Сетью. Таких заведений сейчас много, и вы, конечно, знаете, что там может появиться кто угодно, — от мелких торговцев софтами, имплантами и «железом» до солидных, уважаемых агентов корпораций, которые рыщут по «дну» в поисках свежих кадров... Особенно активны лунные и марсианские вербовщики. Для нас же все началось с астероидов и филиала «Реинкорн».

С Кунджи мы были партнерами. Он поставлял мне коды и важную своевременную информацию — я использовал это для своих атак. Софт я разрабатываю

сам или покупаю на черном рынке. С точки зрения закона я — бомж. У меня нет прописки, гражданства. Хотя, чтобы беспрепятственно перемещаться в нашем мире, приходится использовать чужие личности...

Раньше, несколько веков назад, глобальные сети были исключительно кабельными. Так говорят. Колоссальные гигабайтовые массивы данных перемещались по телефонным линиям. Кабельная связь существует и поныне — на примитивном локальном уровне. Но Сеть... Она давно перешагнула границы Земли и уже полвека живет в сотовой ипостаси. Многополосное образование, оплетающее Солнечную систему. Так уж случилось, что к Четвертому Орбитальному пристроился Центр коммутации и базовая передающая станция, превратив ничем не примечательный жилой Комплекс в инфоузел космического масштаба. И, как следствие, попасть сюда дано не каждому. Миграция на Четвертый жестко контролируется: биометрическая идентификация, тестирование и сканирование, агенты Интерпола... Разные примочки.

На космодроме Улан-Батора мне просветили сетчатку глаза (заново перестроенную хирургами Цейлона неделей раньше), а безучастный голос у турникета предложил показать ладони. Я подчинился, протянул руки вперед — так, чтобы сканнер разглядел татуировки-идентификаторы. Сложные геометрические узоры отразились, многократно увеличенные, на плазменном дисплее у самого потолка. Три секунды — сличение. Результат удовлетворительный. Энергетический барьер снят. В толпе отбывающих я шагаю к стартовым докам. У главного люка исполинского лайнера меня ждет еще одна проверка — рентгеновское просвечивание на предмет запрещенных имплантов. Правда, лучи не

в силах пробить мою биотическую защиту... На титановой поверхности загорается надпись: «Вставьте билет». Пластиковый прямоугольничек синего цвета пожирается приемной щелью. Такую же процедуру проводят остальные пассажиры... Двадцать четыре минуты — корабль отрывается от земли, разгоняясь до первой космической. Я лежу, удобно устроившись в антиперегрузочном кресле, слушаю рекламный ролик «Транс Юниверс» — компании, которой я доверил свое брненное тело.

Комплекс — сооружение из кубических блоков-сегментов, вписанных в каркасную решетку, местами еще не заполненную. Стенки внешних сегментов закруглялись, плавно следуя изгибам решетки, которая образовывала кольцо. В середине кольца помещался шар-космодром с множеством стыковочных портов, соединенный с Комплексом прозрачными полимерными трубами коридоров. Отдельно парила пирамидка Центра коммутации, от которой к энергоблоку тянулись силовые кабели — мощные толстые кишки, тускло поблескивающие в свете земного диска... Вся конструкция вращалась, создавая гравитацию.

Космодром облеплен гигантами-лайнерами, ремонтными катерами, слетевшимися, как мухи на мед. Наш корабль пристыковался к свободному порту. Я отстегнулся от кресла и поплыл, цепляясь за скобы, к шлюзу. Миновав люк и узкий переходник, попал в камеру досмотра. Кроме меня на Комплекс никто не стремился: створки шлюза за моей спиной захлопнулись с характерным шипением, а корабль, быстро скоординировавшись, лег на новый курс — к Меркурию.

Едва таможенный компьютер зафиксировал мой приход, как тотчас в воздухе собрался топографичес-

кий диалоговый монитор. Побежали строчки на эсперанто, сопровождаемые голосовыми пояснениями:

— *ВЫ СТОИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕТВЕРТОГО ОРБИТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА, ИМЕЮЩЕГО СТАТУС СУВЕРЕННОГО АГЛОМЕРАТА. ЦЕЛЬ ВАШЕГО ВИЗИТА?*

— Я хочу получить временный вид на жительство.

— *ВЫ СОСТОИТЕ В КАКОЙ-ЛИБО ХАКЕРСКОЙ ГРУППЕ?*

— Разумеется, нет.

— *ВАША СПЕЦИАЛЬНОСТЬ?*

— Инженер по телекоммуникациям второй категории.

— *РОДНОЙ ЯЗЫК?*

— Белорусский.

— *КАКОГО ЦВЕТА НЕБО? А — ГОЛУБОГО. Б — КРАСНОГО. В — ЖЕЛТОГО. Г — НЕ ЗНАЮ.*

— Чье небо? — переспросил я.

— *ВОПРОС НЕ ПОНЯТ. ОТВЕЧАЙТЕ КОНКРЕТНО.*

— Голубого.

— *ПРАВИЛЬНО. У ВАС ИМЕЕТСЯ СТАНДАРТ-СЛОТ?*

— Да.

— *ВЫ ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ СВОД ЗАКОНОВ НАШЕГО АГЛОМЕРАТА?*

— Да.

К разъему в моей голове подсоединили биосетевой кабель и скачали мне в мозги три мегабайта юридического хлама. Позже, бегло «просматривая» все это, я отметил, что значительная часть статей посвящена «компьютерным преступлениям». Особенно строго каралось «несанкционированное проникновение» в

Центр коммутации. За «акт космического терроризма» и вывод из строя системы жизнеобеспечения Комплекса — смертная казнь. Вот это уже серьезно...

В «Процессоре» было шумно. Я уселся за свободный столик, заранее указанный Кунджи, и стал ждать. В баре галдела пестрая, частично обкумаренная толпа. За стойкой орудовал угрюмый, высокий и худой парень с ромбовидной золотой серьгой в правом ухе. Голубой... У стен — портал-кабины, похожие на телефонные будки, — для входа в Сеть. Между посетителями сновали обнаженные тела официанток, татуированные дисками и платами. Очень стильно — каждая девушка, как деталь компьютера.

Ко мне подсел бритоголовый мужик, одетый во все черное — от кожаных брюк до смокинга с серебрястыми разводами.

— Привет, Даун.

Я почти не удивился. Многие знали мой ник. Другое дело — моя внешность. Агент Интерпола?

— Вы сели не за тот столик.

Передо мной — кто угодно, только не Кунджи. При встрече партнер должен был сказать фразу-пароль: «Дивно колосятся арбузы на елках».

— Дивно колосятся арбузы на елках, — сказал бритоголовый. Телепат? Не вопрос — врубается экранирующий чип.

— У меня встреча, — говорю я.

— Конечно. Со мной.

— Ты не Кунджи.

— Нет. Я — официальный представитель «Реинкорн Корпорейшн».

Я наконец-то «догнал»:

— Вербовщик?

— Точно.

— Меня не интересуют...

— Зря, — бритоголовый гнул свою линию. — Вот послушайте.

И он расписал, как ему нужны парни, вроде меня, как ценит их труд «Реинкорн Корпорейшн», а главное — возможность по прошествии пяти лет получить шанс на перерождение.

Я больше не слушал. Я знал, что соглашусь. Не из-за перерождения — это лажа чистой воды: твое сознание запишут на ментальный носитель и поместят в виртуальный банк данных. И ты будешь годами ждать своей очереди. А чтобы клонировать собственное тело... Мне всю жизнь пахать на корпоративной ниве. Хранение клетки — почасовая оплата. Сам процесс клонирования и обратное переселение — астрономические цифры. На черном рынке, в подпольных клиниках это сделают быстрее и дешевле. Правда, никакой гарантии, что качественнее. Любой «хранитель душ» предупредит вас: пятьдесят на пятьдесят. Это все — эрзац, подделка... Но есть легенда, в которую свято верят все хакеры. Она гласит: в Сети есть сайт, если попасть в него — обретишь подлинное бессмертие. Сайт принадлежит «Реинкорн Корпорейшн» и надежно защищен. Добраться до него и взломать еще никому не удавалось.

Я хотел это сделать.

Я знал, что смогу.

— Хорошо, — «сдался» я. — Ты меня уговорил.

— Великолепно! — Просиял агент. — Вы не пожалеете; филиал, в котором вы будете работать, находится на Весте. Лайнер отбывает завтра, в девять

тридцать утра. Вот билет. Бэдж. Идентификационная карта. До свидания.

Вербовщик затерялся в глубинах зала. На его месте возник Кунджи:

— Дивно колосятся арбузы на Елках. Я узнаю тебя по тайному знаку, ты узнаешь меня по перстню на пальце. — Кунджи — чернявый парнишка лет семнадцати, в хламиде, усеянной голограммами от «Верса-чи» — лукаво подмигнул: — Можно поздравить, Даун?

— Да. Завтра я сваливаю.

— Молодец. Покажи мне свой и-карт.

Я протянул белый прямоугольник с магнитной полосой по краю. Кунджи повертел его в пальцах, затем извлек из складок хламиды маленькую коробочку, похожую на сканнер. Карт-программатор. Мои брови стремительно поползли вверх.

— Откуда?

— Тебя не касается.

Он провел «коробочкой» над моим и-картом.

— Готово. У тебя — высшая степень допуска.

Я восхищенно смотрю на партнера.

— Пустяки, — программатор исчез за цветными картинками. Но было видно, что Кунджи доволен собой.

Возле нас появилась официантка.

— Две текилы, — сказал я.

Девушка скрылась из виду.

— Ты всегда пьешь текилу? — спросил Кунджи.

— Нет. Это новая мода среди земных хакеров.

— Понятно, — он сказал это так, словно ему понятно все во Вселенной. Этакий бодисатва, добро-

вольно отказавшийся от Nirваны ради нас, грешных смертников.

— Завтра улетаю, — сказал я.

— Замечательно.

Официантка принесла заказ.

— Еще, — попросил я. — И чего-нибудь поесть.

Она удалилась.

— Слышал про сайт Бессмертия? — Кунджи пристально глядит на меня.

— Глупый вопрос.

— Я откопал его адрес.

Я чуть не подскочил.

— Что?!.

— Не кричи. Без тебя от адреса пользы — ноль целых, ноль десятых. Сайт находится в локальной сети «Реинкорн». А попасть туда практически невозможно. Другое дело — изнутри.

— Ты предлагаешь, чтобы я проник в Бессмертие на Весте?

Кунджи усмехнулся:

— Самоубийство. Тебя сразу обнаружат. Чистильщики займутся твоим сетевым аватаром, а Служба Безопасности — телом. Есть другой путь.

Вот тогда, год назад, мы и разработали наш план. Он был прост. Я проникаю в «реинкорновскую» локалку по и-карту с поддельной степенью допуска и скачиваю все пароли на десять лет вперед. Не входя в Бессмертие, и не вызывая подозрений. Потом — увольняюсь, и первым же рейсом — обратно на Четвертый Орбитальный, где меня ждет верный Кунджи. Я со своим «тройным» взламываю локальное пространство корпорации... А дальше — все идет по накатанной колее. Очень эффектно. Так мы думали.

Санаторий выглядит мрачно и запущенно. Ветер прохаживается по его лоджиям и вовсю разгоняется на крыше, где раньше был уютный ресторанчик под открытым небом. Там подавали хачапури и шашлыки с зеленью, помидорами, луком и острым соусом. Шашлыки жарились прямо у вас на глазах. Передо мной из ниоткуда возник телефон-автомат. Я приблизился к нему, снял трубку и бросил в щель жетон с надписью «Санаторий». Набрал номер, который знал еще вчера. Длинные гудки сменились щелчком.

— Я иду, — сказал я и повесил трубку.

Поднимаюсь по ступенькам, открываю дверь из толстого стекла. Я — в вестибюле. Здесь пусто. Я могу воспользоваться лифтом, но вместо кабины, скорее всего, окажется выход на другой подуровень. Поэтому я направляюсь к лестнице. На втором этаже пусто. Такое ощущение, что неизвестный вирус выкосил всех людей, оставив лишь номера, коридоры, балконы, да еще шум ветра и прибоя снаружи.

Двери номеров были открыты, везде — образцовый порядок и чистота. Я устало брожу по гулким пространствам. Мне надоел этот мир. Уже шестой день я скитаюсь по курортному городку, прерываясь лишь на то, чтобы поесть и сходить в туалет. И снова — бегом к компьютеру. Нельзя надолго оставлять своего сохраненного аватара без присмотра...

Третий этаж — ничего.

Я поднимаюсь дальше. В 416-ом номере — два человека. Один развалился в кресле у распахнутой двери на лоджию. Ветер гуляет по комнате и рвет тюлевые

шторы. Второй молча застыл у зеркала, в котором ничего не отражалось.

— Покажи, — сказал тот, что был в кресле.

Я достаю из карманов предметы: зеленый камешек с черными крапинками, спичечный коробок, фишку из казино и железнодорожный билет. Все это богатство лежит на моей открытой ладони.

— Бросай в зеркало. По очереди.

Я послушно выполнил команду. Предметы утонули в гладкой поверхности.

— Теперь иди в 308 комнату. Быстро.

Я направился к двери.

— Не туда, — человек в кресле указывал на распахнутую балконную дверь.

Я вышел на лоджию, миновал несколько номеров, свернул... И столкнулся с чистильщиком.

* * *

Не знаю, как меня вычислили.

Факт, что на Кунджи и Дауна спустили киллера (их называют благородно — ликвидаторы), а по Сети теперь шныряли орды реинкорновских чистильщиков. Об этом мы узнали позже, но решили играть до конца. У нас не было выбора: столь могучая корпорация как «Реинкорн», всюю пользующаяся технологиями пришельцев, в Совете Директоров которой состоят «гости» с Денеба и Антареса, рано или поздно нас выщемит. Единственный шанс — доиграть, получить то, что мы хотим, и заставить их успокоиться, пригрозив обнародовать секрет бессмертия. Не думаю, что они сменят пароли — для этого придется выполнить титаническую работу, и нет никакой гарантии, что мы

нападем сейчас, а не через неделю. Я же скачал все на десять лет вперед. Слишком большой массив информации. Даже если что-то изменится, обычный «подборщик» сделает свое дело. Классический парадокс с обезьянами и пишущими машинками. Теория вероятности, дети мои...

Я помню весь путь до Весты. Корабль разогнался на лазерных лучах, а потом заработали ионно-кольцевые двигатели. Экипаж состоял из мутантов, выведенных специально для пилотирования. Рабы корпорации, живая собственность... Я быстро обнаружил, что с лайнера можно проникать в Сеть — на его борту имелась мощная передающая подстанция. Все складывалось просто замечательно. Мне даже не пришлось вылезать из своей каюты — в переборку был вмонтирован порт-терминал. Я вставил и-карт в прорезь, активизировав его. В воздухе развернулся топографический экран, справа от терминала открылась ниша, в которой я нашел виртуальный костюм, сенсорную клавиатуру и стандартный биосетевой кабель. Последний идеально подходил к моему затылочному разъему. Надев костюм, и привычно протестировав его, я подключился через кабель к терминалу. Мой допуск распахивал передо мной все двери. Я скачал в свою дополнительную память необходимые коды и пароли, затем вынырнул обратно, в привычную реальность. Операция заняла около получаса, даже смешно стало...

Напрасно. Теперь мне не до смеха. У меня есть одна версия: мое проникновение в «реинкорновскую» локалку было зафиксировано бортовым компьютером. Кое-где кое-кто проверил мой допуск и обнаружил лажу. Надо думать, прежде чем воевать с мельницами...

Я знал, что перед Вестой запланировано еще две остановки. Каньон-Сити (Марс) и Богом забытая пересадочная станция 32101-8. Я не стал обращаться к вербовщику и юридически оформлять свое увольнение. Я вновь погрузился в Сеть и стер все упоминания о себе. Чистка — сложная и кропотливая работа — заняла сутки. Закончив, я хорошенько выспался, поел.

После посадки на космодроме Каньона я незаметно затерялся в дебрях Мегалописа. Четко? Хренушки. Я забыл про бортовой компьютер лайнера.

Но я тогда был счастлив. Еще бы — натянуть «Рейнкорн»! Крутая фишка. Я уже почти легендарен. Алилуйя!

На Марсе я задержался семь часов. Ближайший лайнер с Юпитера доставил меня обратно к Четвертому Орбитальному. Там уже пошустрил Кунджи — я обрел новое имя и новое прошлое.

Я «поднялся» до полноправного гражданина Комплекса — ремонтника Тойо Шикомото. Почтовой ракетой Кунджи переслал мне свеженький и-карт и распечатку официальных сведений о Шикомото. Я выучил их наизусть.

Таможню прошел без труда.

В «Процессоре» замочил удачное начало.

* * *

Я помню первый прокол. Или не первый — как посмотреть.

...Группа захвата обрушила на корпус санатория огненный шквал. Федералы больше не играли по правилам. Их действия вознеслись над законом. Я вжился в паркет вестибюля, прячась от стеклянно-свинцо-

вого дождя. Осколки усеяли пол мелкой крошкой. Пытаются оглушить, взять на понт. Последнее предупреждение — и ринутся на штурм. Обстрел вели из леса — красивого вечнозеленого бора. Все сливается в надвинувшихся сумерках и кажется, что само пространство злобно плюется смертью...

Пригибаясь и хрустя стеклом, я добрался до лифта.

Четвертый этаж. Через чердак — на плоскую крышу, частично залитую смолой, с выпуклостями вытяжных труб и холмиками битого кирпича. А с мрачнющего вечернего неба уже низвергался грохотом лопастей и мегафонным ревом легкий полицейский вертолет. На меня пахнуло запахом близкой грозы и сосен, пиджак вздулся парусом и отчаянно захлопали брюки. Краем глаза я уловил движение: от стены леса отделились крошечные фигурки, заспешили к корпусу. Я нырнул обратно в чердачный люк, едва не поймав пулеметную очередь. Мои соседи, персонал — все куда-то исчезли. Я один метался в пустом склепе, отыскивая лазерку. Похоже — безрезультатно.

Спускаюсь на второй этаж. Отсюда можно спрыгнуть, но здание уже взято в кольцо. Атакующие пересекали местность спокойной, размеренной рысцой — они знали, что оружия у меня нет. В вестибюль хлынули пятнистые фигуры, ощерившиеся стволами. Хлынули и рассыпались. Их действия были четкими, слаженными. Мне эта сцена до боли стала напоминать DOOM — коридоры и куча чудовищ. Одного я вырубил, неожиданно напав из-за угла апперкотом и подсечкой. Федерал рухнул на паркет, глухо стукнувшись бронезелетом. Я добил его ударом локтя в солнечное сплетение. Затем переделался в его форму. Проверил

обойму — полная. Предохранитель снят. Тело — в пустующий номер, к балкону. Штурмовик, похожий на паука, спустился с крыши, скользя по тросу. Точка лазерного прицела пошарила по комнате и уткнулась в мой лоб. Я коротко кивнул, пряча лицо в тени. Отцепившись от троса, федерал занял позицию на балконе. Все отдушины перекрывались.

Я перемещаюсь в номер на другой стороне коридора. Здесь проще. Прыгаю с балкона на мягкий желтый песок, усеянный шишками и иголками. Прокатившись, встаю на ноги, подбираю автомат и бегу к лесу, вложив в бросок последние силы.

Пулю я не схватил. Федералы роем залетели в корпус и теперь перетряхивали его от фундамента до крыши. Я знал, что времени в обрез. Преследователи обнаружат мое исчезновение и двинут в погоню на вертушках. Я мчался по лесу, как загнанный зверь, ломая ветки и огибая стволы. Ориентироваться становилось все труднее: сумерки сгущались, перетекая в ночь.

За минувшие три недели местность я изучил досконально. Сейчас выйду на берег реки, вниз по течению — мост. Потом несложно выбраться на шоссе.

На мосту меня ждали. Засада притаилась за распоркой. Почувствовав дуло между лопаток, я замер.

— Брось автомат!

Исполняю.

— Пять шагов вперед!

Пауза.

— Обернись!

Федерал с нашивками лейтенанта держал меня на прицеле. Я вспомнил этого человека: еще недавно, в Москве, он одевался в штатское и, неслышно ступая,

путешествовал по нашему банку. Чистильщик. Выслеживал меня, гад. Никогда не знаешь, когда такие «аудиторы» приближаются — очнешься, когда уже удавка на шее. И деруться они будь здоров.

— Гони ключ, — сказал чистильщик.

— Какой ключ?

Удар по почкам. Меня согнуло пополам.

— Не прикидывайся клином. Что это?

Он заметил на моем запястье часы. Хорошие часики — «Ориент» за тридцать баксов. Сейчас, в опустевшей тьме, светились покрытые фосфором стрелки и цифры.

— Снимай!

Я послушно расстегнул браслет. Но отдать не успел: стрелки вдруг бешено закружились, весь циферблат оказался втянутым в сумасшедшую пляску, и я понял, что проваливаюсь в этот мерцающий омут, переходящий в извилистый тоннель. Мое сознание несется вдаль, ускоряясь...

Кунджи успел меня выдернуть.

Но я потерял своего аватара. С тоской я смотрел тогда на монитор компьютера, где чистильщик расстреливал из автомата мое тело. Помню, заново проходил три уровня — недельная работа на смарку. С тех пор я стал осторожнее.

Я теперь боюсь «аудиторов».

* * *

Мы поселились на самой окраине Комплекса. Здесь царили вольные нравы и почти земная гравитация. Плюс опасность метеоритного пробоя (ничтожная, но реальная). Плюс налог на экранирующее антирадиацион-

ное поле (в случае неуплаты отдельные участки защиты отключаются — мутируй на здоровье). Плюс налог на светофильтры. Плюс наркоторговля, разборки между бандами, высокий процент смертности и вид звездного неба из окна. Вследствие постоянного вращения мы наблюдали то краешек Земли, то щербатую луну, то размазанное пятно солнца, затемненного фильтрующим покрытием. Наш иллюминатор во всю стену был одновременно информационным монитором. В режиме просмотра на него транслировались все 818 доступных телеканалов — легальных и подпольных. При желании я мог активизировать «гологрэфикс-транслэйшн СИМОТИ», но я — не фанат бесконечных сериалов и хит-парадов. Правда, иногда прикалывают интерактивные шоу — я как-то выиграл в «Исполнителе желаний» путевку в межпланетный круиз, которую немедленно загнал через Сеть одному романтическому придурку с ником Рафаэль...

Наш район спросом не пользовался. Здесь обитали «преступные элементы» всех мастей, хакеры и мутанты (в народе — «муты»), ремонтники, обходчики, менялы и барыги, монахи-кришнаиты и проститутки. Еще, говорят, можно встретить последователей учения Рерихов. Те, кто побогаче, предпочитали квартиры поближе к центру, в зоне умеренной гравитации — около трети одного «же».

Мои глаза стали узкими, волосы — жесткими и черными. По «утрам» я напяливал серую хламиду ремонтника, брал чемоданчик с инструментами и отправлялся на работу — шляться по служебным тоннелям внешнего периметра, ожидая сигнала вызова. Бывало, ком-браслет на запястье истошно верещал,

и я мчался в сектор, указанный на табло, — латать очередной клапан воздуховода или устранять утечку в охлаждающей системе. Работенка крайне нудная. Я коротал время, играя в «тетрис». Теперь в эти штуки вмонтированы сетевые порты и радиомодемы, фанаты устраивают турниры, учреждают призовые фонды...

Кстати, в нашем районе живет местная знаменитость — хакер, который с помощью «тетриса» взломал базу данных Космического Департамента, легенда и пример для подражания. Я, видимо, не скоро достигну такого мастерства.

На обратном пути я частенько захаживал к соседу из блока напротив. Игорь Кирченко, эмигрант из России — тоже своеобразный талант. Кирченко умел собирать кубик Рубика. За рюмкой грузинского коньяка он рассказывал мне о своем прошлом. Бывший солист группы «Тандерфак», бывший инженер (на деревянной подставочке гордо красуется чудо-отвертка, занявшая второе место на Международном Конкурсе отверток в Бангладеше), актер и руководитель общества «*GREENPEACE*», а также *КМС* по настольному теннису в условиях пониженной гравитации... Короче, личность многогранная. На моих глазах он с потрясающей скоростью складывал из разноцветной мозаики квадратиков фигуру, каждая плоскость которой имела свою окраску. Все манипуляции он производил меньше, чем за минуту. Его личный рекорд — сорок секунд. По сути, творение Рубика — трансформер, предназначенный для ломки мозгов. Я как-то сказал об этом Кирченко — он рассмеялся...

Ну что, дружок, ты хочешь знать, кто такой чистильщик? Обычный наемник, работающий по заказу. Заказ прост — ликвидировать энного аватара, а если повезет — выжечь за компанию мозги его хозяина.

Чистильщик с виртуальностью на «ты», для него «сон разума» — естественная среда обитания. Некоторые даже не имеют тел, давно перекочевав в Сеть и органично вписавшись в ее матрицу. Для таких охота на очередную жертву — развлечение, способ скрасить бесконечное существование...

Меня спас прыжок в сторону.

Вообще-то чистильщики двигаются быстро. Сверхбыстро. Но этот был не готов к моему появлению и стоял ко мне спиной.

Он вычислил меня по отражению в полированной дверце шкафа и, смазавшись, развернулся, расстреливая то место, где я только что стоял.

В следующее мгновение Кунджи инсталлировал в меня ускоряющий софт. И почти физически ощутил, как перестраивается структура виртуального альтер-эго.

И я стал равен чистильщику. Во всем.

Кроме одного. У меня не было оружия.

«Нет проблем», — прозвучало в мозгу. Кунджи внес незначительное изменение в матрицу — в моей руке оформился ствол. Солидная крупнокалиберная игрушка. Bravo, партнер!

«Сделай его!»

Я побежал по стене. Словно делал это всю жизнь. Очередь из пушки чистильщика прошла кирпич и деревянные панели подо мной. Полетели щепки...

Вытянув руку, я открыл ответный огонь. Повезло. Пули скосили его, лупанув по ногам. Я оттолкнулся от стены и мягко приземлился рядом.

— Добей! — шепнул Кунджи.

Пинком я отшвырнул оружие чистильщика в дальний угол комнаты. И вышел в коридор.

«Дурак»...

В 308-ом номере через холодильник я перебрался на следующий уровень.

* * *

— Ты видел?!

Кунджи крутнулся на своем кресле, отрывая взгляд от контрольного монитора — там окаменел в паузе мой аватар. Я завел руку за голову и выдернул из разъема, в основании черепа, биосетевой кабель (биос). Затем, расстегнув «молнию», высвободился из объятий виртуального костюма. Тело слегка покалывало.

— Он тебя найдет.

Оптимизм Кунджи потрясал. Мой партнер любит называть себя «Реалистом в инфернальной форме».

— Пусть попробует.

— Попробует, — заверил Кунджи. Вновь повернувшись к монитору, он словно утратил ко мне всякий интерес. В правом нижнем углу экрана вынырнуло окошко с перечнем каких-то названий. Часть из них была погашена, буквы потускнели и расплылись — пройденные мной уровни.

— Тебе осталось немного, — бросил Кунджи через плечо.

— Сколько на это уйдет времени?

— Не знаю. От пары суток до трех-четырех недель. От тебя зависит. — Он пробежался пальцами по сенсорной клавиатуре. Окно развернулось в голлограмму посреди комнаты. — Чистильщики перекапывают Сеть в поисках тебя. Это носит уже тотальный характер, дружище. Но их работа осложняется тем, что по мере продвижения вглубь реинкорновской локалки миры-оболочки становятся все совершеннее...

Отделавшись от костюма, я иду в туалет. Оборудование, заменяющее основные жизненные процессы, влетает в нехилые бабки, поэтому я вынужден иногда покидать своего аватара — для удовлетворения простейших потребностей, как сказал бы Кунджи. На работе я выбил отпуск, так что теперь почти не отвлекался от штурма.

Унитаз за моей спиной резко загудел, раскладывая содержимое на атомы. Автоматическая дверь отрезала этот звук.

В голоокне мелькали ряды цифр — Кунджи загружал очередной хитрый софтик, вплетая его в ткань Сети. Я направился на кухню.

Кунджи пил сок манго и играл в «тетрис».

— У тебя одни развлечения на уме, — буркнул я.

Вряд ли справедливое замечание. Именно благодаря «примочкам» партнера, мне до сих пор не спалили мозги. Но я любил поспорить. Он — тоже.

— Развлечения — двигатель прогресса, — заметил Кунджи.

— Да ну?

— Без дураков. Что кричал плебс в Древнем Риме? «Хлеба и зрелищ!» Это — главные жизненные ценности, ориентиры. Кто вращает колесо цивилизации? Телекоммуникационные компании, вот кто.

Я слушал его, как студент лектора, при этом не забыв сунуть в микроволновку консервированный картофель с мясом и яичницу — с помидорами. Хлеб отправился сначала в автонarezчик, а затем — в тостер. Кофе разогрелся сам по себе, когда я коснулся термически чувствительной упаковки.

— ...Углубимся в историю, — продолжал Кунджи. — Почему человек спустился с деревьев?

— Обезьяна, — поправил я.

— Хорошо, обезьяна. Почему она спустилась?

Я пожал плечами.

Кунджи ответил сам:

— Ей стало скучно. Любопытство, стремление к новым развлечениям — вот краеугольный камень человеческой психики.

Микроволновка подала сигнал о готовности пищи и отключилась. Я достал консервы, вскрыл их и принялся за еду.

— В итоге все важнейшие открытия используются королями масс-медиа. Волны?.. Радио, телевидение, Сеть, наконец, в теперешнем ее виде. Книгопечатание?.. Попсовые книжонки про любовь на лотках. Компьютер?.. Орды геймеров рубятся в DOOM-ы и стратегии по всему миру.

— Это — прошлое, — заметил я, поглощая картошку. — То, что ты пречислил, перекочевало в виртуал.

— Согласен. Но суть-то одна.

Он допил сок и поставил опустевший стакан в посудомойку.

— Скажи, Даун, зачем тебе бессмертие?

Я чуть не подавился:

— Глупый вопрос...

— И все же?

Я задумался. Долго молчал, прежде, чем сказать:

— Чтобы не умереть, Кунджи. Я не верю в рай и Нирвану. Там, за барьером, ничего нет. Пустота. Все оборвется. Краски, звуки, запахи, боль и наслаждение — это будет потеряно. Я хочу жить дальше, вот и все.

Тостер выбросил поджаренные ломтики, щелкнул и затих.

— А дальше? — Кунджи, оторвавшись от «тетриса», сверлил меня взглядом.

— Что — дальше?

— Допустим, ты бессмертен. В твоём распоряжении — века... Ты встречаешь свой очередной миллиум. Какая у тебя проблема?

Нас прервал компьютер, высветив на дверном табло: *«ЗАГРУЗКА ОКОНЧЕНА»*

Кунджи вихрем вылетел в комнату — проверять результаты. Я в одиночестве допил кофе и выбросил смятую упаковку в мусорный бак-аннигилятор. Любые отходы в мире Комплекса перерабатывались в тепловую энергию — вечный круговорот.

— Даун!

— Иду!

Он сидел за контрольным монитором — собранный, напряженный. Я понял — отдых закончился.

— Моя программа называется «Лоцман», — сказал Кунджи. — Она изучила следующей уровень, внедрилась в него и выработала систему подсказок. Обращай внимание на мелочи.

— Принять душ я не успею?

— Нет. Одевай костюм.

Я стою на кладбище.

Ночь. Надгробные плиты, кресты, чугунные ограды освещены бледными лунными лучами. Фильм ужасов какой-то. Я усмехнулся: у реинкорновских разработчиков, оказывается, большая фантазия. Что бы сказал Фрейд, интересно?

Везде признаки запустения. Могилы давно поросли мхом и папоротником, утонули в кустах «волчьей ягоды», в рябинах и прочей дряни. Я уныло брел по этим джунглям, высматривая в темноте малейшие подсказки. Ничего. Ситуация осложнялась туманом, голубоватой мутью, затянувшей кладбище. Ветви кустов норовили хлестнуть меня по лицу, ноги утопали во мху. Шуршала осенняя листва. Иногда я спотыкался о надгробья или поваленные ржавые кресты. Мощными колоннами вздымались к небу стволы сосен.

Удручающее однообразие. Ноль ориентиров. Куда идти? Еще не хватало, чтобы мертвецы стали вылазить...

Впереди замаячило что-то темное и мрачное. Постепенно оно приобрело форму, объем и размеры. Передо мной высится старенькая капличка, сложенная из красного кирпича. Я обхожу ее и встречаюсь с нищим.

Нищий сидит в позе лотоса и смотрит на меня пустыми глазами. У его ног — меховая шапка, на шее — кусок картона, на котором — слова: «САМИ МЫ — НЕ МЕСТНЫЕ...» Ну — и так далее.

Пошарив в карманах, я извлек горсть мелких монет и швырнул в шапку. В ответ нищий протянул мне руку со сжатым кулаком. Кулак разжимается — на

ладони серебристо посверкивает жетон. Я беру его. Орел — змея пожирающая собственный хвост, решка — одно только слово: «ТАНАТОС». Смерть. Больше ничего.

Я отворачиваюсь и ухожу. Нищий растворяется в тумане.

Довольно прохладно — думаю, этот мир застыл где-то в октябре. На мне по-прежнему пальто и длинный вязаный шарф поверх растянутого серого свитера, линялые джинсы и черные ботинки на «тракторной» подошве.

Поплутав по кладбищу, я вконец заблудился. Кажалось, это место замыкается само на себя.

Я решил дождаться утра. Опустившись на землю, привалился спиной к рельефной ограде. Плотнее закутался в пальто и попробовал заснуть. Меня встряхнул голос Кунджи, звучавший прямо в голове: «А ну вставай, урод! Хочешь с чистильщиком поцеловаться?..»

Я вновь бреду в никуда.

Мне повезло: деревья стали расти реже, и я вышел на берег реки. Крутой, обрывистый берег, по которому тянется извилистая тропинка. По ней я спустился в город — на узкую, мощеную бульжником улочку, одним концом упиравшуюся в лодочную станцию, а другим — выводящему на площадь.

Городок был маленький. Чем-то он мне напоминал те старинные белорусские города, уже давно поглощенные мегаполисом и превратившиеся в заповедные «музейные» районы. Я родился и вырос именно в таком районе, в обшарпанной пятиэтажке времен XX века...

Час предрассветный. Я в нерешительности замер в центре площади, на перекрестке дорог. Подсказки. Где их искать? Разумеется, на доске объявлений.

Я направился к остановке. Обогнул скамейки и подошел к покосившемуся забору, ограждающему стойку. Света фонаря и луны вполне хватало, чтобы прочитать текст. Я мысленно пробежался по объявлениям. Все одинаковы. Сдается квартира по улице Ленина, 79/2. Телефон I-18-25. Ни подъезда, ни номера квартиры...

«Думай, — сказал я себе. — Что у нас есть?»

Жетон.

Браво, Даун! Я подхожу к телефону-автомату, набираю указанные в объявлении цифры. Длинные гудки. Щелчок:

— Да?

— Я по объявлению. Как мне вас найти?

Получаю подробные инструкции. Двигаюсь по главной улице (она же — Ленина). Почти точная копия моего района. Не удивлюсь, если справа окажется книжный магазин, а затем — бар. Как он назывался? Вроде, «Релакс». Воспоминания накатывали волной. Слева должна быть железная дорога, вокзал. Тогда, в моем детстве, на вокзале встречались «девятки» и «шестидесятки», до зубов вооруженные цепями, кастетами и кусками арматуры...

Я сворачиваю во двор дома №79, нахожу подъезд. Следуя указаниям, поднимаюсь на четвертый этаж. Останавливаюсь перед обитой дерматином дверью. Звоню.

Никто не открывает. Опять вдавливаю кнопку звонка. Ничего. Толкаю дверь — не заперто. Вхожу. Дверь сзади захлопывается.

Я нахожусь в восьмиугольной комнате с кучей дверей. Мебель отсутствует, окна тоже. Стены выкрашены в белый цвет. На каждой двери — табличка с надписью: «ДНЕПР, ЗАВОД, ВОКЗАЛ...»

Выбор.

Господи, как я этого не люблю! Придется действовать методом научного тыка. Я делаю шаг к ближайшей двери (*ВОКЗАЛ*), поворачиваю ручку и... перемещаюсь на перрон. Прямо передо мной в обе стороны тянутся пути. Сзади — голубое здание с круглым циферблатом над крыльцом и парой сводчатых окон, клумбы, стриженные кусты и ели, скамейки. Колонка с водой...

Я захожу в здание. Кстати, название города я так нигде и не обнаружил. Странно, не правда ли? Как и то, что город абсолютно пуст. За все время я ни разу не встретил в этом мире живого человека. Словно чума всех выкосила. Но ведь разработчики могли и намеренно не предусмотреть населения. Для чего?

Правильно. Чтобы легче было выщемливать хакеров вроде меня.

В зале ожидания — гулкая пустота. Даже сиденья отсутствуют. В кассе — никого. Передо мной — расписание движения поездов. Мне показалось, что оно есть, что там обычный набор данных, но прочитать хотя бы строчку я не успел. Потому, что все исчезло, и на белом квадрате высветилась надпись: «ЛЕНИНА 79».

Из ступора меня вывел звук. Отдаленный гул, похожий на...

Приближался поезд. Какого хрена поезд в этой статичной вселенной?

Я вынырнул.

* * *

Кунджи буквально впился глазами в контрольный монитор. Мой аватар с глупейшим видом окостенел посреди мраморного зала. Было видно окно с кусочками перрона и часть абстракционистской картины на стене.

— Эй! — я окликнул партнера.

Он уставился на меня.

— Ты что тут делаешь?

— Я...

— Идиот! — Кунджи взорвался неожиданно, как ядерная бомба, выплескивая все накопившееся напряжение долгих недель штурма. — Там чистильщик! Слышишь меня, тупое животное? Он в поезде и сейчас доберется до тебя! Назад!

— Успокойся. Ты можешь загрузить для меня оружие?

Он немного остыл, вернулась прежняя рациональность мышления. И быстрота реакции.

— Что угодно. Только убирайся отсюда. Мы же почти у цели, понял? Почти у цели...

* * *

Поезд прибыл.

Помятый дизель — из тех, что списаны еще полвека назад и теперь ржавеют на многочисленных свалках.

Вышел чистильщик. Он не потрудился принять какой-либо конкретный облик — ко мне текло аморфное существо с зачатками конечностей, полупризрачное.

В реальном мире Кунджи запустил процесс за-
ружки.

В виртуальном почти мгновенно сконструирова-
лось мощное орудие со стволом, нацеленным в окно.
Почти не раздумывая, я подбежал к нему, уселся на
вырост-сиденье, приваренный к станине. Руки сами собой
нашли гашетки. Точной наводки не требовалось — с
такой-то дистанции...

Огонь.

Залп вынес окно с фрагментами стены, перрон
утонул в пламени. Когда дым рассеялся, я увидел чи-
стильщика — удар совершенно не отразился на уб-
людке. Он неотвратно приближался.

— Сваливай! — шепнул Кунджи. — Через распи-
сание. Быстро, твою мать!

Я метнулся к плакату «расписания». Прыгнул,
провалился в зыбучую трясику неопределенности...

Знакомая квартира. Двери.

Снова — выбор. Я внимательно присмотрелся к
надписям. «МУЗЕЙ, ШКОЛА». На одной двери над-
писи не было. Буквы проступили, когда я к ней при-
коснулся. Красные готические литеры с кровоподте-
ками: «ТАНАТОС».

Я вошел.

Мои ботинки вдавились в кладбищенский грунт.
...Лопату взял в домике сторожа. Я уже знал, что
делать — Кунджи мне все подробно разъяснил. Ус-
пею или нет — другой вопрос. «Реинкорн» не бросит
охоту. Да и чистильщик где-то здесь, в городе. Воз-
можно, он бродит неподалеку, шаря лучом фонарика
по могилам...

Я тоже шарю.

Из сотен памятников и надгробных плит — мне нужен кусок мрамора с сакраментальной надписью. Чем меньше времени уйдет на поиски, тем лучше.

По-прежнему — октябрьская ночь. Я уже облазил треть кладбища, но так ни на что и не набрел. «Думай, — напутствовал Кунджи. — Шевели мозгами. В виртуальности все символично. До гениальности просто. Ответ — в твоей голове...»

Я нашел это возле каплички. Всего в двух шагах. Вросший в землю памятник, на котором проступает знакомое «ТАНАТОС». Имя, фамилия отсутствуют, зато сохранились даты жизни: 1980 — 2067. «Это пароль, — предупредил Кунджи. — Запомни».

Я запомнил.

И начал копать.

Грунт поддавался легко, словно я рыл пыль или пепел. За считанные секунды углубился почти на два метра. Я уже готов был услышать стук лопаты о крышку гроба, но вместо этого... провалился. Скольжение — и выход.

* * *

— Это промежуточный узел, — сказал Кунджи.

— А потом?

— Потом ты сделаешь Сальто.

— И?..

— И ты — победитель. Вводишь пароль — из тех, что скачал на корабле, и Бессмертие — наше.

Финал. Я почти не верил, что он наступит. И что, вы думаете, я сделал?

Я отправился в душ.

Горячие струи смывали с меня многодневную грязь, принося очищение. Не только физическое, но и духовное.

Я думал о Сальто. Сальто над Алюминиевым лесом, которое я должен выполнить. Прыжок — символ. Я образу в момент Сальто картинку, которая ножом, цифровым кодом войдет в матрицу Их сервера. Последний аккорд моей одиссеи. Потом начнется новая жизнь. Вечная.

Я помню потрясение, испытанное мной, когда я осознал, что сайт Бессмертия реален. Когда я понял, что это не миф, это штука, которой я могу обладать. Мы с Кунджи — лучшая хакерская команда в окрестностях Земли, и мне кажется, что мы заслужили приз. За свои труды. За удачу. За каждодневный страх. Да, признаюсь: я до сих пор боюсь. Но скоро они будут бояться нас. Штурм вступает в решающую стадию...

Я действую решительно. Связываюсь по особому кодированному каналу со своими друзьями на Земле — подпольной исследовательской группой «Джокер». Эти ребята подрабатывают нелегальной телетрансляцией, но основное их достоинство в другом. «Джокер» считывает практически любую информацию: цифровую, штрих-код, генетическую, мертвые языки... Считывает, размножает и распространяет.

Просекаешь, дружок? Бессмертие скопируют с меня, тиражируют и забросят в Сеть — гулять по планетам и спутникам. Естественно, за плату. Идеальный сюжет: человечество облагодетельствовано, «Реинкорн» в анусе, тандем Даун-Кунджи сказочно богат и знаменит. Великолепно, не правда ли? Круче Деда Мороза с мешком подарков.

Мои тело и волосы высушивает соляная лампа. Из стиральной секции, совмещенной с санузлом, я извлекаю чистую одежду. От нее исходит аромат лаванды — спасибо новому порошку «Люкс».

Кунджи вводит пароль — естественно «1980—2067».

Загружается следующее препятствие. Это четверть часа — по минимуму. Мы завтракаем в абсолютном молчании. На табло вспыхивает классическое: «ЗАГРУЗКА ОКОНЧЕНА». Мы возвращаемся в свою тюремную камеру.

Кунджи мановением руки «материализует» *Это* в гологрэфиксе.

Кубик Рубика.

* * *

Помню, как я матерился. Кунджи сказал, что будет искать в Сети обучающую программу. И тут меня посетило озарение. Кирченко! Я пригласил его к нам и указал на проблему. «Фигня», — сказал Кирченко. Я засовываю его в виртуальный костюм и вселяю в своего аватара. Небольшая задержка — компьютер подгоняет личностные характеристики. Силуэт перемещается по обоим мониторам и, одновременно — голографическим фантомом — по комнате. Его руки (общим числом — шесть) дотрагиваются до кубика, словно оценивая его вещественность, и начинают мелькать с потрясающей быстротой. В углах мониторов таймеры отсчитывают секунды. Тридцать четыре. Мы с Кунджи обмениваемся восхищенными взглядами. «Это бутылка», — говорим мы хором. «Ерунда, — отвечает

Кирченко, — сушие пустяки». Но зайти на вечерний банкет соглашается.

Я погружаюсь в Сеть.

* * *

Алюминиевый Лес.

Над этим «шедевром» явно поработал извращенец. Программист-шизоид. Представьте себе обширную территорию, сплошь покрытую металлическими зарослями. Сегментированные стволы и ветки, скрепленные болтами, листья и шипы. Даже плоды, смахивающие на батарейки.

Я стою на холме. От противоположной возвышенности меня отделяет несколько километров Леса. Но мне — не туда. Гораздо ближе зияет щель-переход, куда я должен нырнуть, выполнив Сальто. Я терпеливо жду, пока Кунджи не введет наш любимый софтик «прыжки-полеты». Алюминиевая листва колышется на ветру.

Ко мне словно приставили крылья. Кунджи — ты мой ангел-хранитель!

Я прыгаю.

Отрываюсь от земли с легкостью. Что там сказал классик? Человек создан для счастья...

Я делаю Сальто.

Бесконечно долгую, растянутую, как резина, секунду подо мной проплывает Лес, а затем...

Обычными словами этого не передать. Я пропустил миг, когда достиг щели. Мозг выдал запомненный годом раньше пароль — он вошел в ткань сайта, как нож в масло. Меня накрыло цифровой волной, поглоти-

ло, засосало. Повсюду выстраивались двоичные структуры, замкнутые сами на себя, и ныряющие, казалось, в иное, четвертое измерение, подчиненные странным, запредельным законам виртуальной топологии... Окружающий континуум выворачивался наизнанку, и по сравнению с этим лента Мебиуса была детской игрушкой. Оно рванулось ко мне, подключилось, и я понял, что становлюсь бессмертным. Формация перестраивала меня на генетическом уровне, вписывая в каждую клеточку новую, свежую информацию. Виртуальная нанотехнология. Каким-то непостижимым образом сайт воздействовал на мое сознание, а через него — на неподвижное тело в скорлупе Четвертого Орбитального. И тело менялось необратимо и навсегда, его лепили, как пластилин. Ничтожную часть данных мой хакерский мозг умудрялся расшифровать: циклическое омоложение тканей, внедрение (образование?) чужеродного гена, реставрация нервной системы...

А перед глазами вновь и вновь прокручивалась металлическая равнина и Сальто. Я теперь буду переживать это долго. Вечно. Вспоминаю и сейчас. По аксонам пробегает дрожь...

* * *

Я просыпаюсь.

Кунджи помогает мне снять костюм, выдергивает биос, отводит на кухню. Я настолько ошеломлен, что практически не воспринимаю реальности. Кунджи заливает мне в рот кофе, смешанный с изрядной дозой грузинского коньяка. Я пью, не чувствуя вкуса, а за стеной нелегальные софты Кунджи стирают все

следы нашего пребывания в Сети. Я подмечаю несущественные детали: горит индикатор микроволновки, лязгает хлеборезка (обычно она не лязгает, видимо, что-то накрылось)... Постепенно возвращаюсь к норме. Кофе обжигает язык, слова партнера больше не тонут в непроницаемой вате, они достигают меня. Я на Четвертом Орбитальном. Два непреложных факта впиваются в сознание. Я вскрываю еще одну упаковку с кофе. Кунджи протягивает мне «колесо» стимулятора, но я отказываюсь. На информ-табло вспыхивает сообщение: к нам пришли.

Кирченко явился с бутылкой «грузинского». Интересно, где сосед его достает? Надо будет спросить...

Раздавили пузырь за полчаса. Меня отправили за «догонкой». Услуги пневмопочты распространялись и на наш район, только сейчас кусок вакуумной трубы вышел из строя. А ближайший магазин — в пяти минутах хотьбы по радиальному проспекту. Километры витрин и неоновых реклам. Бутики, салоны, бары...

Я добросовестно отстоял в очереди, товар мне мастерски запаковали, скрепив клейкой лентой с логотипом фирмы-производителя. Обычная процедура. Весь поход занял четырнадцать минут.

Когда я вставил магнитный ключ в паз двери, и она открылась, я застыл на пороге...

Кунджи и Кирченко были мертвы.

Я вспотел. Всего четырнадцать минут...

Позже, обдумывая обстоятельства их смерти, я решил, что киллер, вероятно, принял Кирченко за Дауна. Вполне логично: наших фэйсов он не имел, но знал, что в квартире всего два клиента. Обоих и замочил. Судьба...

А вот мне невероятно повезло. Шансов выжить в подобной ситуации — кот наплакал. Мы взломали сайт именно сегодня, а не, скажем, вчера или завтра. Плюс — визит Кирченко. Плюс — поломка почтовой трубы. Плюс — очередь в магазине... Множество незначительных факторов сложилось и, взаимодействуя, спасло бессмертного хакера с ником Даун. Чистая теория вероятностей. У меня была вечность, но решающими оказались жалкие четырнадцать минут.

Тогда я ни о чем таком не думал. Я думал, как выкрутиться. Ведь если реинкорновцы поймут, что замочили не того, охота продолжиться. Ясно одно: нельзя производить лишней суеты. И еще: я, кажется, засиделся на Комплексе. Пора домой, на старушку Землю. Тойо Шикомото взял билет на Кипр — отдохнуть от гаечных ключей и отверток и там благополучно пропал без вести. Вместо него родился некий Круз де Сад (как вам имечко?) и вынырнул он уже в Мадриде, а не на Кипре. Само собой у де Сада была внешность корсиканского кабальеро с долей белорусской крови — но это пустяки. Кабальеро обожал чатоваться в Сети, особенно с «Джокером». Штаб-квартира «Джокера» по странному совпадению тоже размещалась в Мадриде...

Я часто думаю о Кунджи. Мне его не хватает — мы почти стали друзьями. А еще я вспоминаю наш разговор о развлечениях. Какая у меня проблема, Кунджи? Теперь я понимаю...

Убить время.

НЕКРО

Над городом распростерлась пелена оранжевого сияния — энергетический метеоцит, ограждающий население Нордического Агломерата от плохой погоды. Где-то там, за переливающимся перекрестьем силовых линий, за этим тепловым барьером, бушевал снегопад. Когда фронт успокоится и двинется дальше на юг, автоматика немедленно уберет заслонку, обнажив чистое голубое небо...

А пока в Агломерате царило квазилето.

Человек с кейсом медленно карабкался по опорным конструкциям. Здесь, на западной окраине мегаполиса, в секторе застройки, было пустынно и неуютно. Холодный ветер, свободно гуляющий в стальных высотах, ревел в ушах, пытаясь оторвать и сбросить. Поэтому человек был в пальто — тяжелом, черном, с длинными лапами и поднятым воротником, пальто, скроенном из синтетической пуленепробиваемой ткани. Гофрированная сталь обжигала пальцы. Ручка кейса была надежно закреплена на спине, притороченная к специальной петле, и он не беспокоился за свою аппаратуру. А ветер... На выходе из сектора разделители разобьют его на отдельные струи, а воздухопроводная система всосет в себя через решетчатые фильтры-ловушки и погонит по подземным каналам, ускоряя поток частиц, подавая его на нижние ярусы, транспортируя реки гладких, обтекаемых цилиндрических контейнеров, приводя в движение автономные электростанции...

Человек достиг площадки, на краю которой в мертвенном оцепенении замерла лифтовая платформа, и

выпрямился: средний рост, пропорциональное сложение, черные, коротко стриженные волосы с выбритыми стрелками, изгибающимися к затылку. Под пальто скрывались каменные мускулы. Человек снял пальто и отцепил от него кейс. Петличка втянулась в ткань...

Он стоял на одном из будущих этажей недостроенного жилого блока. К небу уходили лабиринты угловатых неприступных переплетений. Внизу — сотни метров того же. Иней на балках заметно подтаял и теперь они влажно блестели. Человек поежился в своем сером свитере и вновь влез в пальто. Лифт заклинило надежно. Строительные роботы, свернувшись в коконы, отключились (фирма-подрядчик недавно обанкротилась, и возводимый ею объект был выставлен на аукцион); сейчас их жалкие сфероиды виднелись то тут, то там в узловых точках, прилепившиеся наподобие ласточкиных гнезд — или капелек росы...

Его звали Некро. Всего лишь кличка. Имена он выбирал разные, а посему они не имели смысла. Некро был самым высокооплачиваемым киллером в Агломерате. Его рука настигала жертву в любом пункте земного шара. Неизбежно. И неизвестно.

Некро взобрался на платформу. Опустившись на колени и нащупав раздвижную панель, он сместил ее вбок, обнажив клубок разноцветных проводков и примитивную плату. Вынув из кармана кубик ориентатора, нажал клавишу запуска программы. Выскочившее из корпуса шупальце со штекером на конце потянулось к слоту в гуще проводов и со щелчком вошло в него. Устройство предназначалось для активизации заблокированных систем. Оно поддерживало связь с домашним компьютером Некро, расположенном на его

квартире близ Ла-Манша. В данную минуту его процессор последнего поколения перебирал миллионы вероятных комбинаций кода доступа. Когда подбор завершился, устройство получило радиосигнал и переслало его на плату. Засветился красный индикатор. Некро отключил прибор. Затем сказал:

— Вверх до упора. Потом — вниз. Скорость минимальная. Выполняй.

Платформа реагировала на голосовые команды. Скрипнув, она стронулась с места и плавно заскользила по вертикали.

Некро не терял времени. Поджав под себя ноги, он придвинул кейс — плод новейших технологий. Дотронувшись до его серебристой поверхности, вызвал к жизни сканирующий луч, который за тысячную долю секунды исследовал сетчатку его глаза. После этого кейс открылся. Бесцветный голос сообщил, что с содержимым все в порядке и поинтересовался: не желает ли хозяин внести изменения в текущую программу. Бросив мимолетное «нет», киллер приступил к привычной работе. Его цепкие ловкие пальцы извлекли на свет необходимую технику: метеорадар армейского образца, мотки кабелей, виртуальные перчатки, чипы присутствия на липкой основе, процессорный миниблок, чувствительную пластинку, заменявшую клавиатуру, свернутый рулоном монитор, автоматически развернувшийся и затвердевший на воздухе, штырь, выпустивший из себя три опоры и раскрывшийся в спутниковую тарелку, кубики соединительных модулей-распределителей, волновой атмосферный модулятор и ящик отслеживающей станции... Когда предметы проходили через поле Владича, контуры

их искажались, размывались, а сами предметы увеличивались в десятки раз. Атомы и молекулы, слепленные страшной концентрированной силой, занимали прежние позиции — эффект, обнаруженный земными учеными на погибшем корабле пришельцев. Краденые, заимствованные технологии. Как и законы атмосферной модуляции. Как многое другое.

Корабль упал на Землю давно. Поколение назад он рухнул с небес в Атлантику в районе Сейшельских островов. Стервятники, первыми накинувшиеся на жертву, совершили колоссальный скачок от третьесортных, ничего не значащих фирм до транснациональных монополий, безжалостно сокрушающих любые проявления конкуренции. Мощнейший Орбитал-Концерн, подчинив себе ряд крупнейших мегаполисов, перенес штаб-квартиру в Космос на пересадочную станцию «Дзен-Трансо». И Орбитал-Концерном и «Трансо» заправляли якудзы, но глаза на это благополучно закрывались. Закрывал их и Некро.

Пока лифт двигался, засечь его было очень трудно. С увеличением высоты ветер свирепел, злобно покусывая кожу. Некро, отодвинув кейс, начал быстро все подключать. Вставив кабель в разъем на затылке, он обрел единство с системой. Чипы надежно приклеились к коже, запустив тончайшие проволочки в слуховой и зрительный нервы. Киллер натянул перчатки и прикоснулся к чувствительной пластинке, разворачивая картинку на мониторе. Туда он и провалился — прямо в тропосферу через жидкокристаллический барьер...

Существовала теория о черных дырах. Согласно ей эти звезды, пережившие коллапс, встречались и на

Земле. Ничтожно малые объекты с кошмарной массой витали где-то в безвестности. Некро вылавливал их и направлял по заданной траектории при помощи модулятора.

Лифт полз в оранжевое сияние. Человек в пальто вознесся над миром. Он мчался в информационных потоках, зависал на теле - и метеоспутниках, взирал на планету через видеоискатели киберштурманов пассажирских челноков...

Он был в Москве. Жертва ехала в шикарном лимузине по Садовому Кольцу — довольно статичный маршрут (по меркам киллера). Тем временем метеорадар зафиксировал гравитационное возмущение и послал весть в мозг пользователя. Операция проходила гладко, предсказуемо... Перед его внутренним взором мелькали координаты — максимально точные, с погрешностью близкой нулю. Некро синтезировал излом пространства, протянув мостик к лимузину. Процессор корректировал курс с учетом движения машины — дело нехитрое. Некро видел лицо жертвы — невыразительное, со следами недавнего омоложения.

Платформа достигла верхней площадки и скользнула вниз.

Некро совместил объекты. Черная дыра заняла один объем с биржевым маклером, и тело последнего вспыхнуло ярким всепожирающим пламенем. От гравитационного удара цепи автопилота смяло, уничтожило. Лимузин занесло. Его серебристо-серый обтекаемый корпус, подобно снаряду, вырвался из тесных рамок автострады и за доли секунды, покрыв стометровку ленточной зоны, обрушился в стекло и великолепие выставочного павильона.

Некро вернулся в свое тело и отсоединился от системы. Быстро упрятав аппаратуру обратно в кейс, он задал режим обычной охраны и выпрямился.

Платформа достигла земли.

Человек в пальто сошел с нее и уверенно зашагал по хрустящему щебню в сторону разделителей. Заметно потеплело: квазилето вступало в законные права...

Челнок, выпростав шлюзовой сегмент, присосался к стыковочному модулю. Поток пассажиров устремился внутрь станции через образовавшийся коридор. В их число затесался и неприметный черноволосый курьер с закругленным кейсом в руке. Он был одет по внеземной моде: яркая свободная футболка с опознавательным штрих-кодом на плечах и шорты. На «Дзен-Трансо» царил средиземноморский климат, соляные лампы клали на кожу ровный загар. Глаза курьера прятались за пластиком затемненных очков.

Шлюзовой переход заканчивался в таможенном блоке. Кейс был просвечен, а потолочные сканеры сверили штрих-коды с имеющимися в банке данных. Киборг-досмотрщик растерянно скользнул по нему фотоэлементами. Когда из коридора вышел последний пассажир, отверстие затянулось органомпластом. Там, снаружи, цилиндрикоконический челнок со втянутыми в корпус крыльями проглотит пасть ремонтно-профилактического ангара. Кораблик заправят, осмотрят, прочешут рентгеном...

— «Дзен-Трансо» приветствует своих гостей, — вещал динамик у ворот внешнего обода. — Сектор космопорта находится на противоположном конце. Туда удобно добираться круговой экспресс-лентой. Жела-

ющих получить постоянное либо временное гражданство просим пройти...

Официальным станционным языком был японский. Эсперанто здесь почти не пользовались. Но курьер не испытывал затруднений: в его мозг был имплантирован чип оперативной памяти, в котором сохранилось подавляющее большинство известных языков, наречий и диалектов. Даже сленги...

Курьер пробирался во внутренние сектора. По мере его продвижения сила тяжести незаметно уменьшалась. В таможенном блоке она почти равнялась земной — следствие хитрой технологии, также позаимствованной у чужаков. Да, станция вращалась, но делала это по особому. В полых ее стенах, напичканных электроникой, оптическими волокнами и путями коммуникаций в ре-гравных полях с досветовой скоростью носились мириады частиц. Ответвления от общего канала образовывали общую спираль, замыкающуюся в центре «Дзен-Трансо». В результате рождалась некая неестественная центробежность. И лишь в узловой шахте, где помещались энергетические установки, парила в невесомости штаб-квартира Концерна — только там не было опоры. Однако, цитадель якудза владела собственной ре-гравной системой.

Все радиальные дороги вели к шахте. Но и все они одиноково упирались в утыканые сканирующе-опознавательными наворотами освинцованные бронированные плиты метровой толщины. Если вы пошлете неадекватный запрос на доступ, виртуальная девушка-интерфейс в лучшем случае сдаст вас ментам Косбеза, в худшем — превратит в пепел. Самое удивительное в этой истории, что и Косбез и якудзы сосуще-

ствовали в органичном симбиозе, заботливо помогая друг другу.

Узкоглазый секретарь нашел его, жующего протеиновую массу в баре «Тарантул». Японец терпеливо ждал, взирая на пестрый орбитальный сброд со стальных мониторов, пока тарелка курьера не опустеет. Затем он спросил, игнорируя прочих посетителей:

— Вы понимаете японский?

Вопрос был задан на эсперанто.

— Вполне, — кивнул курьер, вставая из-за стола и вытягивая кредитку из расчетного паза.

— Хорошо, — секретарь перешел на родной язык. — Мы встретим вас у Хоккайдских Ворот.

Курьер двинулся к вертушке дверей. И в это время свисавший с потолка мутант, взмахнув перепончатыми крыльями, вырос перед человеком с кейсом. Половинная гравитация позволяла ему свободно парить, слегка трепеща полупрозрачными складками. Тельце его было плоским и костистым, зато пальцы рук оканчивались бритвенными изогнутыми лезвиями когтей. Зрачки его были похожи на два горящих рубина — горящих огнем ярости.

— Хиш мадр кадар? — прошипел мут.

Курьер невозмутимо повернулся к стойке.

— Что он сказал?

— Ты якшаешься с Концерном? — любезно перевел хозяин — монголоид с кистью-протезом. И добавил: — Здесь не любят япошек.

— Кхир-маар шанор фа, — процедил мут, клацнув зубами.

— Он сказал, что вырвет твое глазное яблоко и съест, — вновь вклинился хозяин.

— Прямо сейчас?

— Вероятно... — хозяин пожал плечами.

— Пусть попробует.

Существо, скорчив ужасную гримасу, выпростало когтистую пятерню, метя в лицо курьера. Но за мгновение до этого кейс резанул по телу атакующего лазерной нитью — крест-накрест, словно орудующий мечом самурай. Брызнула бурая кровь. Четыре дымящихся куска развалились прямо в воздухе. И рухнули — нет, скорее плавно опустились на зеркальные квадратики пола. Грязно-коричневая жидкость заляпала основание соседнего столика и образовала медленно расплывающуюся лужу.

— Отличная работа, — похвалил с мониторов секретарь, шевеля одновременно двадцатью губами, и потух. Его сменил вид меркурианских кратеров на дневной стороне.

Хозяин «Тарантула» и посетители ошеломленно взирали на человека в темных очках. А курьер, перемахнув через бесформенные останки мута, в изящном прыжке долетел до самых дверей и скрылся за вертушкой.

— Мать твою... — заметил хозяин.

— Наш парень, — констатировал коротышка в инвалидной коляске — недавний беженец с Земли.

Все на него неприязненно покосились.

В центральных секторах «Трансо» кипела жизнь. По мере приближения к шахте — гравитация падала. Местные перемещались по коридорам, отталкиваясь от различных выступов и совершая двадцатиметровые броски. Курьер нашел эскалаторную ленту и на ней добрался до границы десятипроцентного тяготения. До

Хоккайдских Ворот он уже доплыл. Путь преградила плоскость, усыпанная зрачками телекамер, разъемами и дисплеями. Самый большой экран засветился, являя миру красивую улыбающуюся девушку в кимоно.

— Чего вы хотите? — поинтересовалась она.

— Попасть за барьер.

— С какой целью?

— У меня важная встреча с руководством Концерна.

— Ваше имя?

— Виталий Суликов.

Последовала секундная заминка.

— Вы не значитесь в допуск-списках, — из брони Врат появился ствол дезинтегратора.

— Подождите, — курьер поднял руку. — Передайте, что пришел Некро.

— Это все?

— Больше ничего не надо.

— Минутку.

Девушка погасла. Потом заслонка, грохоча, отъехала в боковой паз. Некро нырнул в открывшийся туннель, оттолкнулся от тускло поблескивающей скобы и... завис на краю бездонного колодца не меньше километра в диаметре. Стены — индикаторы, оптокабели, кишки воздухопровода, титановые противорадиационные панели со свинцово-полимерной начинкой, скобы для перемещений, светящиеся квадратики неоновых ламп, видеозкраны, выходы от других Врат и слоты подключения. Над головой Некро-Суликова виднелся металлический круг — дно резиденции Орбитал-Концерна — трехсотэтажного поплавка, парящего в невесомостной зоне. В круге рассосался диафраг-

мой люк и оттуда навстречу гостю устремилось длинное извивающееся щупальце швартовочного троса. Некро взялся за него и тотчас был втянут внутрь. Пересекая рубеж люка, он ощутил натяжение — вновь окрепла искусственная гравитация. Диафрагма сомкнулась, и Некро разжал пальцы. Подошвы его туфель коснулись стального гофрированного покрытия. Он осмотрелся: усеченные пирамиды кибтранспортов, опирающихся на слоновьи ноги дюз, обтекаемые корпуса маломестных челноков, сигары ракетносителей, принайтованные к стенам, шланги автозаправщиков, суесящиеся роботехи и человеческие фигурки в серых комби, искры газосварки и глухой ропот механизмов... Здесь якудзы оборудовали собственный космодром.

Спустившиеся на грузовом лифте охранники, вырвали из-за ближайшего челнока, поприветствовали Некро и тщательно обыскали его, вода специальным детектором, обнаруживающим вживленную кибернетику. Не найдя ничего опасного, они провели его к лифту. Оба — резвые, с безупречно-правильными движениями — явно из пробирки. Кейс пришлось отдать — он представлял собой потенциальную угрозу. По пневмопочте кейс отправили в камеру хранения.

«Грузовик» доставил их в холл следующего уровня — в блеск хрома, горного хрусталя и золота. Там они пересели в скоростную кабину и вознеслись в личные апартаменты директора Мицу. Створки раздвинулись и сомкнулись за спиной Некро. Его ноги по шиколотки утопали в ворсистом квазиживом ковре, который с жадностью набросился на частички грязи и бактерии, прилипшие к его подошвам. Ковер покрывал

все пространство пола. Стены — сплошные жидкокристаллические плоскости, единый, изломанный гранями дисплей. Сейчас он отдыхал, струясь светом далеких галактик, вращая кольцами Сатурна и взирая на гостя тысячей абстрактных зрачков — зеленых, голубых, фиолетовых... Зрачки были повсюду. Некро почувствовал себя неуютно в этой «глазной квартире». Хозяин — низкорослый пожилой японец — возлежал на циновке, придавившей органические ворсинки покрытия.

— Можешь снять маску, — подал голос Мицу. — Она тебе больше не потребуется.

Некро послал мыслекоманду, и тончайшая оболочка с псевдолицом курьера расползлась липкими клочками полимера. Киллер брезгливо стряхнул остатки маски в ковровую гущу, которая с алчностью все пожрала, растворила в себе.

— Полотенце есть?

Директор щелкнул пальцами, и гостя обдало тугой ионизирующей струей с бактерицидными добавками.

— Спасибо.

Струя иссякла.

— Устраивайся, — последовало приглашение.

— Ничего, постою, — его не прельщала перспектива опустить задницу в эту кишашую змейками бурду.

Губы якудзы тронула мимолетная, как весенний ветерок, усмешка.

— Ты знаешь, для чего тебя вызвали.

— Разумеется. Это логично.

— Секретарь ввел тебя в курс дела?

— Нет.

— Тогда слушай...

Потолок неожиданно зарябило, заморщило. Силовое поле раздвинулось, пропуская блестящую болванку робофицианта, поднесшего хозяину и гостю чашечки с сакэ. Гудя турбинами, робот неспешно удалился тем же путем.

— Умение слушать — то, что я ценю в людях, — многозначительно заметил директор, хлебнув обжигающего напитка. — Слушать и исполнять.

Некро слегка наклонил голову, изображая предельное внимание.

— Ты устранишь очень важного человека, Некро. Уничтожение и стирание из Сети всех его пси-двойников, всех упоминаний о нем. За это — трехкратная оплата. Цену назовешь ты — я увеличу ее втрое.

Он вновь хлебнул сакэ. Некро также пригубил из вежливости.

— Трудная мишень, — продолжил Мицу. — Когда он занимался чистой политикой — нас это не трогало. Но теперь он вторгся в наши сферы и оспаривает наше влияние на рынках. Его зовут Ринальдо Верон — нынешний президент Нордического Агломерата. Теперь ты говори.

Некро чуть не поперхнулся. Замочить главу Нордика? И после этого остаться в живых? Но именно из-за сложности задачи его и вызвали. Киллеров было — море. Одни убивали клиентов смертоносными вирусными штаммами, за секунду превращающими человека в слизь — через воздуховод. Иные запускали к спящим жертвам киберпауков: те залезали в ухо, пробирались внутрь черепа и там ошестинивались иглами бритвенно острых лезвий. Третьи предпочитали яд.

Четвертые работали грубо — лазером, снайперской винтовкой, «стечкиным». Пятые — выращивали в подпольных лабораториях враждебные человеку формы жизни, вроде покрывала, которое обрушивается на голову, окутывает клиента и медленно переваривает... Шестые действовали контактно, вплотную, максимально приближаясь к цели... Но никому из них не под силу уничтожение Верона. Это задание — не только солидный куш, но и вызов его мастерству.

— Я не хакер, — сказал он. — Стирание не входит в мои услуги.

— Знаю. У тебя будет партнер.

— Партнер? — удивленно переспросил Некро.

— Да. Она обеспечит информационную часть. Девушка-хакер. Лиза Селебрейт.

Некро переваривал услышанное. Наконец он проронил:

— Где и когда?

— Завтра он прибывает в Токио с официальным визитом. Мы перебросим тебя туда. Подробные инструкции получишь во время полета и позже.

...По плану Некро приземлялся в стране восходящего солнца тайно, уклоняясь от таможи и регистрации. С юридической точки зрения он не существовал — Сеть не ведала личности по имени Некро. Сеть ведала с десятков его личин, разбросанных по всему миру. Знакомые и соседи по побережью Ла-Манша шесть лет общались с его ипостасью — Анатолием Меркулиным. И сейчас его компьютер — там, на Земле, подал сигнал: с ним хотят связаться. Некро подключился к одному из мониторов Орбитал-космодрома и принял запрос. Из сети вынырнул его приятель Жак Шанье.

— Привет, Толик. Не отвлекаю?

— Ерунда.

— Хочу попросить об услуге. Ты надолго задержишься в Хабаровске?

Некро прикинул, сколько займет выполнение задания.

— Сутки, двое, Жак.

— Можно пока зависнуть у тебя? С Кристин опять поругались.

— Валяй, друг... Готовься к приему кода. Ком тебя опознает, я позабочусь.

Шанье рассыпался в благодарностях.

Некро прервал связь.

Он ждал отправки, стоя возле пирамиды транспортного средства. Вокруг кипела механическая суeta — с Юпитера прибыл груз металлического водорода. Киберкары перевозили гладкие яйцеобразные контейнеры к пневмошахте... Юпитерианский корабль — многоступенчатая шестигранная призма на ионно-кольцевом двигателе — застыл посреди поля, оплетенный заправочными шлангами (сейчас загружали баки вспомогательных, планетарных «рухов» — древних, но эффективных турбореактивных). Именно на этом аппарате Некро предстояло лететь. Охранники вежливо вернули ему кейс, и наемник почувствовал себя гораздо увереннее.

Едва баки заполнились, щупальца-кишки скрылись в железобетонной толще, шелестя по жесткому оплавленному покрытию. Некро по трапу поднялся на борт, пересек шлюзовую камеру (адаптированную к атмосфере Ганимеда) и попал в грузовые отсеки. Оттуда по скобам, через гермолюки, пока еще гостеприимно распах-

нутые — в тесную каморку для экипажа. Кораблем управляли два пилота и ком-навигатор — сейчас они гоняли все системы в предстартовой подготовке... Некро пристроился в противоперегрузочном кресле, его грудь и ноги жадно обняли страховочные ремни. В вену что-то впрыснулось. Все эти фишки — для ганимедян, которые очень тяжело воспринимают земное тяготение.

Участок поля разверзся, и корабль ухнул в невосомостный колодец. Космодром на обзорных экранах резко рванулся вверх, сменившись зрелищем оболочки шахты. Пилоты заработали маневровыми «рухами». Транспорт, пролетев сквозь шахту, прошел силовой барьер и выбрался в открытое пространство. С минуты они болтались в вакууме, пока ком-навигатор просчитывал курс. Потом взревело кольцо, разгоняя частицы, и корабль устремился к голубеющему среди звезд серпику.

Орбитал-Концерн остался за кормой.

Космодром Утиноура накрыло свинцовой облачной кашей. Плиты влажно блестели после ночного ливня. Старинная стартовая башня замерла на краю безвременья. Полное бездвижие. Радиолокационная вышка устало, как в сюрреалистическом сне, вращала радаром. Мертвый пейзаж. Парочка ракет, готовящийся к запуску спутник, транспорт с Ганимеда — самый внушительный объект на этой картине. Он приземлился на рассвете в ореоле огня и света, затмевая жалкие, робкие лучики солнца. Когда эта колоссальная масса коснулась поля, земля содрогнулась и мрачный гул прокатился по окрестностям. Космическая мощь.

«Т-3737» завершил свой звездный путь, его сердце успокоилось и затихло. На ЦУПовских мониторах отразилась вся информация о корабле: параметры, порт приписки, назначение и вид груза, владелец, голографический трехмерный разрез, имеющееся оборудование, накладные, посадочное разрешение... Ничего недозволенного. Все в норме. Токийский филиал Концерна прислал автопоезд и забрал все содержимое корабельных трюмов.

В полдень ливень возобновился. Небо протянуло к земле свои тонкие прозрачные пальцы, слившись с ней в шелестящем экстазе. Из вздыбившегося острыми гранями транспорта выбрался человек в полосатом оранжево-черном комбинезоне тега. Он прошел мимо ангаров, миновал склады и приблизился к пропускному посту. С козырька фирменной кепки ручьями стекала вода. Вставив опознавательную карту в считывающую щель, он подождал, пока откроются ворота, а затем скрылся в пелене дождя, там где была проложена четырехрядовая автомагистраль...

В магазине на железнодорожной станции Некро приобрел недорогой, относительно приличный костюм. Из кармана комби он извлек маленькую коробочку и вербальной командой развернул ее в кейс. Спецы якудза великолепно поработали, переоборудовав хранилище для аппаратуры: теперь поле Владича замыкалось само на себя, создавая локальную аномалию в континууме. Такое искажение пока не научился фиксировать ни один прибор. Далее, купив билет до Синдзюку, он отправился на вокзал. В снующей толпе мелькнуло сосредоточенное лицо самурая — мелькнуло на миг и скрылось в людской стремнине, текущей на перрон. Эти

ребята могли смело пользоваться своими мечами в случае нападения. Как и члены рыцарских орденов Нордика и Белополиса. Некро случилось наблюдать, как парень в кольчуге и перчатках со стальными накладками тяжелым двуручником разрубил неудачливого грабителя — прямо на улице, близ супермаркета...

Острова Японии давно уже были связаны системой железных дорог. Монорельсовые в основном поезда разгонялись до пятисот километров в час, белыми стрелами летали над «восточной столицей» — Токио, и его окрестностями.

В салоне было светло и уютно. Видеоэкран транслировал развлекательный спутниковый канал — сплошные сериалы, боевики и примитивные мелодрамы. На мониторах поменьше отражались погодные и биржевые сводки, текущие новости, потоки цифровой информации — для мутов с перестроенным восприятием реальности. Некро отвлеченно созерцал быстро сменяющуюся панораму: бесконечные заводские корпуса, соединенные коммуникационными трассами, линии электропередач и оптоволоконных кабелей... На подъезде к токийскому мегаполису появилось первое из колец сейсмосинхронизации — на эти вросшие в почву сооружения, гасящие малейшие толчки, потрачена уйма денег и энергии, но альтернативы не существовало — Япония веками балансировала на острие ножа. Теперь же настала эпоха стабильности. По крайней мере — сейсмической...

После очередного поворота из тумана выплыла величественная, покрытая снегами Фудзияма. Однажды было сказано: кто не видел этой горы, тот не видел ничего. Некро улыбнулся: теперь он видел все.

На станции Синдзюку он вышел, окунувшись в толчею и неразбериху. Неоновые рекламы и табло расписаний грызли мозг. Эскалатор пронес его через дополнительные вокзалы, торговые залы, киоски, справочные боксы и уровни дешевых отелей к подземным платформам метро. С трудом Некро удалось выбраться из этой круговерти и сесть в бесшумный монодиз, который выбросил его на тенистой отмели Гордэн-гай. Минут двадцать он расслаблялся в «Каменном цветке», поглощая русский борщ и водку. Хозяин по традиции наяривал на балалайке:

«Ты ж мене пидманула,
Ты ж мене пидвила,
Ты ж мене маладога
З ума-розуму звяла!»

Некро слушал песню, грызя соленый огурец.

...Она появилась. Стройная фигурка, огненно-рыжие волосы, цепкие карие глаза. Правый зрачок расширен — вживленный дешифратор для преобразования двоичного и штрих-кода. Наверняка, под кожей имеется и стандартный чип-переводчик. В мочке уха — мерцающий зеленым биоиндикатор. Лиза Селебрейт. Хакер из знаменитой школы Митника — человека-легенды, жившего еще во времена протосетевых образований.

Она молча уселась напротив, забросив ногу на ногу.
— Я голодна.

Он заказал ей порцию голубцов и пельмени.

— Как тебя называть? — спросила она.

— Кай.

— Хорошо, — некоторое время она молча ела.

Некро спокойно, внимательно изучал свою будущую напарницу.

— Мы сядем на мой коптер, — сказала Лиза. — Недалеко отсюда. Над Гиндзой болтается метеолаборатория. Исследование атмосферы и, в частности, грозных фронтов. Это прикрытие. Верон прилетает через три с половиной часа. Из аэропорта он направляется в Гиндзу. Встреча произойдет на крыше «Саншайн-сити». Задача проста максимально — тебе даже не потребуется инфракрасное сканирование. Лаборатория в километре над целью.

— У вас что — башни посрывало?

Лиза непонимающе уставилась на него.

— А в чем дело?

— Слишком все очевидно. Агенты безопасности сразу ломанутся к нам. Я привык работать с глобальными дистанциями. Для чего меня перебросили сюда — под бок клиенту?

— Вопрос не по адресу. Я не являюсь сотрудником Орбитал-Концерна. Как и ты. Однако знаю, кто сможет дать ответ.

Девушка вынула из рукава черной шелковой рубашки, расшитой красными иероглифами (последний писк токийской моды), свернутый в трубочку дисплей и расстелила его на столешнице. Матовый квадрат засветился, и из цифровых недр вынырнул Мицу. На губах якудза застыла вечная улыбка вежливости. Маска. Японцы носили много масок — реальность-маскарад.

— Вас, конечно, интересует, почему вы здесь, — заговорила запись. — Верона ликвидировать сложно. Его люди следят за атмосферными аномалиями — боятся тебя, Некро. За условной хоккайдской полушферой — зоной климатического контроля — есть нич-

тожная вероятность, что тебя засекут. Выполнив задание, вы с Лизой подниметесь на верхнюю палубу лаборатории. Вас снимет наш коптер и доставит на мой личный турбограв. Все.

Экран потух и мгновенно распался на атомы...

Коптер Лизы был припаркован на площадке за углом. Пока они туда добрались, Некро весь вымок. Надвигался сильный шторм. Возможно — цунами. Но они успеют отсюда свалить.

Через бортком лизинового коптера Некро заказал себе номер в захудалой окраинной гостинице — на имя Кая Крилла, посредника, нанятого софтовыми торгашами. Едва Крилл нарисовался в файлах постояльцев, на его электронный адрес сразу посыпались предложения. Теперь, когда начнется охота и кибанализаторы взвезят ситуацию, обнаружат липового посредника и натравят на него веронских псов — Некро под шумок исчезнет. Ни его лица, ни рисунка сетчатки, ни других сведений о нем в Сети не значилось. Его не существовало.

Токио на двухкилометровой высоте предстал конгломератом из небесного свинца, стали, стекла и неона.

Лаборатория — состыкованные вместе палубы-секции из грубой гофрированной стали со следами недавней сварки — удерживалась над «Саншайном» при помощи гигантских пропеллеров. Их винты рубили воздух, гоня ветер и сливаясь в полупрозрачные круги. От конструкции разлетались крылья солнечных пластин. Сейчас станция питалась запасенной аккумулятором энергией. Некро знал, что Япония — совсем не соляный рай. Тогда пластины — совершенный бред. Может быть, они выполняют и другие функции?

Коптер высадил их в образовавшееся отверстие ангара и умчался, растаяв в туманной мгле. Наступали сумерки.

По скобам, выпирающим из стенок узкой, как люковая труба, шахты, они спустились в операторскую, похожую на рубку космического корабля или военного крейсера. Лиза прошлась своими изящными пальчиками по контрольным панелям, щелкая тумблерами и клавишами. Загорались индикаторы и дисплеи, помещение заполнялось попискиванием и отрывистыми музыкальными фразами. Девушка уселась в скользящее на роликах кресло, подключенное к Сети легкими гибкими кабелями и проверила виртуальное оборудование. Некро зачарованно смотрел, как ее руки в черных перчатках, усеянных датчиками, порхают в воздухе, открывая где-то очередную страничку...

Увеличив кейс, Некро заблокировал охранную систему и открыл его. Затем начал неторопливо доставать аппаратуру. Выйдя из Сети, Лиза следила за его действиями.

— Метеорадар и перчатки тебе не потребуются, — заметила она.

— Не учи меня убивать, — перебил ее Некро. — Здесь у меня абсолютная совместимость.

— Тебе видней, — Лиза пожала плечами.

На экранах возникла круговая панорама: хмурое небо, посадочные станционные участки и обширное пространство вечернего Токио. С атакующим полумраком сражалось море огней, состоящее из световых стремнин и заводей. На центральной группе экранов отражалась вздымающаяся призма «Саншайн-сити». Текла куда-то река магистралей Сева-дори. Проспект Ха-

румидари уходит от великолепной иллюминации императорского дворца к Токийскому заливу и миру Водного Токио, разросшегося на базе выстроенных некогда искусственных островов. В этом радужном хаосе воображение рисовало шумные базары и деловые кварталы, многоуровневые трассы, киоски и ларьки, супермаркеты...

Пока Некро любовался городом, Лиза успела переодеться. Теперь ее тело было обтянуто облегающим эластиком. Такими костюмчиками любят баловаться хакеры — сверхпроводимый биополимер со встроенными датчиками присутствия.

— Еще рано, — напомнил Некро.

— Я готовлюсь заранее.

«Солнечные батареи» оказались чуткими видеопластинами и сегментами крупного метеорадара. Именно с них принималось изображение.

— Мы являемся также курсовым координатором, — вновь заговорила девушка, запуская автоматический режим анализа и выдачи информации. — Часть своих ресурсов компьютер тратит на коптеры и прочую летающую мелочь.

Они ждали.

Некро привык ждать. Соединив и проверив свою убийственную систему, он снова погрузился в созерцание электрического зарева внизу. Лиза погрузилась в Сеть. Половину ее лица скрывали очки.

— Они едут, Кай.

— Кто?

— Верон. И его псы.

— Их много?

— Достаточно... Приличное сопровождение.

— Где они?

— Не знаю... Создаются помехи и ложные варианты. Его тачка одновременно на шести трассах.

Пауза.

— Через пару часов Верон исчезнет, — сказал Некро.

— Знаю... И что? Каждый день умирают тысячи. Верон возродится в другом теле.

— Восточная философия?

— Вроде того.

Девушка вернулась в нормальное пространство.

— Смерть — только переход, да?

Она кивнула.

— Ладно. — Некро усмехнулся. — А у меня философии нет.

— Жаль.

...Крыша здания приблизилась, наплыла. Шумел и шевелился Токио на периферийном сенсорном спектре. Некро сразу абстрагировался от всего лишнего. На ближайшие минуты центр вселенной — «Саншайн-сити». Среди висячих садов, фонтанов, хрусталя, золота и мрамора находился его клиент. Верон встречался с мэром Москвы и генеральным директором «Лукойла». Явно назревал мощный экономический альянс. Шли переговоры: между двумя русскими и президентом Нордика мерцал призрачный экран переводчика. Ринальдо Верон — худощавый, высокий, с пронзительным взглядом хищника. Мэр — тучный, мясистый — железными пальцами кистевого протеза сжимал бокал с чем-то искристым. Директор атлети-

чески сложен, безлик, идеально правилен. Вряд ли он когда-либо знал родителей... Некро воспарил над горами Тибета, протащив сознание через спутники и наземные ретрансляторы, промчавшись над миром со скоростью радиоволны. Здесь радар засек точечное гравитозмущение. Привычными действиями он искажил окружающее и проложил траекторию. Мгновенная переборка — и голова президента вспыхивает белым пламенем. Русские в ужасе отшатнулись, вжавшись в кресла. Крышу-ресторан, как по мановению волшебной палочки, заполнили агенты безопасности.

Некро очнулся в операторской.

Лиза еще находилась в Сети.

— Завершай, — скомандовал Некро. — Скоро они будут здесь.

— Заткнись, — огрызнулась она. — Что-то неправильно.

Некро упаковал снаряжение, и кейс, свернувшись, спрятался в его кармане. Обзорные мониторы показывали, что коптер якудза еще не прилетал.

Лиза нервничала.

Когда она избавилась от маски и перчаток, на Некро повеяло страхом.

— Это был клон, — сообщила она.

— Что-о?!.

— Клон... Настоящий Верон выступает с речью по «ящику». Сейчас он в одной из нордических телестудий. Я нарвалась на него случайно, зачищая архивные файлы — через упоминание о трансляции.

Некро схватил ее за плечо и буквально вырвал из кабельных хитросплетений.

— Наверх. Быстро.

Его ботинки загрохотали по скобам. Труба вывела на внешнюю палубу, расчерченную посадочными линиями и огражденную арматурными перилами. Коптера не было.

Рядом возникла фигура Лизы. Они запрокинули головы, всматриваясь в небо, но там лишь клубился мрак. Металлические конструкции и крылья батарей вырисовывались четкими черными силуэтами на фоне далеких огней Токио у горизонта.

— Их нет.

— Сама вижу. — Ее рыжие волосы слиплись от дождя, непрерывно и тоскливо долбящего палубу.

Внимание Некро привлекло шипение и лязг с нижних уровней. Он перегнулся через перила и увидел пристыкованный к ангару коптер.

— Есть, — с облегчением вздохнул киллер.

— Подожди, — остановила его Лиза. — Мицу сказал: на крыше... А эти — прилепились к ангару.

— Значит, планы изменились.

Снова: труба, скобы, операторская.

Там их ждали.

Некро скрестился взглядом с созданием в кресле: половина черепа закована в титан, из тела выросли четыре конечности: шестипалые, усеянные сенсорами и рецепторами. Верхняя правая рука сжимала плазмер. На лбу мута распахнулся третий, лазерный глаз — он зафиксировал на груди Некро красную точку прицела.

— Привет, — проскрипел гость. — Постарайся не дергаться.

— Хорошо. — Некро замер.

Лиза, чуть отстав, услышала голос чужака и затаилась в трубе. Некро понял, что обречен. Девушка-хакер

еще сможет удрать, если спрячется в одной из дополнительных секций и, не высываясь, дожидается спасения. Даже если сейчас придут якудза — это ничего не изменит. Гость успеет его кончить.

— Сядь, — приказал мут.

— Куда?

Существо дотянулось ногой до второго кресла, удлинив его, и подтолкнуло Некро. Он сел.

— Я являюсь официальным уполномоченным судьей Нордического Агломерата и личным представителем президента Ринальдо Верона, — торжественно провозгласил мут. — Согласно законам нашего государства покушение на жизнь личности либо уничтожение ее клона уголовно наказуемы. Ты приговорен к смерти, Крилл. Мне поручено привести приговор в исполнение. Что имеешь сказать в свое оправдание?

Некро хмуро молчал.

— Здорово придумано, — мут причмокнул губами. — Коллапсарная технология, да?.. На шарике только один парень работает с этим. Я говорю с Некро, правильно?

— Угадал.

— Жаль... Талант пропадает. Спецслужбы Нордика платили бы прилично... Якудза наняли?

— Не твоё дело.

— Ты прав по-своему, — судья вздохнул. — Заказчика выдавать — последнее гадство.

Он на секунду ушел в себя — здоровый глаз потускнел.

— Придется мочить тебя на крыше, дружок. Здесь тесновато — плазма много бед натворит.

— Согласен.

Ролики заскользили по мегапласту — судья вплотную приблизился к Некро, оказавшись точно под отверстием коммуникационной трубы. Киллер забеспокоился: вдруг поднимет голову? Тут он вспомнил про охранные системы кейса: вдруг удастся незаметно развернуть и послать мыслекоманду?.. Нет. Шансы нулевые.

— Через спутники действовал, а? — Мут переключился на доверительный тон.

Некро обезоруживающе улыбнулся:

— Есть особая аппаратура...

Живой глаз судьи загорелся почище лазерного.

— Здесь?

Некро кивнул.

— Покажи... Тебе уже нечего терять, парень. Не держи зла.

Вмиг ситуация изменилась. По-кошачьи гибкое тело прыгнуло на пол и метнулось к судье. Некро уловил блеск выпроставшейся трубки вибротеса (Лиза удерживала его до поры под кожей запястья), и концентрированная ударная волна снесла механическую часть судейского черепа с полимерным прицельным «яблоком». Мут взревел: мнемонические и функциональные нейроячейки стремительно и необратимо перегорали. Девушка замахнулась снова, чтобы добить врага, но судья левой нижней перехватил ее руку на полпути и без проблем вывернул. Послышался хруст ломающихся костей. Мут выкинул бесполезный теперь плазмер (системы наведения отказали) и тяжелым хуком швырнул ее на приборную панель. Девушка дернулась и затихла. Некро, мимоходом поразившись колоссальной жизненной энергии судьи, разомкнул поле Вла-

дича и мыслекомандой искромсал четырехрукого Шиву лазером, превратив его в слоеный пирог. Туловище развалилось на фоне оплавленных искрящихся мониторов и развороченных клавиатурных блоков.

Девушка, очнувшись, застонала. Некро подбежал к ней.

— Двигаться сможешь?

Она выпрямилась. Некро подхватил ее и усадил в кресло.

— Побудь тут.

Зацепившись руками за свисающую железную петлю, он подтянулся и влез в трубу.

На крыше — все по-прежнему. Ночь и дождь. Пусто и одиноко...

Он вернулся в операторскую.

— Датчики слежения, метеорадары, контакт с Сетью — все на хрен накрылось, — сообщила Лиза.

— Как будем выбираться?

— Без понятия... Вызывать такси — самоубийство. А коптеры судей запрограммированы на своих хозяев — при попытке взлома они взрываются.

— Хочешь сказать, других путей нет?

— Дай подумать... — на ее лице отражалось страдание, сломанная рука висела плетью. На скуле красовался кровоподтек. — Осталась лебедка и тросы грузового блока. Длины хватит. Но тебе придется спускаться в одиночку. Да и внизу — «Саншайн-сити» и Гиндза, кишачая легами и секьюрити Верона.

— Если мы не уйдем — они явятся сюда.

— Сваливай.

— Нет. Мы — партнеры.

— Послушай, — ее голос стал очень тихим и ус-

талым. — В меня вселили регенеративный вирус. Через несколько часов я обрету прежнюю форму, и тогда... Брось меня. Не возись.

— Где лебедка? — перебил ее киллер.

Девушка молча подъехала на кресле к разбитой панели и щелкнула клавишей. Квадратный сегмент пола рассосался диафрагмой, обнажая проход на самый нижний уровень — в подсобные помещения. Некро нырнул туда и пригнулся — балки и перекрытия потолка задевали макушку. Он разгреб пустые картонные коробки, разные тряпки, обрезки органикса, свертки с инструментами, не распакованные «солнечные батареи» и валяющиеся в беспорядке расколотые платы и добрался наконец до переплетения тросов, рычагов и катушек. Смахнув подвернувшейся тряпкой пыль с пола, он увидел линии, очерчивающие грузовой люк. Нащупав соответствующую выемку, Некро привел в действие аварийную гидравлику. Панель со скрежетом сдвинулась. В помещение ворвался ветер, смешанный со светом. Некро проверил длину троса — данные отражались на табло лебедки. Как раз хватало до крыши соседнего с «Саншайном» здания — филиала «Мацусита дэнки», вернее, ее представительство. Полсотни этажей контор и кабинетов...

Они скользили над бездной. Некро пристегнулся карабином к концу троса, а Лиза обвила его тело ногами и здоровой рукой. Внизу — бушующий городской океан.

...Колоссальный японский змей с крыльями из мишуры и миражей принял их, ощерившись пастью стекла и стали. Ноги киллера поцеловались с крышей

«Мацусита дэнки». Им удалось пробраться внутрь, достигнуть земного уровня и невредимыми выйти на улицу. Несколько кварталов они брели пешком сквозь ряды киосков, банкоматов и лавок, ожерелья магазинов, мимо ресторанчиков, утопая в струях неоновой пламени. Под проливным дождем (как тут не вспомнить метеосистему Нордика).

Они зависли в баре «Генератор». Надо было переждать, пока кость руки не срастется, и сориентироваться в обстановке. Цилиндрический «Генератор», зацепившись тонкими полимерными щупальцами за парочку противостоящих небоскребов, болтался над магистралью Сева-дори. Попасть в бар можно либо на коптере, либо по канатной дороге, как это сделали Некро и Лиза. Отсюда удобно наблюдать за окружающим: мониторы, расположенные по всему периметру, ежесекундно дарили разноцветную панораму реальности. Заказав по порции мороженого, беглецы, не выделяясь особо из разноцветной толпы, не спеша поглощали его за крайним столиком. Здесь, как и повсюду, присутствовали датчики легов, по которым стражи порядка отслеживали преступников. Поэтому визит преследователей предрешен. Но интуиция подсказывала: облаву ведут не леги. Ею командуют люди Верона, безжалостные судьи Нордического Агломерата. А местные власти услужливо отошли на задний план, чтобы избежать международного конфликта; отошли, предоставив ресурсы, неограниченную помощь и свободу действий.

«Генератор» — временное пристанище. Токио должен остаться за плечами. Правда, никто из них не представ-

лял, как выбраться из-под колпака. Аэропорты и взлетно-посадочные площадки перекрыты, на вокзалах и железнодорожных линиях — мобильные патрули. Обложили конкретно. Император выделил лучших чистильщиков из своего спецотряда...

К их столику приблизился робот-официант и протянул Некро сотовый телефон:

— Вас вызывают, господин.

— Меня? — изумленно переспросил Некро. Рука рефлекторно потянулась к плазмержу под пиджаком. Ладонка Лизы остановила его.

— Спасибо, — улыбнувшись, она взяла сотовик и передала Некро. — Ответь.

Робот тактично удалился.

— Слушаю, — буркнул Некро. Его голос молнией пронесся по подстанциям и спутникам, долетев одновременно до хозяина Орбитал-Концерна и до стриженной девушки-японки на другом конце города, высветившись на дисплее перед ее взором схемой Гиндзы и мигающей бордовой точкой местонахождением абонемента.

Компьютер выдал вердикт: голос несомненно принадлежит Каю Криллу.

— Некро, — голос Мицу резкостью и холодом мог спорить с клинком самурайского меча. — Почему не ждал моего пилота?

— Ситуация изменилась, директор. Нас чуть не угрохал судья Верона. Меня вычислили быстрее, чем я предполагал. Охота в разгаре.

— Ясно. Вот новые условия: продержись в «Генераторе», за тобой прилетят. Спасательный бронированный бот уже в пути. Понял?

— У меня есть альтернатива?

— Уже нет. Император и Верон действуют слишком оперативно. Московская группировка умыла руки, но от этого нам не легче.

— Нас засекли, — констатировал Некро.

— Знаю... Закрепись любой ценой и жди. — Якудза отключился.

— Что делать? — спросил Некро.

— Концерн — последняя надежда, Кай.

— Неизвестно, кто пристукнет нас раньше — Верон или Мицу... Мы мешаем всем. Выбора нет.

— Есть. Тебя убивать не станут. Ты — самый совершенный убийца на Земле.

— Судья-мут этого не знал.

— Он — дурак.

— Хватит! — Некро пинком отшвырнул стол и, выхватив плазмер, заорал: — Лечь на пол!.. Всем! Живо! — Для убедительности он расплавил хромированную стойку.

Посетители, опрокидывая пластиковые стулья и толкаясь, выстлались штабелями. Сознательных камикадзе не нашлось.

Лиза схватила его за локоть.

— Свихнулся?

— Отстань. Не мешай. — Некро пересек пространство, отделявшее его от оплывшей стойки и вплотную подошел к владельцу «Генератора» — полному армянину с вьющимися, блестящими от геля черными волосами.

— Очистить бар!.. Убирайтесь все немедленно.

Часть посетителей ломанулась на крышу, к коптерам, часть — к канатной дороге. Вскоре их осталось только двое: обреченные хакер и наемный убийца.

— Дальше бежать некуда, — сказал Некро. — Точка рандеву здесь. Ты права, Лиза. Зря мы в это вляпались...

Они смотрели друг другу в глаза.

— Возможно, мы умрем... — прошептала девушка.

— Что об этом говорит необуддизм?

— Вот что, — Лиза впилась в его губы, раздвигая их влажным горячим языком.

Мониторы переливались быстро сменяющимися изображениями. Взгляд Некро был прикован к приближающимся точкам. По его команде картинка наплыла и оформилась четкими контурами леговских вертушек. Киллер не спеша развернул кейс и заложил в него программу автоматического поражения любых движущихся объектов. Исключение — он и Лиза. Плазмер удобно улегся в ладони.

Рука Лизы восстановилась. Вибротес исправно кромсал столы.

Они затаились справа от входа. Предчувствие атаки и крови уже запустило в душу горячие адреналиновые щупальца. Последнее прибежище грозило стать гладиаторской ареной.

Вертушки, орудуя винтами, приземлились на крыше «Генератора». Но из кабин показались не леги. Первого нападавшего испарило еще в коридоре — Некро настроил лазер на полную мощность. Затем, после паузы, по серебящейся в центре зала коробочке кейса ударил ответный залп. Броня выдержала, но встроенная охранная система полностью сгорела. В следующую секунду внутрь ворвались чистильщики — худенький молодой парнишка в неброском сером костюме и японки

со стрижками под каре. Всего четверо. Остальные за-
сели на крыше у выходного люка. Парнишку Некро
срезал в самом начале — биокибер был рассчитан на
работу в темноте и имел запахо-тепловой спектр вос-
приятия. Плазмер он не принял во внимание.

Девушки двигались быстро. Слишком быстро для
нормального человека, но Лиза успела разделать одну
своим оружием — в прыжке, описав смертоносной
трубкой восьмерку. Получив удар ногой с разворота,
Некро переключил внимание на врага — гибкое, рас-
плывающееся от скорости тело. Исполнив сальто, японка
впечатала ему ладонью, от чего голова дернулась, и
хрустнула челюсть. Плазмер был бесполезен — заря-
ды кончились. Чудом уклонившись от молниеносно-
го сокрушительного хука, Некро наугад рубанул при-
кладом. И попал. Японка согнулась пополам — и по-
лучила в довершение по затылку.

Лиза тем временем отчаянно сражалась с брито-
головым воплощением грации. Все произошло неудо-
вимо и фатально: чистильщица расправила кисть в
бритвенное лезвие веера и, удлинив конечность, взмах-
нула им. Лиза, давясь кровью, опустилась на пластик.
«Нет!» — хотел было крикнуть Некро. Только челюсть
отозвалась тупой болью. Уже спускался с черных, со-
чащихся слезами небес хрупкий аппаратик якудза,
мастерски выполняя посадку и высовывая язык пан-
дуса.

— Беги... — прохрипела Лиза.

Глаза киллера сузились от ярости. Он встретился
с холодным, отрешенным взглядом японки. Та взви-
лась в воздух, заноса свой кошмарный веер. Некро
перекатился к умирающей. Лиза, улыбнувшись напослед-

док, протянула ему ладонь. Некро сжал ее — и увидел выдвинувшуюся трубку вибротеса. Когда бритоголовая, смазавшись, рванула к нему, киллер полоснул наотмашь — пола достигла бездушная масса костей и мускулистой плоти.

...Некро вновь окунулся в дождь. Люди Мицу уже разобрались с подопечными императора — их трупы плавали в собственной крови. Некро поднимался по пандусу, когда что-то заставило его пригнуться. В сталь кабины, как в масло, вошла тройка пернатых дротиков — прощальное дыхание дракона. Затем дверца разделила их — его любовь и его смерть.

Коптер вознесся к парящему где-то над облачным слоем турбограву.

Туман застилал побережье Ла-Манша. Некро вернулся к себе домой, чтобы перевести «гонорар» на кредитку, стереть все лишнее и прихватить парочку дисков. Квартиру он подарит Жаку. Концерн предоставил киллеру новую личность и новую маску. Основная схватка впереди. Кто кого прикончит раньше? Либо он, либо президент Нордика. Двоим тесно на Земле. После случившегося — слишком тесно.

Дверь с кодовым замком пропустила его в овальный холл. Все окна были распахнуты: по квартире гулял соленый морской бриз. Некро шагнул направо — в свой рабочий кабинет. У порога он едва не споткнулся обо что-то мягкое. Наклонил голову. Неестественно изогнувшись, на полу лежал Шанье. Из его проломленного черепа выглядывали острые титановые зубцы.словно венок у Статуи Свободы... Некро насмотрелся на такие штуки в Сингапуре — кибержучок, подгоняемый

радиоимпульсами, заползает в ухо или ноздрю, распускается лепестками металлической розы...

Услышав тяжелые шаги за спиной, Некро улыбнулся.

До окна — три прыжка. А там — пожарная лестница...

НИКЕЛЕВЫЙ ПЛОВЕЦ

Он прилетел на веретено в полдень. Добрался автостопом, на грузовом гравере — все пассажирские суда, идущие с континента, тщательно досматривались. Приземляясь, махина-гравер скрипел и постанывал, в его утробе бился тяжелый механический пульс. Сет спрыгнул на грубую рубленую сталь Четвертого дока и поймал сброшенный ему перегонщиком рюкзак. Снаружи, за гранями голубого квадрата, пылало отрезанное солнце.

Гравер еще немного погудел и затих.

— Спасибо, браток! — сказал Сет.

Перегонщик стоял на верхней палубе, держась за поручни ограждения, дымил дешевой марихуановой сигаретой.

— Удачи тебе!

Сет кивнул, отвернулся и зашагал прочь.

Ниша Четвертого дока упиралась в стену и шестиугольные шлюзовые ворота, надежно заклиненные. Обширное пустое пространство дока заполняли груды металлолома, ярусы пустых пластиковых коробок и завалы пенопластовой крошки, так похожей на снег. По стенам и потолку тянулись кабели, трубы, осветительные, едва тлеющие сейчас, панели. Тихо шуршала над головой автолебедка. От ног Сета к отверстию шлюза простелилась длинная ломаная тень. Справа кто-то зашуршал в куче рухляди...

Веретено — глупое, не в тему, название. Скорее поплавок. Дрейфующий в мировом океане город с населением в пятьдесят тысяч человек. Сорок уровней ниже ватерлинии и двадцать — выше. Никелевый

Пловец. Часть смелого эксперимента полувековой давности. «Сыр под колпаком», — назвал его перегонщик. А в нем — шустрые-шустрые мышцы...

Да, извне веретено смахивало на сыр. Несколько рядов доков и пассажирских портов, идущих по периметру, да хаотично разбросанные служебные люки. Башенка-надстройка с ободом скоростной трассы, накрытая прозрачным куполом, под которым что-то зеленело... Пловец явно не тянул на мегаполис. Это и понравилось Сету. Сейчас город держал курс вдоль экватора, оставляя позади акваторию Островной Федерации.

Сет заметил, что идет уже по рельсам, которые ныряют в пасть шлюза вместе с изгибающимися вдоль стен кишками и жилами коммуникаций. Сразу за воротами начиналась местная толкучка: склады, лотки, павильоны, снующие барыги и покупатели, шум-гам... Сет недовольно поморщился. Пахоже, он попал в кольцевую зону — стены закруглялись влево. Кое-где мерцала топографическая реклама, слышались крики, музыка, споры... Сет замер на краю этого столпотворения, нерешительно озираясь, а затем нырнул в толпу, слился с ней. На миг зеркало торговца одеждой отразило мускулистого человека в обтягивающей, кое-где порванной и грязной майке и широких рабочих штанах неопределенного цвета, с рюкзаком за плечами...

Люди стекались к круглой арене с красными бортами, посреди которой сцепились два тайских петуха. Почти все зрители были низкорослы и узкоглазы, все орали, махали руками, брызгали слюной, букмекеры принимали ставки, мелькали передаваемые из рук

в руки купюры... Желтый песок арены был забрызган кровью, в воздухе, как осенние листья, кружились перья. Петухи — тощие, на длинных ходульных лапах, уже порядком устали. У одного из них был выбит глаз и поврежден гребень. Иногда он предпринимал ленивые, сонные атаки, но противник с легкостью их отбивал. Победитель уже был ясен. После особенно ожесточенной, на последнем издыхании, схватки, одноглазый, прихрамывая, заковылял прочь. Снова замелькали, зашелестели мятые бумажки...

Сет протолкался к стойке открытой закусочной, собранной из серебристых пластин с торчащими в разные стороны болтами и заклепками, заговорил на эсперанто с хозяином-пакистанцем:

— Берешь евро?

Тот кивнул.

Сет достал банкноту:

— Сообрази что-нибудь пожрать. И пивка холоденького.

Заурчал древний пищевой синтезатор, выплюнул в пластиковую миску какую-то бурду и умолк. Выстрелил гренкой тостер. Пакистанец наклонился и извлек из холодильника под стойкой запотевшую поллитровую банку с синими иероглифами.

— Корейское? — спросил Сет.

— Другого нет, извини.

— Сгодится.

Сет жадно набросился на еду. Рюкзак он сбросил себе под ноги — там что-то лязгнуло. Хозяин насторожился, цепкие глазки вперились в клиента.

— Расслабься! — буркнул Сет.

Поев, он открыл пиво и осмотрелся.

На огороженном пятачке за пластиковыми столиками сидели недавние зрители поединка, пили рисовую водку, закусывали чипсами и тонко нарезанной третьесортной колбасой.

— А что, — вновь обратился Сет к хозяину. — Можно у вас осесть?

— Не вопрос. Загляни в Бюро Миграций.

— А где это?

— Прямо по кольцевой, затем — налево, три уровня вниз, а там — покажут.

Сет потянулся, хрустнув суставами.

— Спасибо, друг.

— Не за что.

Несколько минут Сет наблюдал за толкучкой, отхлебывая маленькими глотками пиво.

— А если у меня нет и-карта?

— Ты что — псих? У всех он есть.

— Допустим, не у всех.

— А тату?

У Сета вдруг зачесались ладони.

— Я не хотел бы ее показывать. Сейчас. Вот если бы нашелся художник...

— Послушай, — перебил пакистанец. — Вали отсюда.

Сет запустил пустую банку в урну утилизатора.

— Не спеши...

— Я сказал: отваливай!

Сет достал еще одну банкноту:

— А теперь?

— На десятом уровне собираются сетевики. Поищи там.

Сет молча поднял рюкзак и пошел.

— Эй, хозяин, включи экран! — Крикнули из-за столиков.

Пакистанец щелкнул выключателем — за его спиной сформировался голографический интеракт. Транслировали блок новостей. Внизу тянулась бегущая строка на эсперанто, шот-инглише и в двоичном коде, диктор с серьезным лицом говорил о сбежавшем из тюремного сектора Южного Нордика опасном преступнике, которого разыскивает Интерпол, а в «окне» в правом верхнем углу возникло лицо недавнего посетителя...

— Я ничего не обещаю, — сказал Шуруп. — Технология новая... в стадии эксперимента.

— Давай! — поторопил Сет.

— Сам нарвался.

Шуруп щелкнул каким-то тумблером — по квартире прокатилась вибрация, панорамные видеоплоскости низко загудели. По двустороннему дисплею на правом глазу Шурупа побежали ряды цифр. Левая глазница сетевого кабеля была переделана в порт, подключенный через кабель к разъему в полу.

— Руку, — сказал Шуруп.

Сет протянул левую руку вперед, разжал кулак — ладонью вверх. Бесконечно сложный фрактальный рисунок татуировки сплелся под потолком — галактика-паспорт. Мириады узлов, линий, ядро с личной информацией рукава с ссылками на базы данных и файлы корпораций, где он когда-то работал и черное пятно-туманность срока... Все это отразилось в глазном мониторе «художника». Где-то над головой Сета сдвинулась панель, и бледный лучик коснулся

ладони. Сет почувствовал приятное щекотанье, а затем — жжение и редкие уколы боли. Шуруп манипулировал перед собой руками в сенсорных перчатках, словно дирижер перед оркестром. Луч плавно заскользил по ладони, необратимо перестраивая рисунок. На глубинном, атомарном уровне. Рассосалась тьма возле ядра, исчезли одни рукава, появились другие — как в волшебном сне. Смело черточки-ссылки и Социальной Службы Нордического Агломерата. Другое гражданство. Другой год рождения. Другое имя. Другая жизнь... Сама по себе татуировка — еще не информация. Это информация об информации. Ссылка, по которой компьютер на блокпосту, таможне, пункте зонального досмотра или в тачке лега отыщет сведения о тебе. Символ, ключ... Галактика в воздухе рассыпалась.

Шуруп отключился, достал из стакана глаз, вставил в черный провал разъема, моргнул, шевельнул зрачком.

— Красавец, — усмехнулся Сет.

— Гони бабки, — на правом мониторе высветилась сумма.

* * *

— И ты думаешь, я поведусь на эту лажу? — Чиновник из Бюро Миграций отъехал в своем кресле к псевдоокну. — Откуда ты?

— Из Марракеша.

— Да, разумеется. Это ведь написано в твоём и-карте. Но хоть убей, я не верю, что ты — пианист.

Сет пожал плечами. Мышцы нового лица еще слабо слушались.

- Ты хоть «Собачий вальс» сыграешь?
— Я давно не садился за инструмент.
Чиновник снова подъехал к столу.
— Татуировка у тебя в норме. Все стыкуется.
— Конечно.
— Хорошая работа.
— На что вы намекаете?!. — разозлился Сет.
— Ни на что. Успокойся.

Чиновник надолго задумался. Сет искоса изучал его сутулую худую фигуру, болезненное лицо с выдающимися скулами. В псевдоокне солнце карабкалось к зениту.

— Знаешь, — чиновник принялся отбивать пальцами дробь по столешнице. — У меня тут целый список беглых экзов. Нордик, Бангкок, Пекин... Ты, правда, на узкоглазого не похож, но ведь лицо — это не проблема, сам понимаешь...

Пауза.

— В общем, при малейшем подозрении я должен звякнуть куда следует.

— Пойдите, — Сет выпрямился в кресле. — На веретено приезжает масса народу.

— Но почти никто здесь не остается. За день — ты мой первый клиент.

Сет поднялся.

— Извините. До свидания!

Вслед ему полетели слова:

— Ближайший рейс на материк — через четыре часа. И лучше тебе, парень, не задерживаться.

На закате отчалил последний гравер. Разошлись грузчики. Четвертый док опустел и погрузился в шурша-

щую беспокойную тьму. Сет переключил глаза на ночное зрение. И шагнул в нагромождение ящиков и железного лома. Принимай своего сына, свалка. Ерунда, он переночует здесь. Сегодня, только сегодня.

Сет выбрал место подальше от ворот шлюза, почти у самой стены, в нише, образованной тремя пустыми контейнерами. Из плиток пенопласта соорудил подобие постели. Уселся на ее край, снял рюкзак, расшнуровал. Извлек тускло поблескивающий металлом (хотя металла в нем почти не было) автомат «узи». Легкий, удобный. Рукоять идеально ложится в ладонь, контактные троды проникают во вживленные разьема нейровыводов. Проверка механизмов, щелчок предохранителя, пробная наводка на несуществующую цель. Прицельный кружочек теперь выведен на зрительный нерв. Пули: полный набор из обычных, разрывных и разбалансированных. Каждая со встроенным микропроцессором, приемником мыслекоманд (их всего четыре) и нанодвижкой. Дорогие пульки.

Теперь спать.

Сет переключил «узи» на сторожевой режим — в случае опасности его разбудит укол током, — и прислонился к жесткой гофрированной поверхности. Закинул в рот «колесо». Проглотил.

Не прошло и пяти минут, как где-то рядом зашевелились. Ага, местное население. В проеме между контейнеров возникло нечто приземистое и горбатое, отдаленно напоминающее человека.

— Вон отсюда.

А голос мерзкий. Неужели синтезатор?

— Нет.

Существо тихо свистнуло, и Сет ощутил движение. «Две разрывные вверх». Конечно, он не успел бы

это сформулировать. Мысленный образ, подсознательное усилие. Вполне достаточное, чтобы отбросить и разнести прыгучего мохнатого черта. Генерируется специфическое поле. Рука поднимается, выпуская два раза по двадцать евро. Глухой удар о крышу контейнера. Несколько капель крови и бесформенных ошметков. Гребаные мути...

— Шел бы ты, отец.

Фигура исчезла.

Сет заснул, и больше его никто не тревожил. Только перед глазами, на внутренней стороне век, плясали семицветные радуги.

Утром он встретил белоруса.

Колян — владелец маленького черного петуха — стоял у бортика арены, наблюдая, как его питомец разделяет огненно-рыжего упитанного увальня. Колян резко выделялся из толпы тайцев и вьетнамцев: довольно высокий, худой, почти костлявый, с пронзительными птичьими глазами. В шортах, кроссовках и красной без рукавов майке он чем-то смахивал на своего петуха. Букмекеры принимали ставки, а Сет уже понимал, что перед ним — земляк. Заговорил, протолкавшись к нему в перерыве между раундами:

— Привет! Давно из Белополиса?

Худой вздрогнул.

— Пять лет не был.

— Я — больше.

Они улыбнулись друг другу. Пожали руки. Обнялись.

— Как ты догадался? — спросил Колян.

— Материшься по-нашему.

Колян заржал, хлопнув Сета по плечу.

А черный петух разможил рыжему гребень, после чего тот заковылял, подволакивая крыло, прочь с арены. Вокруг засвистели. Низенький лысый таец что-то крикнул, подбежал к Коляну и толкнул его в грудь. Толпа расступилась, освобождая круг. Таец ударил ногой с разворота. И очень удивился, что не попал в ухо противнику. Колян легко ушел вниз, а затем прыгнул и, оттолкнувшись левой ногой от колена тайца, коленом правой нанес ему сокрушительней удар в челюсть. Таец простоял пару секунд, затем рухнул на цветной пластик покрытия. Колян повернулся и зашагал к закусочной, уводя Сета от арены. Откуда-то вынырнул парнишка в широких штанах с зелеными разводами, сунул Коляну деньги и скрылся в хаотичном нагромождении лотков.

— Мой брат, — пояснил Колян, пряча бумажки в карман. — Кру.

— Почему Кру?

— Неважно.

Хозяин закусочной недовольно взглянул на Сета.

— Это мой друг, — сказал Колян.

— Тогда ты должен знать...

— Я знаю, — отрезал Колян.

Они сели за свободный столик и заказали по сто граммов водки. Высоко, под самым потолком кольцевой зоны гуляли конвекционные потоки и шевелились голограммы. По интеракту показывали финальный матч чемпионата мира по футболу. Посетители сгрудились у «экрана», шумели, переговаривались, глядя на зеленое поле и мельтешащие фигурки, на летающий крохотный мяч, который изредка пронзал чью-нибудь бутылку с пивом или голову.

Они выпили.

— Ты в бегах? — спросил Колян.

Сет кивнул.

— Я тебя раньше не видел. Ты недавно на веретене. Это было утверждение, и Сет промолчал.

— Тот парень, из Нордика...

— Это я.

Сета вдруг прошиб холодный пот. Ведь хозяин не мог его узнать с новым лицом. Это невозможно!

Он покосился на смуглого пакистанца, тот перехватил его взгляд и подмигнул:

— Я паранорм. Телепат.

Колян хлопнул Сета по плечу.

— Он не сдаст. Расслабься.

Пакистанец уже отвернулся к своему мини-стадиону. Колян заказал еще по сотке. Выпили. Поморщившись, Сет закусил синтетическим огурцом.

— Ладно, — Колян поднялся. — Где ты живешь?

Квартира, где жили Колян и Кру — стандартная урбанистическая клетка — располагалась ниже ватерлинии. За сверхпрочными стеклами чернела бездна.

— Располагайся, — оказал Колян, выдвигая из стены кровать. — Извини, но комната только одна.

Сет бросил рюкзак на кровать.

— Это лучше, чем камера.

Колян хохотнул. Автоматика, среагировав на его голос, включила свет и вывела на оконную панель — вместо океана — вид на ночные улицы мегаполиса. Сет узнал Минскую зону.

— Откуда?

— Есть места.

Ванная и туалет были совмещены в санузел, на кухню вел узкий, не протолкнуться, коридорчик.

— Малые габариты, — пояснил Колян. — Умеренная квартплата. Сам понимаешь.

Сет вспомнил роскошные верхние уровни.

— А где вы держите птицу?

Они уже вернулись в комнату. Колян тронул сенсор на стене. Отодвинулся квадратный сегмент, обнажая нишу. Петух, высунув язык, перебирал лапами по серому треку бегового тренажера.

Игровая кабина представляла собой вытянутую ячейку с лежаком и встроенным виртом. Помимо этого, кабина была снабжена аппаратурой телеметрического контроля и жизнеобеспечения. Сет забрался внутрь и тронул сенсор, закрывающий створы. Засветились зеленым индикаторы готовности.

Таких кабин-сот в гейм-клубе было около двух десятков. Всякий желающий вместе с картриджем мог приобрести любую дрянь в самых невероятных дозах. Сет заказал два колеса «экстази» и «Войну в Чечне» от *Симоти*.

В кабине он привел в действие систему вирта. Нейрокабели подключались к слотам его позвоночника, выползали из стен питающие шланги, опутывая тело. Окна иной реальности распахнулись перед ним...

Уже покидая клуб, Сет понял, что у него закончились деньги.

Сет знал три закона. Первый: всегда есть кто-то наверху. Второй: всегда есть кто-то, стоящий за теми, кто наверху. И третий: обычные люди платят дань и тем, и другим.

Платила ее и кольцевая зона.

Сет уже второй час наблюдал за раздетыми по поясу татуированными «качками», не спеша переходившими от одного лотка к другому. Там, где они возникали, толпа быстро редела — явный признак того, что «братков» знали и боялись. Присмотревшись, Сет заметил, как торговцы передают им пачки купюр.

«Рахман, кто это?» — подумал Сет.

— Люди Тайванчика, — вслух ответил пакистанец. Телепатировать он не мог — Сет не услышал бы его без специального импланта. — Заправляют тут всем.

«Все м веретеном?»

— Официально — нет.

«Ясно. Спасибо».

Сет сидел в кафешке Рахмана, попивая шерри. А мрачная парочка медленно, но неуклонно приближалась к арене с бойцовыми петухами. Некоторые из букмекеров уже почуяли опасность и тихонько отвалили.

Дралась птица Коляна. Сам он стоял у бортика, с непроницаемым видом скрестив руки на груди. Крутосовался где-то неподалеку, на площадке, откуда доносились ломаные электронные звуки... Петух братьев, как всегда, побеждал. Вообще, Сет ни разу не видел, чтобы его побили. Дальнейшее происходило, словно в замедленном сне. Голова Черныша с изогнутым полуоткрытым клювом расплескалась кровавыми брызгами. Смолк гомон болельщиков-тайцев. Второй петух мгновенно куда-то исчез. Следующий кадр: Колян с каменным лицом смотрит, как тело его любимца дергается на желтом песке, молотит крыльями, поднимая облака пыли, брызжет кровью, поливая ей арену...

Народ быстро расходился. А «братки» грудями мышц вырастали перед Коляном; в руке одного из них блеснул ствол — девятимиллиметровая «оса», не сильно навороченная.

Окружающее пространство опустело. Стихли ритмы джангла.

— Должок... — сказал парень с «осой». — Ты не забыл?

— Нет, — процедил Колян.

— Твой боец неплохо зарабатывал, — сказал второй «браток».

— Пять сотен, — сказал первый. — Давай.

И Колян — тот самый, вчерашней Колян, с КМСом по тайскому боксу, с одного удара вырубавший любого противника — полез в карман! Нехотя, скривившись, как от пощечины... но полез.

Парень с «осой» ухмыльнулся.

— И не думай, — процедил Рахман.

Но Сет уже согнулся, запуская руку в рюкзак, лежащий у ножки стула. Ладонь сомкнулась на рукояти «узи», троды вошли в разъемы. Сет выстрелил от живота, мысленно определяя цепь. По груди парня с «осой» расплылось красное пятно, он даже не успел понять в чем дело — потому как был уже мертв. Пуля разорвала его сердце с ювелирной точностью.

— Идиот! — шепнул Рахман.

Напарник «братка» отступил, испуганно озираясь. А сон продолжался: из-за лотка с пирожками вывинтился Кру — с перекошенном от ярости лицом — и, раскрыв на ходу нож-бабочку, всадил в бок мышечной горы.

— Вы, оба... Вы — трупы! — орал Колян.

— Ты тоже... — улыбнулся Сет.

— Зато сохранили полштуки, — вставил Кру.

Колян зло сплюнул.

Они стояли на замкнутой ленточной дороге тридцатого уровня. Возвращаться домой было нельзя. Идти было некуда. Колян посмотрел в глаза Сету:

— Как ты считаешь, почему никто раньше не делал ничего подобного?

Сет не ответил.

— Тайванчик размажет по стене кого угодно. Он держит весь Пловец!

— Ну и что?

— Ты — кретин, Сет. Кру — мальчишка... Да, ты — попросту кретин. Или псих.

— Спасибо, мне говорили. Где найти Тайванчика?

Мимо проплывали витрины магазинов и провалы радиальных тоннелей.

— За что ты сидел, Сет? — спросил Кру.

— На «стрелке» взяли.

Четвертый закон: никогда не воюй с системой...

Законы созданы, чтобы их нарушать.

Словно ты в вирте: ходишь и отстреливаешь монстров. Только вместо графически пририсованных чудовищ — люди. Сет понимал, что уже нельзя остановиться, дороги назад нет. Он шел, открывая двери, убивал, поднимался по лестницам, снова убивал...

Выйти на Тайванчика удалось довольно быстро. Местный авторитет договорился с кем-то из триад о поставке на Пловец крупной партии наркоты. Переговоры велись в заброшенной автомастерской, среди скелэтообразных остовов никому теперь не нужных граверов. В запыленные окна пробивался туск-

лый вечерний свет. Шаги Сета камнями покатались по гулкой пустоте. Он был один.

— Эй, ты кто?

Сет определил и задал цели. Двое справа, четверо слева. Тайванчик седой, грузный, весь какой-то квадратный — в глубине зала, вместе с узкоглазым гостем.

— Стоять, пададь!

Трое двинулись к нему.

Сет вскинул руку с «узи» и открыл огонь. По пуле на каждого, не больше. Вполне достаточно. Последние в замедленном режиме отправляются к «квадратному» и гостю, застывают вытянутыми каплями, ожидая приказа.

Сет шагает, пробуждая эхо. Тайванчик тупо смотрит на висящую у лба смерть, хочет отойти, но пуля следует за ним. А вот гость все схватывает сразу — и даже не пытается дергаться.

— Молодец! — похвалил его Сет.

Тайванчик окидывает взором поле битвы: трупы телохранителей, цепочки следов в многолетней пыли. Сет останавливается.

— Привет!

Тайванчик вздрагивает.

— Очень умный, да? — Сет улыбается. — Любишь загребать под себя?

— Не играй во взрослые игры, — прохрипел Тайванчик. — Сюда уже идут.

— Никто сюда не идет. Ты блефуешь.

Движение.

Свист рассекаемого сюрикеном воздуха. Тайванчик сделал это одними пальцами, почти не шевелясь — запустил «звездочку» в голову Сета.

Он едва успел отклониться, но вращающиеся лучи все равно оттяпали мочку уха с серьгой.

Сет дал команду, и жизнь авторитета прервалась. Где-то за спиной звякнула о бетон «звездочка»
Все.

Гость выжидательно взглянул на Сета. Пуля скользнула обратно в ствол.

— Я думаю, нам есть о чем поговорить, — сказал Сет.

Интеракт транслировал бои без правил. Подвижный мускулистый негр, судя по всему — мастер капуэйро, разделявал заплывшего жиром белого. Негр работал практически одними ногами — красивая техника.

— Можно?

К столику Сета приблизился Рахман. Положил на пластик, рядом с банкой пива, запечатанный бумажный конверт.

— Что там? — спросил Сет.

— Открой.

На столешницу высыпались купюры. Евро.

— Зачем? — не понял Сет.

Рахман пожал плечами:

— Теперь хозяин — ты...

На следующий день они хоронили петуха.

Колян сунул пернатое тельце в жестяной контейнер, закрыл крышкой и швырнул в море. Далеко внизу послышался всплеск.

— Аминь, — изрек Кру.

Колян выписал ему подзатыльник. Кру обиженно отвернулся, поджал губы.

Они сидели на самом краю платформы Четвертого дока. Светало.

— Ребята, — нарушил паузу Сет. — Вы не скучаете... по родине?

— Ты имеешь в виду Белополис? — спросил Колян.

— Да. Я, например, в Гомеле родился.

— А мы с Кру — на Полесье.

С Третьего дока стартовал грузовой челнок и низко над океаном пошел к горизонту. На Сета всегда нагоняли тоску уходящие корабли и поезда. Он почувствовал глупость и бессмысленность происходящего. Словно другая, более светлая жизнь покидала его вместе с этим челноком.

Позже он открыл счет в банке. И уволил одного знакомого чиновника из Бюро Миграций. Но легче не стало.

Тогда Сет отправился в гейм-клуб, заказал «Минск 90-х» и залег на две недели в игровую кабину.

Это случилось, когда Сет просматривал двенадцатичасовой блок новостей. Видеопанель раздвинулась, демонстрируя провал в круглый, абсолютно черный коридор. Нечто вытянутое, смазываясь от скорости, ворвалось в комнату, оформилось в двуногое, невероятно худое, зеленое существо, похожее на кузнечика. Глаз было пять.

— Рад представиться. Налоговый инспектор Тихоокеанского региона Флиеххнагд. Произведем калькуляцию.

Перед существом возникла полупрозрачная, разбитая на клетки плоскость. Оно вытянуло многосуставчатые «руки» и по «калькулятору» пробежалась цифровая волна: вспышка света и плотный сгусток чисел.

— Я не... — начал Сет.

— Я объясню. — Было трудно определить, чем существо разговаривает — рот у него отсутствует. — Земля платит налоги Космическому Сообществу, членом коего является. Со *всех* видов дохода. Поскольку обычные деньги нас не интересуют, мы взимаем информацией.

— Чем?

— Информацией. Личностной. Либо коллективной — в случае, если имеем дело с организацией. Вот, к примеру, вы задолжали нам... — Его пальцы-спички пробежались по плоскости. — Десять тысяч, восемьсот сорок пять условных единиц. Это соответствует... — Снова манипуляция с «калькулятором». — Шестидесяти восьми гигабайтам личностной информации. Плюс пеня...

— Ясно, — перебил Сет. — Вы имеете в виду... мою память? Существо удовлетворенно кивнуло.

Сет вскочил.

— Подождите... Налог платят все?

— Естественно.

— И никто этого не замечал?

— Ах вот вы о чем... Сами рассудите. Чем меньше доход, тем незначительнее налог. Среднестатистический земной житель выплачивает в течение своего цикла существования около одного мегабайта. Это... копейки. Пять-десять минут воспоминаний. Вы же зарабатываете в особо крупных размерах. Отсюда — индивидуальный подход. Все очень просто.

Плоскость «калькулятора» исчезла.

— Итак?

Сет просмотрел свою жизнь. На это у него ушло несколько субъективных недель — секунда в реальном времени.

Затем он отказался от Никелевого Пловца. Забыл. Начисто. Оставил только Коляна и Кру. И Шурупа — на всякий случай.

Инспектор нырнул во тьму гиперкоридора.

Видеопанель срослась.

А Сет, никому ничего не сказав, улетел ближайшим рейсом в Белополис.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СНЫ

Утром Терек был погружен в молочно-белый кисель — непроницаемую для глаза пелену. Несколько человек из освободительного отряда замерли на крутом правом берегу, вслушиваясь в бурлящий поток и разглядывая в цифровые бинокли чужую сторону. Каменистые берега горной реки были укреплены тяжелыми плитами бронешитов, кое-где просматривались замаскированные бойницы дотов, радарные установки, окруженные мерцанием силовых полей... И никаких выстрелов. Пока.

Все напряженно молчали. До назначенной встречи оставалось еще минут двадцать. Где-то за бронешитами, за много километров отсюда стоял Грозный. Чеченцы крепко обосновались, создав непрошибаемую нейтральную полосу, отгородившись от России стальной, бетоном и электроникой. Более надежной границы мир не знал. Поговаривали, что боевиками командует программа — переселившийся в Сеть, официально мертвый, Шамиль Басаев.

Телевидение утверждало, что после 2004 года на Кавказе установилось шаткое равновесие и враждующие стороны не интересуются больше друг другом. На самом деле чеченцы регулярно, уже лет пять, делали вылазки, успешно громили российские города и захватывали заложников, требуя огромные выкупы. Новый президент, едва переступив порог Кремля, заявил, что так дальше продолжаться не может. Началась затяжная, полумифическая война. Лучшее, самое передовое вооружение стягивались к Тереку. Часть земель удалось отвоевать, но дальше этой бурной реки

не продвинулись. Вместо пограничников на обоих берегах служили наемники и добровольцы, одержимые жаждой мести. Самолеты и ракеты оказались бесполезными, они взрывались, не долетая до цели — враг владел совершенными системами ПВО...

Лейтенант Вишнев медленно брел вдоль речных укреплений. У него было специальное задание, которое следовало выполнить любой ценой. Когда лейтенант достиг подходящей точки, он остановился. Отсюда хорошо просматривалось место встречи. Просматривалось через окуляр оптического прицела.

Он навел резкость.

Лица боевиков. Так привычно видеть, как они умирают — там, за перекрестьем. И сегодня это повторится. Вновь. Кровавое колесо смертей...

Заложники — грязные оборванцы, трясущиеся, заросшие, с дикими от страха глазами. Полулюди. Жалкие обломки личностей. Смутный блеск надежды.

Вишнев знал, что если откроет огонь, пленные погибнут. Его предупредили.

Он знал.

Летели разрывные пули, вгрызаясь в бронежилеты, кромсая плоть, снося головы...

Каждый раз возвращаться было все труднее.

Когда уютные построения обращаются в волновой бред или таблетка «экстази» отпускает мозг, когда реальность втягивает в свою пасть жадным глотком пробуждения, тебе хочется умереть. Лучше бы загнуться тогда, в злых, равнодушных горах или в пекле Шали, чем жить с этим второе десятилетие...

Вьюга за окном смешивала неоновое свечение со снегом в бело-голубую с красным кашу. Студия Юрась, известного некогда художника-модерниста, располагалась на шестидесятом этаже Агатовой башни — сотни уровней квартир, магазинов, лавок, гаражей и посадочных площадок, связанных оптоволоконными и электрическими нервами, лифтовыми шахтами и горизонтальными лентами — город в городе, отдельный мирок в холодной ночи. Такие громады возводила Ай-Пи-Аш — они строились годами, порой на нижних уровнях уже селились скваттеры и муты, а наверху еще орудовали краны и робопанки, плюющиеся цементом, сваривающие, складывающие, режущие...

Ночь окружила Сета, замкнула в стеклянном колпаке. Со всех сторон — ночь.

Заворочался на матрасе Юрась. Сет лежал, распростертый на голом линолиуме пола, слушая, как со щелчками втягиваются в гнезда оптоакустические кабели, отсасываясь от позвоночника, глаз и ушей, как электроды с жужжанием уходят в пластик контактного блока.

Схлынуло.

Апатия сковала члены, парализовала волю. Сет перевернулся на спину, уставясь в потолочные перекрытия. Затем он провалился в сон — беспокойный, фрагментарный.

Утром его разбудил Юрась.

— Вставай, говнюк!

Сет приподнялся на локте.

Художник стоял босиком на ледяных ромбических узорах, в белом свободном кимоно с черными иероглифами на рукавах. Значит, началась тренировка. Удар

ноги швырнул Сета на кучу постеров. Однако самого Юрася свалила подсечка. Ритуальный танец на рассвете... Потом они мылись в душе под обжигающе горячей водой, сидели на груде матрасов над уступчатой бездной и пили кофе. «Камора» Юрася привычно отдыхала в массе хлама: кипы бумаги, холсты, коробки с красками и пустые аэрозольные баллончики, вырезанные из журналов репродукции, дискеты, целлофановые пакетики из-под героина, гильзы, автомат «узи», несколько перевернутых стульев, грязная посуда, картонные коробки, свернутый рулоном полимерный дисплей и паутина проводов среди разбросанной одежды, катриджи с мирами Сета, сложенные стопкой возле принимающего паза домашнего вирта...

— Скоро гости подвоят, — сообщил Юрась.

— Кто?

— Наши... Фанера, Колян, Кру.

— Что случилось?

— Не знаю пока.

По магнитной трассе у самого горизонта промчался экспресс на Москву.

— Когда ты успокоишься, Сет?

На художника упал озадаченный взгляд.

— Кидай свой вирт. Ты же инвалид, парень.

— Заткнись, Юрик. Ты там не был.

— Хочешь стать развалиной? Кучей дерьма на обочине? Сломался, лейтенант...

Каждое слово вызывало в Сете вспышку боли. Но он сдержался, чтобы не захватить другу ребром ладони по шее. Не поможет.

...Колян — худой, черноволосый, похожий на стервятника, в оранжевом спортивном костюме и потре-

паннных кроссовках — взгромоздился на высокий хромированный стул. КМС по тайскому боксу, усовершенствованный мозжечок и полное отсутствие страха перед чем-либо открыли ему дорогу в организацию Сета. Его младший брат Кру, любитель ножей, телефонных приколов и джангла, устроился рядом — на стопке прошлогодних плакатов. Фанера — бывший спец по звукозаписи, ныне — волшебник по захоронению трупов, веселый рыжеволосый детина в джинсовой куртке. Сейчас он стоит у южного окна, скрестив руки на груди.

— Курт забил нам стрелку на Коралловой, — сообщил Колян.

— Когда? — спросил Сет.

— В полдень...

Их поглотил многополосный спрут Белополиса — киберсущество с механическими лейкоцитами, закинувшее щупальца далеко за пределы Минской зоны, соединив крупнейшие областные центры в мегаполисную плоть.

Башня, где их ждал Курт, до сих пор размножалась. Инженеры с завернутыми налево мозгами возвели каркас, а биологи вылили из баночки загадочную жижу — она, как вирус, въедалась в заданные формы и твердела, как сталь. Но внезапный сбой нарушил изящество сооружения. Комплекс разветвился в подобие дерева или морской медузы. Люди с головой на плечах туда не полезут.

Но люди Сета шли именно туда.

Цепкие коралловые пальцы уже оплетали местный ретранслятор. Клетки делились исключительно по ночам, под влиянием лунного света, и лучшие умы Ай-Пи-Аш пытались решить эту проблему.

Двери лифта распахнулись в последний жилой сектор Коралловой башни. Выше — только Лес. Сет в обтягивающей водолазке, черных джинсах и прошитом сталью пальто, с «узи» в правой руке, в сопровождении своей свиты стремительно вышагивал по пористому уличному покрытию, огибая квартирные блоки, стеклянные киоски и пылающие костры с толпами греющегося сброда. Компания приблизилась к краю сектора — там в хмурую свинцовую кашу громоздились сплетенные в симбиозе, невероятно изогнутые и разветвленные хром и органика. «Агаты» полезли в это месиво. Здешние обитатели, чтобы закрепиться на верхотуре, вмуровывали сваренные железные плиты, накрывали зияющие бреши пластиком или затягивали быстро твердеющей полимерной пленкой. Повсюду — развешенное тряпье, тросы, грубо сляпаные мостки и перекрытия. Бомжи шарахались от Сета в разные стороны. Он снял автомат с предохранителя, задействовал программу самонаводки. Такие штуки стряпали в Нордике. Генерируется особое поле, направляющее пули и руку стрелка к цели. Убойная игрушка.

Сет схватил за плечо ползущего по стене мута и приставил дуло к его голове. Уродец замер на суставчатых ножках с присосками.

— Найди мне Курта, — приказал Сет. — Скажи: «агаты» ждут.

Мут засеменял прочь.

Юрась тронул друга за плечо.

— Хреново будет — их территория.

— Справимся. — Сет натянуто улыбнулся.

Сеча началась с месяц назад. Курт засылал на Агатовую своих наркодиллеров. Сет изловил парочку и отослал их головы хозяину в контейнерах из нержавеющей стали.

В воздухе развернулась видеоплоскость. Там было два Курта. Сет тяжело вздохнул: опять клоны. Ублюдок выстрегал себе двойника.

— Приветик, — заговорил правый Курт-очкарик с сияющей лысиной. — Получи подарок.

Фанеру пригвоздило стрелой к пенопласту. Белые пупырышки окрасились кровью. А рука Сета уже взметнулась к источнику атаки, палец жал на спуск, поливая огнем ржавый мусорный бак. Юрась и братья рассеялись по извилистым трющобам. Сет перебежал двухсотметровую пропасть по шаткому деревянному настилу, приблизился к баку. Четырнадцатилетний подросток сидел, прислонившись к розовой ветке, в расползающейся алой луже. Рядом валялся арбалет: изящная дуга с длинным прикладом-обоймой. Нейлоновая тетива. Сет сплюнул: ребенок еще...

Он бежал по коралловым трющобам, опрокидывая на ходу лотки с рыбой и морскими деликатесами, пронзая рекламные голографические щиты... Его чип-пеленгатор успел засечь сигнал. Сообщение Курта примчалось из лабиринтов Барбитурного Пути — десятка хрупких улочек, предлагающих все удовольствия галлюциногенного рая. Море кайфа.

Задержавшись на секунду, Сет по мобильнику связался со своей командой. Они углубились в Путь с четырех сторон и встретились на одном из перекрестков. Кру исчез. «Агатов» осталось трое. Внутри каждого вскипала ярость.

Курт на пару с клоном перепрограммировал строительного робота. Это они поняли четыре часа спустя в «каморе» художника. А сейчас сварочный агрегат хлестал лазерными лучами, ловко перемещаясь над их головами. Наконец Юрась сбил гада из помповика, раскурочив минигранатой блок памяти и спалив половину цепей. Двойников нашли в фанерном сарае оружейного магазина. Хозяин потянулся к «Макарову» и упал, подкошенный очередью.

— Вы получили посылки, — сказал Сет. — Это было предупреждение.

Свежая обойма со щелчком вошла в магазин.

Возвращались, таща на себе раненого Коляна. В глазах Сета застыл мертвый мальчик с арбалетом. Мертвые заложники. Мертвые друзья..

— Дооброе утро! Радио «РОКС»!

Савин вел машину по проспекту Машерова, настроение было прекрасное. У Стрельцов сегодня предвидится удачная сделка, в субботу — приятный сюрприз...

— По Минску ожидается плюс 26 — 27, кратковременные дожди, легкий туман. Осторожнее на дорогах...

Савин припарковал «мерс» на платной стоянке и оставшийся путь проделал пешком. Здание «Ариадны» — фирмы-посредника по торговле аудио-видео продукцией — привычно встретило его глазком камеры и сканирующей панелью. Савин приложил к ней палец. Подождал пять секунд и вошел внутрь. Чистый и просторный вестибюль молчал. Охранник у компьютера приветливо кивнул ему и погрузился в

любимый квест. Савин поднялся на второй этаж, отпер кабинет.

...По ночам он проваливался во тьму, иногда выплывая в мире, очень похожем на увеличенную плату. Капли, дорожки... Вместо окон — слоты.

Он просмотрел вчерашнюю почту, немного полазил по Интернету, выпил кофе с коньяком. Середина августа. Можно сгонять в провинцию, отдохнуть.

Часа в три, попрощавшись с охранником, он шагнул на только что вымытый тротуар. Отсюда открывался прекрасный вид на старинные минские улочки, вымощенные камнем, дугой выгибающие спины. Хорошо на Немиге.

— ...российские войска почти завершили окружение Грозного. Пять тысяч боевиков готовятся к обороне...

Объехав демонстрацию, Савин вновь вырулил на проспект Машерова, влившись в нескончаемую струю автомобилей. Ровно в четыре он широко распахнул дверь своей квартиры и шагнул в пустоту. Его втянуло туда и понесло...

...Дом

Савин открыл глаза. Перед ним — дисплей с лениво ползающими насекомыми. Вокруг — обветшалые, обвалившиеся стены, кирпичная кладка, через которую пробивается березовая поросль. По углам — мох и плесень. Голубое небо за разбитым стеклом.

Он распутал провода жизнеобеспечения, повынимал иглы из вен, сморщившись от боли.

По дверному косяку ползла гусеница.

Взгляд Савина фиксируется на ней.

Сегменты.

Молекулы.

Он почувствовал падение.

Сета вырвало

Художник укоризненно покачивал головой, убирая за ним. Мерный гул работающего пылесоса действовал на нервы.

— Выключи, — попросил Сет.

Мерзкий звук затих.

Сет осмотрелся. Снова «камера». Колян, не шевелясь, затих на пыльном матрасе. Ноль жизни. Сет помнил его на ринге: стремительного, побеждающего. Помнил истерию «Тайского клуба», ставки — белый мел на зеленом. Одежда бойца в крови.

— Он умирает, — сказал Юрась.

— Вызвал врача?

— Кто из врачей сунется к нам?

Сет задумался.

— Позвони Шмидту... Бывший полевой хирург. Теперь управляет подпольной клиникой.

Слова давались с трудом. Реальность с неизменной жестокостью била по почкам.

Юрась, лавируя среди шмоток, ящиков и скудной мебели, ломанулся к видеофону. Сет приблизился к Коляну. Наклонился, пытаясь уловить дыхание. Мозг отвлеченно констатировал: пульса нет.

— Поздно, — губы роняли слова-камни.

Юрась замер. Казалось, он мгновенно постарел. Эта картинка тоже впечаталась в память: сутулая фигура на фоне радужного круговорота снежинок. Художник опустил на погнутый алюминиевый стул. Так он и сидел весь следующий час.

Мирно спал на рассвете горный аул.

Вишнев пробирался по звериным тропам через лес. Позади остались перевал и засада, погибший отряд зачистки и расплавленные лужи броневиков. Еще вчера он пил с теми ребятами, бродил с ними по виртуалке в отвоеванном дворце Басаева. Водка и цифровые иллюзии...

Сегодня их не стало.

Сосновые иголки над левым ухом аккуратно и бесшумно срезало. Вишнев перекатился в кизилевые заросли и оттуда начал сканирование окрестностей. Ствол «калаша» реагировал на тепло. На миниатюрном дисплее прицела возникли неясные зеленоватые очертания. Вишнев пальнул туда гранатой. Изображение распалось и потускнело. Но тотчас появился новый источник тепла — справа. Вишнев уничтожил и его. И только тогда понял, что «дух» его дурит, выстраивая ложные цели — бесплотные температурные сгустки с заданными контурами. Вишнев перевел автомат в режим «поиск-фиксация» и засек тринадцать муляжей. Один из них — бородатый наемник с американской штурмовой винтовкой. Вот только — кто?

Вишнев переместился в другой пункт.

Замер, весь превратившись в слух. Маленький шорох, хруст сучка... Но нет. Враг не совершал ошибок. Он тоже затаился, выжидая. Вишнев, стараясь не шуметь, занял удобную позицию, прислонившись к стволу сосны.

Осень зарядила мелким противным дождем, незаметно перешедшим в ливень — отвесные струи холода и злобы. Война терпения. У кого крепче нервы, тот будет жить. Серое чеченское небо начало темнеть,

наливаться мраком — наступал вечер. А дождь не прекращался. Враг мог подкрасться под его прикрытием. Вишнев чувствовал: наемник делает это, неумолимо продвигаясь.

Он зарылся в сырые листья и иголки, отложил «калаш» и вытащил из чехла длинный черный нож. Каждая мышца в напряжении, тело — сжатая пружина.

Когда на уровне глаз выросли ноги в штанинах цвета хаки и высоких армейских ботинках, лейтенант прыжком вылетел из укрытия, всаживая лезвие в плоть и распарывая вверх и наискось, до самого сердца. Труп упал к его ногам.

И вдруг реальность искривилась, замельтешила дергаными волнами. Внизу, в долине, аул распался на куски.

Кто-то схватил его, приподнял и швырнул на груды холстов. Щупальца кабелей втягивались в свои норы, как макароны в рот гурмана. Перед глазами сформировалось лицо Юрася.

— Вставай!

Сет забормотал неясные ругательства. И получил хлесткий, наотмашь, удар. Еще один — тыльной стороной ладони.

— Одевайся, — скомандовал Юрась. — Сваливаем отсюда.

— Что?

— Быстро. Курт перед смертью сдал нас легам Ай-Пи-Аш. В последнее время он работал на них. Мы пришили корпоративных диллеров.

Сет врубился.

После они мчались по пожарной лестнице к вертолетным ангарам, кое-как одетые. Сет едва успел

рассовать по карманам пальто кредитку, пачку помятых евро и «узи» с запасной обоймой. У Юрася за плечом — любимый помповик. Заснеженный Белополис обрушился на сознание безумной аркадой. С периметральной галереи вокруг башни просматривались бесконечные уровни Агатовой. А еще — вид на Полесскую зону: гигантскую плату, изломанную высотными каньонами и изрезанную артериями магистралей. Галерея спиралью тянулась к тяжелым тучам с серебристым отливом. Холодный воздух обжигал легкие.

С легами схлестнулись в ангаре. Юрась открыл ворота своим штрих-кодом. Автоматика включила освещение и подала сигнал: в помещении посторонние. Корпорация не успела внести нужную поправку и компьютер выполнил обычную функцию. Еще не отыграла музыкальная фраза, а Юрась с Сетом уже катились по полу. В воздухе протянулись огненные трассы и пересеклись лазерные лучи.

Сет вновь был в лесу.

Только теперь — каменном, с неоновой подсветкой. Он перебегал от вертолета к вертолету и очередные ярко-желтые панели вспыхивали по мере его продвижения. Сет выстрелил наугад в глубину ангара. Образовалась панельная дорожка, из полумрака вынырнул силуэт.

Юрась всадил в него разрывную. И тогда их атаковали откуда-то сбоку.

Сет ушел от подсечки, пережил первую серию ударов и бросков. А после хладнокровно расправился с двумя здоровенными мужиками в зеленой униформе. Юрасю пришлось туго: один из нападавших пы-

тался его достать, удлиняя руку-протез с вращающимися пропеллерами лезвий. Художник отбивался помповиком, довольно успешно, но другой лег уже заходил ему за спину. Сет поднял «узи» и превратил парня в решетку. Юрась довершил дело ударом приклада. Жужжание лезвий стихло.

«Вертушку» вывели через западные ворота. Снайперы, засевшие на башенных выступах и парапетах открыли беспорядочную пальбу. Сет бросил машину вниз по вертикали — так, чтобы между ним и стрелками оказались многочисленные жилые пространства.

Башни в этом секторе росли, как грибы, и Сет погрузился в их ломаные лабиринты, словно нырнул в сердце процессора. Лопасти винта гнали по небесным переулкам пожелтевшие газетные обрывки и прочий мусор.

Потом они летели над Полесской зоной и перед глазами Сета вихрились кислотные радуги. Новый сорт «экстази».

Вертолет бросили.

Пять кварталов на киберкоптере — и они на крыше полулегальной гостиницы «До».

Это блуждающее нагромождение дешевых номеров перемещалось по сложной траектории на окраинах Полесья. Граверные плиты и полюсные отталкиватели удерживали «До» в заданном воздушном коридоре. Официально гостиница являлась дрейфующим складом-магазином, торгующим софтом и бытовой техникой. Сет и Юрась были в дружеских отношениях с ее владельцем. Дядя Саша, покровитель бедных ламеров и непризнанный авторитет в мире краденой информации, приютил старых друзей. Царство безо-

пасности: отражающая аппаратура, противосканные щиты... Пока их вычислят корпоративные аналитики, жить можно. Только по Сашиным прогнозам визит легов вероятен через трое суток. Спасение — бегство в соседнюю зону. А это — поддельный и-карт, перестроенная сетчатка глаза и татуировка, коррекция отпечатков... Уйма бабок. И времени. Правда, Саша обещал притащить пластического хирурга уже завтра — дополнительный шанс на выживание. Придется залечь на дно — в трущобы, в метро к диггерам — куда угодно, пока не появится возможность свалить.

Она появилась раньше, чем ожидали.

С Сашей связался некто с ником Байт и они договорились о совместной операции — переправке контробанды в Литву и — транзитом через Балтику — в Нордик. Через три дня на посадочную площадку «До» опустится турбореактивный челнок. Его напичкают экранизирующей противосканной аппаратурой. Шанс.

Джокер Королевства Вероятностей оборачивается к тебе лицом, многообещающе ухмыляясь. И шарик скачет по кругу рулетки...

«До» совершила извечный вояж по каменным ущельям и индустриальным кладбищам промзоны, а Сет вновь и вновь погружался в любимые миры. И каждый раз возвращаться было все труднее, и квази-реальность наслаивалась на материальную ткань окружающего... Одинокими зимними ночами Юрась сидел над другом, с болью наблюдая, как дергается в припадках его тело, едва удерживаемое жгутами и электродными. За окном проплывали городские свалки и корпуса заводов, бесчисленные костры сжигаемых отходов и дым, затягиваемый полупрозрачными поглотителями...

Однажды, в день прибытия челнока, Сет проснулся с пустыми зрачками. Юрась бил его жестко, как никогда, вырывая из когтей электронной комы. Когда во взгляде Сета мелькнула осмысленность, художник втащил его, брыкаящегося, в душ и обдал ионизированным холодом. Затем сжал его голову ладонями и ткнул в зеркало:

— Что ты видишь?

Колебание.

— Что ты видишь, Сет?

Губы разлепились:

— Себя.

— Нет, ублюдок. Перед тобой — полорганизма, паршивый трус и наркоман. От чего ты бежишь, Сет?

— Ты не был там.

— Где — там?

— На войне, парень. В Чечне.

— Какой Чечне, придурок? — орал Юрась. — Этой?

В его руках оказался катридж с цветной наклейкой — лента реки в бронированных берегах и надпись: «Бой за Терек». Чуть ниже — фирменный знак *СИМОТИ* и телефоны официальных распространителей. Лицензионная марка. Художник швырнул катридж в раковину умывальника и хлопнул дверью. Через секунду он появился вновь с грудой оранжевых и зеленых прямоугольников. Протянул первый попавшийся Сету:

— Или этой?

«Чечня, 2004-й», последняя версия. Пиратская копия.

Катриджи упали на непромокаемый синтетический коврик. Сет нагнулся, присел на корточки и рассеянно перебирал микросхемы, залитые тонким сло-

ем пластмассы. «Зачистка Шали», «Штурм Грозного», «Минск 90-х». Все — свеженькие, заново купленные у бродячего дилера, приятеля Саши.

— Сет, — тихо сказал Юрась. — Ты никогда не был в Чечне.

Повисла пауза.

Затем в комнате летали стулья и билась посуда.

Их прервал стук в дверь.

— Кто? — спросил Юрась.

— Из соседнего номера, — проскрипела дверь.

Словно человек, жующий стальные стружки.

Художник открыл. На пороге красовался борода-тый громила в замызганном сером свитере.

— Заткнитесь вы оба! — рявкнул гость.

В его лоб уперлось дуло помповика.

— Исчезни...

Лицо Юрася озарила ласковая улыбка.

— Bravo! — Сет нервно рассмеялся. — Теперь он настучит легам.

— Не настучит, — сказал Юрась. — Не из тех.

Он шагнул к другу.

— Ты слышал меня, Сет?

Вопрос пришлось повторить, прежде чем последовала реакция.

— Да.

— Капмании 2004 года никогда не было. Открой исторический сайт. Любой. НЕ БЫЛО.

Сет опустил на диван и заплакал.

...В грузовых трюмах челнока сухо, гуляют конвекционные потоки. Повсюду — аккуратные ряды жестяных контейнеров и тюки с белым порошком. Сет вскрыл один и попробовал: чистейший героин.

Мерно вздрагивали от напряжения стены и слегка выбрировали переборки, когда пилот врубал маршевые рухи. Несколько раз останавливали: на пункте зонального досмотра, на трассе и на таможне у западной границы Белополиса.

Во внешнем мире наступила ночь. Сет заснул.

И теперь уже безо всяких технических наворотов видел погибших друзей, улыбающихся ему из-за прозрачного банкетного стола во дворце Басаева. А наутро была засада, раскаленные от взрыва ущелья и бегство, трудный путь через перевал мимо горного аула, через сумрачный осенний лес.

Все смешалось.

Ему скрутили руки за спиной. Щелкнули «браслеты». Где-то валялись: бесполезный помповик и самонаводящийся «узи». Дневной свет резанул по глазам, и Сет зажмурился.

Достали.

Рано или поздно это случилось бы. Нельзя долго укрываться от могущественной монополии. Непреложный, как гравитация, закон.

Сета привели в абсолютно пустую комнату. Подключили к вирту через сетевой интерфейс. Там, в клубящемся розовом мареве не-вероятности, в исходнике сформировалась маска. Черты смазаны и видеоиз-

менены компьютерной графикой, но Сет узнал давнего врага.. Шаго, полевой командир, руководивший некогда наемниками из Ливана и Египта. Лейтенант Вишнев пристрелил его на развалинах Грозного...

— Нет, — заговорила маска. — Я выжил тогда.

— Ты — призрак, — пожал плечами Сет. — Чечни не было.

— Кто тебе наплел эту чушь? Память, спроси ее.

— Ладно, — сдался Сет. — Что надо?

— Я — калека, дружище. Меня в жизни мало что волнует. Даже моя корпорация. Бизнес меня не трогает. Я — здесь, в Сети, остальное — суета, парень. Ты встретишься со мной в «ДУМе». Полный контакт. Двухсторонняя обратная связь. Поединок, Вишнев. Замочишь меня в вирте — я умру в реальной вселенной. И наоборот. Согласен?

— У меня есть выбор?

— Есть, — маска усмехнулась. — Тридцать лет в сибирской тюрьге.

— Где гарантия, что меня и Юрася отпустят, если я выиграю?

— Мое распоряжение. Я подключен к медицинскому анализатору. Едва остановится пульс, оно высветится на всех ключевых дисплеях Ай-Пи-Аш.

Он материализовался под дождем, на мокром асфальте — посреди пустынного проспекта. И сразу — бежать. Без разницы — куда. Свернуть, подняться по ступенькам, подобрать обрез и кулек с патронами двенадцатого калибра. Дальше — по коридорам и туннелям заброшенного жилого массива, пинками распахивая полусгнившие фанерные двери, петляя по кирпичным лабиринтам...

Хороший симулятор. Преодолев очередной лестничный марш, Сет выбрался на ровную бетонированную площадку и там нашел парочку метательных ножей. Осмотрелся — смазанное серое пятно неба, уличные фонари на проспекте, ползущий по рельсам трамвай на периферии поля зрения... Площадка: ржавые бочки с битумом, штабеля набухших от влаги досок, арматура...

Иной век.

Иное пространство.

Атака была внезапной. Шея Сета попала в мощный захват. Бросок. Враг перелетает через него, падает и, перекатившись, вновь оказывается на ногах. Мускулистый, в пятнистых армейских штанах и черной майке. В ладони Шаго появляется хлыст, оглушительно щелкает над правым ухом Сета. Так. Поднять обрез и выстрелить. Чеченец уворачивается, подбегает к краю и прыгает. Преодолев по широкой дуге стометровку проспекта, приземляется на крыше противоположного здания.

По площадке бьет пулеметный град.

Вниз. В глухие закоулки трущоб. Через черный ход — в тесный дворик, укрытый от дождя тентом. Теперь — подъезд, подвал, бойлерная. Затхлые лабиринты коммуникаций. Крысы, шарахающиеся из-под ног. Слуховое окно. Улица. Пожарная лестница.

Сет притаился за трубой на пологом клепаном скате пятиэтажного дома. Отсюда просматривалась часть проспекта и близлежащие улочки.

И вдруг все померкло...

Сет очнулся в пещере с черными дырами — ответвлениями шахт. Нет, не совсем черными. В ближайшем тоннеле вдоль потолка тянулся электричес-

кий кабель со свисающими через равные промежутки лампочками. Сет едва не споткнулся о трухлявую шпалу. В руках он обнаружил штурмовую винтовку ближнего боя с подствольным фонариком. Включил фонарик. Световой луч уткнулся в грубую шероховатую поверхность.

Он осторожно двинулся вперед. Значит, Шаго меняет уровни, если захочет. Чужая партия. Сет почти физически ощутил привязанные к кистям и лодыжкам ниточки. Виртуальная марионетка.

Он вспомнил прыжок Шаго. У врага больше возможностей, плюс доскональное знание местности. Только Вишневы — лучше. Потому и не погиб в лесу той холодной дождливой осенью...

Мыслеусилием Сет вызвал карту — она загорелась голографическими морщинами в воздухе, под самым потолком. Красная точка Шаго приближалась к развилке, у которой стоял Сет-Вишневы.

Быстрый разворот, желтое пятнышко на лбу противника и трассирующий пунктир...

Что-то заставило Сета нагнуться. Граненый шарик «лимонки», подскакивая на неровностях, катился к нему.

Но шахта уже подернулась помехами. Взрыв выбросил Сета в реальный космос...

...и «камору» Юрася.

За окном — яркое летнее солнце. Никакого снега. Никакой зимы.

Белополис сверкает изломами башен. Художник разлегся в полудреме на излюбленном матрасе.

Ночью над Терекком плыл туман.

РЕВЕРС

Я листаю страницы памяти.

Теперь у меня все искусственное — от артерий до нервной системы. Когда я хочу что-то вспомнить — мысленно нажимаю клавишу «реверс». Ее образ послушно всплывает в сознании: овальная иконка с двумя обратными стрелками, которые постоянно мерцают и циркулируют, догоняя друг друга. Я *кликаю* по иконке.

Передо мной разворачивается прошлое...

Это — как смена реальностей в фантастических клипах SINOPTIC MC или переворот кассеты на другую сторону, но вы этого не поймете, если у вас дома обычный цифровой проигрыватель дисков, а не старенькая магнитола «панасоник». Еще это похоже на переход к другому уровню в виртуальном квесте. Да и вообще, вся наша жизнь, мне кажется, — просто квест, странный, безумный, суматошный.

Клик.

Я служил раньше в косморазведке — еще в довоенные времена. Мы запускали к звездам киберзонды на сверхсвете (люди такого выдержать не могли, да и сейчас не могут). Ни один разведчик не покидал окрестностей Солнца — телесно. Мы годами торчали на принимающих станциях за орбитой Плутона и ловили картинки с далеких миров. На «Девятке», одной из таких станций, жило три оператора: Шакур, Березовский и я. Иногда появлялись торговые челноки со спутников Сатурна или Юпитера. Маленькие праздники. Мы временно отключались от своих киберов и через все отсеки мчались к шлюзу, отталкиваясь от высту-

пов в стенах коридоров и цепляясь за скобы. Невесомость... Стыковка производилась автоматически. Мы лениво плавали возле переходника, наблюдая, как на экранах внешнего обзора рождается массивная, вытянутая сигара челнока, как тянется за его кормой фотонное свечение. Вот он совершает маневр разворота, и мы видим ослепительные вспышки дополнительных руховиков (чисто белорусское название, их разработали гомельские технари). Челнок приближается к нам левым бортом. Из корпуса выдвигается стыковочный цилиндр, раскрывается лепестками слепого рта и присасывается к нашему шлюзу. Мы еще некоторое время ждем — идет уравнивание, тестирование и сканирование наших гостей. Затем снимаются силовые перегородки и раскрываются люки. Влетают торговцы. Две девушки (явно клоны) и бритоголовый, неопределенного возраста мут. Я сразу понял, что это мут — слишком ловко он двигался в невесомости, а тело его — словно без костей. Плавные, выверенные движения. Ничего лишнего. Мутация или генетическое усовершенствование — что-то, безусловно, в нем было. «Мы задержимся на четыре дня», — сказал мут. Его звали Найк. Девушек — Лика-124 и Лика-125. Самая ранняя модификация. Так они объяснили. Все с Юпитера. Мы проводили их в «столовую» и накормили. Часть продуктов с прошлого завоза, часть мы вырастили или синтезировали сами. Лики — веселые, смешливые, с карими глазами и темными волосами. У них были стильные модельные стрижки. Одежда — мешковатые спортивные костюмы, насквозь прошитые электроникой. Ничего нелегального: стандартный набор из фото-сенсорных и звуковых датчиков, мнемоничес-

ких микрочипов, радиомодема и передатчика — чтобы связываться с бортовым компьютером челнока; простейшие софтики — голографический драйвер, дешифратор, звуковой интерфейс...

— ...драйвер нервной системы, — сказал я, — ба-рахлит.

— Садись, — доктор Рубинштейн указал на диагностическое кресло. — Будем просвечивать.

Секунда — и я просканирован, измерен, сверен с файлами амбулаторной карты. Доктор — напротив, в гуще проводов, со шлемом на голове. Сейчас он, должно быть, путешествует по моим внутренностям, как по виртуальному Каньон-Сити на Марсе. Пальцы доктора, со вживленными нейровыводами, порхали в воздухе в призрачном облаке голоинтеракта.

— Надо писать новый софт, — задумчиво произнес Рубинштейн.

— Сколько?

— Триста единиц.

— Вот моя карточка.

Кредитка нырнула в соответствующий паз.

— Вечером инженеры сообразят, — обещает Рубинштейн.

— Хорошо.

Я поднимаюсь.

— Всего доброго!

— До свидания. Я ухожу.

Клиника «Авангард» — дорогое удовольствие. Но у инвалида, вроде меня, нет другого выбора — как ни крути, здесь самые продвинутые технологии. Дело в том, что после войны я стал пародией на человека. Хотя некоторые завидуют... Имплантированный адаптер

нервной системы и мышечный драйвер дают возможность жить, двигаться — иногда даже слишком резко. Официально я получаю пособие по безработице и пенсию — жалкие крохи для лохов. Кручусь, как могу: полгода назад взяли вышибалой в «Пингвин» — это Могилевская зона в Белополице. Потом переехал в Гомельскую — в «Релакс». Ничего работенка, только клиенты с каждым годом все труднее. Экстремальнее. Развелась куча мутов и всяких киберничных ублюдков — короче, я завязал. Теперь тусуюсь в Сети, создаю сайты, продаю их и перепродаю по десять раз, немного рекламы, то, сё... Но основное — ворую клипы, сериалы, иномирные слайды у телеком-корпораций, и сплавляю подпольным кабельным каналам. Обычный информационный торгаш...

Клик.

Реверс, ребята.

...Мое тело где-то далеко на станции. Я ныряю в атмосферу планеты — четвертой в системе Сириус. Сплошные скалы — но такие, каких я никогда не видел ни на Земле, ни на Марсе: верные провалы каньонов, пики высотой в десятки километров, иногда напоминающие античные колонны, иногда — непальские пагоды. Гигантские птицы-растения с зачатками разума строят свои высокогорные селения из глины и сухой травы — будущая цивилизация... Полная иллюзия присутствия — как будто спускаешься в обрыв ты, а не кибер, ты любишься закатом и гористыми ландшафтами... На самом деле перед тобой картинки из прошлого, изображения, звуки и запахи, преодолевшие много световых лет (один из наших киберзондов уже достиг Капеллы)... И ты пропускаешь все это че-

рез себя, анализируешь, делаешь выводы и составляешь подробный доклад — все фиксируется в памяти компьютера, скачивается с тебя, с твоих мозгов, и через ретрансляторы гонится на Землю, в Космический Департамент. Думаю, мои нервишки уже тогда были порядком подорваны этим иномирным шквалом информации. Нет ничего круче работы оператора. Даже виртуалка — блеклое подобие, вчерашний день. Мы — звездные наркоманы. Таких, как я, скосила не война, совсем нет. Мы стали калеками гораздо раньше — когда программу свернули. Почему это произошло? Официальная версия — угроза безопасности Земли. Говорят, кто-то из операторов вернулся *другим*. Не знаю, правда это или миф — мне кажется, второе. Говорят, такое могло случиться только на новых станциях — там, вроде, проводились эксперименты по «полному ментальному переносу». Рассказывали, что разведчики менялись, как перчатки, а один вернулся и заявил, что он — эмиссар с Фомальгаута, а спустя неделю его нашли с перерезанным горлом... В общем, программу свернули. Станции, собирались демонтировать, но не демонтировали. И тут — бац! — Марсианский Конфликт, и все резко о нас забывают.

А теперь реальная история: земные правительства и крупные корпорации вдруг утратили интерес к Космическому Департаменту. Финансовые вливания прекратились. На сцене вырисовывается «Нордик-телеком» и скупает нас за бесценок. А потом вышвыривает. Им, как выясняется, нужны ретрансляторы — мощнейшие в Солнечной системе. А остальное — гори оно синим пламенем... Только вот нашептали мне в ночном клубе Полесья — никто, мол, ретрансляторы не снимает. Да и станции продолжают функционировать...

...В полночь мне звонят.

Я мысленно переключаю нервы на «ускоренку», достаю пушку и лишь затем спрашиваю:

— Кто?

За окном — колючие декабрьские звезды и враждебные огни мегаполиса. Вспыхивает голографическое «окно»: подросток лет шестнадцати, косички-дреды, рэйверский прикид.

— На улице минус двадцать один градус, — сообщает домком. — Гололед. Ветра нет. К вам гость.

— Сам вижу.

— Результаты проверки положительные.

— Пусть войдет.

— Привет! — сказал гость, миновав двойное сканирование. Никаких имплантов и биопримочек. Но это еще ничего не значит.

— Сразу к делу, — говорю я.

— Я пришел за картинками.

— Кто тебя прислал?

— Буфер.

— Ладно.

Я перемещаюсь к стенному сейфу (неприметная «деревянная» панель), не выпуская его из поля зрения. Набираю код, достаю опторепрезентивный кристалл. Закрываю сейф.

— Тебе, должно быть, известно, что я никогда не продаю «просто картинки»? Здесь, — я показываю кристалл, — полный набор ощущений. Удовольствие дорогое. Ясно?

— Ясно. Есть что-нибудь с Полярной?

Уже интересно. Конкретный заказ.

— Есть. Будем просматривать?

Парень кивает.

Я вставляю кристалл в паз проигрывателя, устанавливаю верхний и нижний пороги чувствительности.

— Различение отрегулируешь сам.

Укладываю его на кушетку, одеваю шлем, подключаю сетевые кабели к затылку и позвоночнику. *Аста ла виста, амиго*. Добро пожаловать в мир инопланетного кайфа. Не слети с катушек.

Я загрузил ему «Полярную-7» — сырой, необработанный материал. Другими я не торгую. Никто не торгует. Вы не отыщите студию, которая упакует вам ТАКОЕ.

На лице парнишки постепенно разливается блаженство. Я прерываю сеанс, вынимаю опторецепт.

— Ну как?

— Беру.

— Пять тысяч. Это — реальная цена.

— Я же сказал: беру.

Карточка — сличение — перевод. Он уходит.

Я остаюсь.

Клик.

...Да, я любил ее. Неправда, что все клоны одинаковы. Лика-125 была особенной. Она прилетала еще дважды с интервалом в три месяца. Мы занимались любовью в ионном душе и на ее челноке. Именно тогда я начал подумывать о переселении на Землю. Я понимал, что избавиться от зависимости очень нелегко. Звезды гораздо хуже ЛСД и героина, хуже всего, что вы могли когда-либо попробовать. Еще одна проблема — кому я там буду нужен? Наше общество — жестокий биоценоз, где основной закон — экономическая целесообразность. Поэтому я стал делать ко-

пии с каждого очередного поступления. На черный день. Когда я покидал станцию, у меня была страшная ломка. Но я выжил. Березовский — тоже. А Шакур закончил с собой. Выбросился через шлюз. Я хотел найти Лику — найти и увезти на Землю, в Белополис, туда, где я родился. Но разразился Марсианский Конфликт. Корпорация «Ио» отправила ее в качестве наемника в Порт-Арес.

Что такое Марсианский Конфликт? Очередная разборка между Кланами. На сей раз кашу заварил Клан Рыси — обычная мафия, вроде триад или якудза. Мне тоже пришлось там повоевать — возможно, мы с Ликой сражались друг против друга, этого я никогда не узнаю. И никогда больше ее не увижу. Глупо, правда?

...В «Авангард» я отправился утром.

Рубинштейн приветствовал меня своей дежурной улыбкой.

— Все готово. Будем инсталлировать?

— Конечно.

— Прошу.

Он провел меня в операционную. Комариный укус инъектора — и я под наркозом. Если бы вы могли наблюдать за операцией со стороны — увидели бы, как доктор подключает к моим биопортам медицинские сверхпроводимые кабели, тестирует мою нервную систему и грузит в нее свеженький софт. Не в нее, конечно, а в имплант-адаптер. На экранах мелькают единички и нули — реки двоичной информации. Крутится в воздухе голографический макет всех моих аксонов и рецепторов, увеличенная копия импланта. Растет, вытягиваясь, красный столбик: когда он достигнет критической отметки, загрузка прекратится...

— Спасибо, — я пожимаю Рубинштейну руку.

— Ерунда. Простейшая из наших услуг.

Я бреду по заснеженным улицам, спускаюсь в метро.

Светит холодное мутное солнце.

Реверс.

...Небо Марса.

Я командую эскадрильей перехватчиков. Это — несложно. Я посылаю импульсы, они преобразуются в команды — и боевая машина послушно выполняет любой маневр... Неделю назад я встретился с человеком — бывшим оператором. Мы сидели в баре на Фобосе и пили коктейль. Я заглянул ему в глаза — и прочел там другое пространство и другое время. Я прочел там иной мир и иное сознание. Мне показалось, что я схожу с ума. «Я прибыл, чтобы договориться, — сказал косморазведчик. — Мы не желаем зла. Понимаешь, о чем я, землянин?» Я молча киваю.

...Я выхожу на своей остановке и попадаю в интерактивную зону. Шоу, в котором ты участвуешь. Участвуешь и выигрываешь. Или наоборот. Ведущий обращается прямо ко мне: «А теперь ответьте, в каком году Белополис обрел статус независимого корпоративного агломерата? Вам дается три варианта: 2030-ый, 2044-ый, 2118-ый» — «Последнее», — отвечаю я. «Браво! Вы получаете замечательный кухонный комбайн от «Саншайн-электроникс» и два билета на концерт SINOPTIC MC. Поздравляю! Наш компьютер уже запомнил рисунок вашей сетчатки». ...Голос тает за спиной. Здравствуй, зима!

Вестибюль, лифт, дверь. Я — дома.

В полночь мне звонят.

— Кто?

Пушка уже в моей ладони.

Колочие декабрьские звезды. Город готовится к Рождеству. Внизу, на площади, уже возвели синтетическую тридцатиметровую елку.

В «окне» — красивая девушка с разноцветными блестками на лице.

— На улице минус двадцать пять... — начал комп.

— Заткнись! Кто снаружи?

— Я от Буфера, — сказала голограмма.

— Снять заслоны.

— Привет! — она присаживается на кушетку.

— Полный набор ощущений, — сказал я.

— Знаю.

— Отлично. Что тебе?

— Альфа Лебеда.

Мы просматриваем «Альфу Лебеда-2». Пальцы девушки привычно регулируют верньер порога различения.

— Берете?

— Да.

Карточка — сличение — перевод.

— До свидания, — она тепло улыбается напоследок. — Приятно вновь ощутить родину...

Я тупо смотрю ей вслед.

За окном пошел снег. Звезд не видно. Пневматическая почта выбрасывает на ковер разноцветную упаковку — выигранный кухонный комбайн.

— Глупо, правда?

САУНДТРЕК ДЛЯ ЯНВАРЯ

— Пресекаешь фишку: январь — первый месяц зимы, — сказал клиент.

— Второй, — поправил Змицер.

— Но в году-то первый. Дебют года.

— Неудачный, — сказал Змицер, глядя на вьюгу за окном. Он не любил холод. И снег.

— Студзень, — сказал вдруг клиент.

— Что — студень? Вы хотите есть?

— Да нет, — рассмеялся клиент. — Студзень — это январь по-белорусски. От слова «стужа».

Змицер поежился. По офису, вползая в души, загуляла меланхолия.

Заказчик представлял комплекс звукозаписывающих фирм, дочерних Ай-Пи-Аш, а также по совместительству руководил белорусским филиалом Глоб-ТелеКом. «Вот твоя фигура рисуется на белоснежном фоне окна, аудио-спутнико-мультимедийный бог, и ты можешь раскрутить любого лоха до уровня модного ди-джея, а можешь и наоборот — опустить. Я возведу тебя на алтарь и принесу жертву — только не гневайся, — думал Змицер. С утра в голове держалось новогоднее настроение и новогодний отходняк, улицы утопали во вьюге и в постпраздничном неоновом половодье. Народ встречал время Дракона, а колядовщики готовили козьи морды и прочие жуткие маски, копались в сети, выискивая крохи фольклорных знаний. Еще продавались подарки в красочных обертках и лентах, ароматизированные свечи, открытки и календари, еще лилось где-то западнее шампанское, еще бродили по сугробам пьяные Деда Морозы. Завален-

ный снегом Белополис говорит «спасибо» атлантическому фронту, синоптикам и отказавшим погодным установкам; и, пользуясь случаем, передает привет очистительным машинам. «А вообще-то мне нравится: очень национально и колоритно. Лучший Новый год с тех пор, как смонтировали эти гребаные установки, фильтрующие небо и испаряющие снежинки. Люди забыли, что такое зима». — Змицер поразился резкой перемене настроения. Он вдруг понял, что все не так уж скверно и даже весело... Крутого босса звали Герхардом Манном, это значилось на двери его офиса, а также в тысяче разных источников, на визитной карточке в кармане у Змицера и на воротах кришнаитского ашрама его имени.

— Мне нужна музыка, — сказал Манн. — Хит этого месяца. Чтобы там звучало все. — Он сделал широкий жест. — Понимаешь — все. То, что ты видишь, чувствуешь, думаешь. Чтобы тебя поняли миллионы сограждан, и даже пришелец со звезд врубился. Не какая-нибудь электронная каша, винегрет, наполовину созданный компьютером, а действительно стоящая вещь. Представь, что январь — это фильм или виртуальный мир от *Симоти*, а ты пишешь для него саундтрек. Это несложно.

Пауза. Змицер переварил предложение.

— Но я же не композитор, — возразил он. — И сейчас не восемнадцатый век. Бетховен давно умер.

Силуэт повернулся, показав улыбающееся, типично европейское лицо.

— Тебе так кажется... Я распорядился завезти в твою студию новую аппаратуру — она снимет с тебя информацию, какую пожелаешь, и переведет на му-

зыкальный язык. Ты будешь управлять ею через биоинтерфейс: корректировать, добавлять, резать, микшировать — все, что угодно силой твоей мысли.

— Когда? — спросил Змицер.

— Срок — две недели. В следующий четверг на минском космодроме сядет корабль с Проциона. Ты же в курсе, президент подписал договор с джа об обмене культурными ценностями. Про это все каналы трубят.

Змицер пожал плечами.

— Не слышал? — удивился Манн. — Ну ты даешь, парень!

— Я не слежу за новостями.

— Ладно, проехали... Так вот, джа общаются между собой звуками разной тональности. Они обожают музыку. Сотрудничество с ними крайне важно для Белополиса. Очень влиятельная раса в Галактическом Содружестве. Говорю серьезно — не завали проект.

Змицер сглотнул.

— А если я не справлюсь?

— Справишься, — Манн ласково обрезал гаванскую сигару. — Подумай о своей звездной миссии, о народе и вселенной, о гонорарах и первых строчках чартов... Я лично займусь твоей раскруткой.

За окном матово чернела разбитая на квадраты плоскость — фасад здания Неогосударственного Университета. Улица представлялась ущельем, трассой для разгона северо-западного ветра. Правда, здесь, в центре Минской зоны снегоочистители работали исправно — все-таки административные кварталы, Сити...

Змицер бегло ознакомился с контрактом, подписал его и, сложив вчетверо свой экземпляр, сунул в карман пальто.

— До свидания.

— Удачи, — магнат даже не повернулся, по-прежнему созерцая выюгу и поток гравимобилей вниз.

Ожидая, пока лифт доставит его в вестибюль, диждей застегнулся на все пуговицы и поднял воротник.

Ветер в «ущелье» дул порывами, бросая в лицо колючие иглы и пригоршни снега. Змицер нырнул в пасть подземки, быстро пересек территорию ларьков и лотков, торгующих картриджами для домашнего вирта, и оказался в уютном краю квазимраморных платформ, монорельсовых дорог, прибывающих-отбывающих поездов.

Зазвонил сотовый телефон.

— Да, — озвался Змицер.

— С вами говорит представитель информационного отдела Ай-Пи-Аш. Вставьте, пожалуйста, вашу кредитную карту в считывающее устройство ближайшего банкомата.

Змицер подошел к колонне в стиле ампир и выполнил требуемое. На табло отразились цифры — содержимое его счета. Цифры замелькали с бешеной скоростью, палочки, из которых они состояли, слились в нечто аморфное.

— Спасибо, — снова ожил телефон. — Перечисление аванса, согласно пятому пункту контракта, завершено.

Змицер ошеломленно смотрел на табло. Тридцать тысяч — десять процентов предварительного гонорара. Как во сне, он вытащил кредитку, сделал три шага, отделявшие его от обтекаемой стрелы поезда и вошел в вагон. Двери сомкнулись за спиной.

Он вышел на Октябрьской, прокатился на эскалаторе и снова окунулся в зиму. Пять минут на маг-

нитной маршрутке — и Змицер, минуя турникет, шагает по роскошному автосалону «Мицубиши». Гравёрные и турбореактивные тачки красуются на вращающихся подиумах. Свет тысячью бликов играет в их корпусах. Синтетические девушки одаривают посетителей белоснежными улыбками.

«Что ты знаешь о джа? — думает Змицер. — Ничего». Что вообще можно знать о расе, чуждой человечеству настолько, что даже не общается словами? Они появились сорок лет назад, вынырнув за орбитой Плутона, там, где размещены, доживающие свой век, разведстанции землян. Их сразу взяла в оборот Ай-Пи-Аш. Джа оказались высокоразвитыми эстетами, ценителями искусства, тонко разбирающимися в этнических нюансах чуждых культур. Каждый месяц для них — неповторимый отрезок годового цикла, уникальное явление, обладающее собственной тональностью и набором ощущений. Из всей же информации, воспринимаемой органами чувств для джа наиболее важны звуки...

Вообще, после первого контакта, который осуществили даже не люди, а киберы, механические межзвездные костыли для неспособных ступить в Большой Космос инвалидов, многое изменилось. *Все изменилось*. Нам пришлось осознать факт присутствия рядом *Иного* — это главное. Правда, иное со временем превратилось в будничный поток данных, причудливые иконки на сайтах и обилие тиражированных доз чужих миров, превратилось в деньги — как и все, к чему мы прикасаемся. Осталось неизменным лишь одно — мы по-прежнему прикованы к своей Солнечной системе. Гости прибывают в Мегпорт Каллисто,

дарят нам стеклянные бусы, забирают, что им надо и вновь улетают. А мы тоскливо смотрим им вслед...

Змицер остановился перед обтекаемым красавцем-гравером, машиной своей мечты. Салон приглашающе распахнул объятия, сдвинув округлые дверцы. Фиолетовый борт блестит, отражая огни подиумов.

— Что-то хотели? — как черт из табакерки, выныривает из ниоткуда улыбчивый низкорослый японец.

— Да. — Змицер наслаждался моментом. — Я хочу эту тачку. Сейчас.

...Он вывел свой «Мицу А-356» на скоростную Девятую трассу и включил автопилот. Кресло было мягким, принимающим форму тела: казалось, в нем можно утонуть — если не отрегулировать упругость. Встроенный вирт, комп-навигатор с выходом в Сеть, цифровизуальные непробиваемые стекла, гравитационный движок четвертого поколения, противоугонная система «Фриз», предусматривающая даже расстрел вора... Двадцать три тысячи. Практически весь аванс. Но Змицер не жалел.

Повсюду — отголоски праздника. Еще переливаются радужным многоцветьем установленные вдоль трассы щиты, рекламирующие бутики, где можно купить новогодний подарок. Рождественские скидки...

Гравер свернул на набережную Свислочи и помчался над старой каменной дорогой. Реку уже сковало прозрачным ледком — следствие неполадок в поясе метеостанции. «Вряд ли такое случилось бы в Нордике или Токио, — думал Змицер, просматривая блок новостей. — Там, где нас нет, всегда порядок и благодать...»

Студию Змицер снимал в здании на Немиге, где когда-то в магазине «Светоч» букинисты торговали своими потрепанными фолиантами. Еще раньше, пару столетий назад, здесь были редакции каких-то издательств...

Змицер припарковал машину у занесенного снегом тротуара, и вышел. Дверца бесшумно встала на место; коротко пискнула, активируясь, охранная система.

Массивная, в несколько стеклянных слоев, дверь открылась с трудом. Как всегда. Змицер пересек гулкий пустой вестибюль (такое ощущение, что гулкая пустота — типичная зимняя реальность), поднялся по ступеням и двинулся направо — к лифту.

Минута ленивого созерцания вспыхивающих квадратов. Минута подъема. Съезжившиеся старинные кварталы за окном во всю стену: антикварные лавки, обменники, уютные тихие ресторанчики и булочные, красные кубики ларьков, смазанные вьюгой...

Время перемен.

Змицер смотрит на свою аппаратуру, сложенную в дальнем углу студии: «акаевские» семплеры, синтезаторы «корг» и «роланд» с расширенной памятью и портами для биоса, ненужную теперь консоль «Беринджер М-2х4000» комп от *Симоти*, мотки белых, зеленых, красных кабелей, переходники...

А в центре, на специально смонтированной платформе, торжествующе красуется технологическое чудо — система «Эм-Аш», модификация три тысячи: нейромикшер, подключенный к ментальным снимателям, распознавательному блоку, синт-модификатору и коробке оперативной памяти на двести гигабайт.

Рядом — вращающийся стул и упаковка с сенсорным костюмом. «Насколько я знаю, никто из ди-джеев Минской зоны и близко не видел ничего подобного»...

Змицер прислушался к вою ветра — ветер гонял по коньонам улиц белую крупу. Там, за бетонными перегородками крутились голографические Драконы — символ наступившего года. Там засыпало снегом, брошенные у супермаркета, машины. Там хлопали на ветру брезентовые палатки. А тут, в подземном гараже Четырнадцатого Жилсектора, было тихо. Но все равно холодно .

Змицер слушает ветер...

Еще на пороге квартиры он понял: что-то не так. Проснувшись от короткого зимнего сна, домашний компьютер повключал везде свет, активировал информационную панель в тесной комнатухе и заурчал, зашелестел кухонным комбайном. Затем, прокашлявшись, изрек сакраментальное:

— Добрый вечер. — И дальше: — Температура воздуха, давление, насыщенность озоном соответствующую гостю. Ужин будет готов через шесть с половиной минут. Звонили из клуба по поводу предстоящей «битвы ди-джеев». Звонила твоя бывшая девушка, сказала, что хочет встретиться. Если хочешь, могу включить запись.

— Выведи на инфопанель.

— Хорошо.

Блок новостей на плоском экране свернулся в точку и исчез, его сменило изображение Леры. Лицо слегка уставшее (еще бы, последствия новогодней ночи) и почему-то виноватое.

— Ты еще сердишься?

Глупый вопрос.

— Змицер, солнышко...

Дальше была привычная тирада о любви, вечных ценностях и умении прощать ошибки своим ближним. Змицер слушал вполуха. Их отношения закончились в тот вечер, когда она ушла с его другом. Была злость, была ненависть — осталась пустота. Гулкая... Нет, не пустота. Просто зимний сон. До весны.

— В квартире посторонние.

Змицер вздрогнул.

— Где?

— В ванной.

Змицер встал с кресла (оно сложилось в куб и нырнуло под пол), пересек комнату и вышел в коридор. Прикоснулся к двери ванной — та въехала в паз косяка. Привычного набора из умывальника, зеркальных шкафчиков и душевого отсека не было. Змицер стоял и тупо смотрел на цветущую бескрайнюю степь и яркое голубое солнце над горизонтом.

Это тоннель, объяснили ему, пассажирский тоннель. Теперь его решили провести и на Землю — совместный проект джа, гернийцев и овоидов. Конечно, все одобрено Департаментом Безопасности и администрацией Президента. Что такое пассажирский тоннель? Переход, соединяющий звездные миры, проложенный через нуль-пространство. Что в ванной? Киххиллэдентрон — родная планета овоидов. Почему в его квартире? Они сами удивлены. Должно быть, ошибка в вычислениях, микроскопическая погрешность, закраившаяся в уравнения выхода. Не волнуйся, землянин,

убытки тебе возместят. И моральные и материальные. Это всего лишь досадное недоразумение, тоннель должен был выйти на терминал Минского космодрома.

Змицер смотрел на иномирян: похожего на птеродактиля джа, мохнатого гернийца, смахивающего на двуногую корову, мерцающего, переливающегося циркулирующей плазмой овоида (последний застыл в метре над полом). Все, что они говорили, переводилось лингвистическим полем, незримо заполнившим комнату.

Они надеются, что не причинили лишнего беспокойства.

Змицер может воспользоваться тоннелем по своему желанию. В любой момент. Своеобразная компенсация.

Они ушли, закрыв за собой дверь ванной.

Змицер остался.

По инфопанели бегали картинки и столбцы текста. Заверещал видеофон. Лера, меня здесь нет. Для тебя — нет.

Кусочки января.

По экрану с шипением и треском бегут помехи — должно быть, выюга повредила спутниковую тарелку. Срабатывает автоматика — компьютер подключается к кабельным каналам. «По-прежнему не удастся ввести в строй погодные установки. По мнению экспертов, неполадки происходят в основном из-за устаревшего, нуждающегося в замене оборудования». Изображение атмосферной метеостанции на фоне крутящейся облачной колумути.

Змицер в студии.

Его тело затянато в эластичный сенсорный костюм, из черепной коробки торчит биос. Он делает

музыку. Вой ветра, и снег, и голографические Драконы, и смешение культур — все в ней. Демо-версия практически готова. Мягкий психоделический вокал, индустриальные ритмы городских улиц. Главное — передать холод. Ходод и пустоту.

За стеклянной гранью окна ворочается и мерзнет Белополис.

К началу Старого Нового года стужа немного отступила, подтянув за поводок ветер. Теперь его почти не было. Зато снег обрушился на Минскую и Витебскую зоны, заваливая улицы и наращивая сугробы. Снегоочистители едва справлялись с объемом работы. Змицер вел гравер по лабиринту старых кварталов, сплошь состоявших из панельных девятиэтажек — так называемый, микрорайон. Из снежных завалов то тут, то там торчали ржавые мусорные баки, огороженные побелевшими проволочными сетками, величественно проплыла кирпичная коробка энергоподстанции... Змицер вспомнил мост через Свислочь, темные железобетонные опоры и грязных, одетых в латаное тряпье мутов, ждущих, чтобы согреться; мусор в точно таких же ржавых баках. Муты — худые, изможденные, со злыми глазами, голодными глазами (все знают, что среди них распространен каннибализм), далеко не всегда были похожи на людей. Змицер знал, почти наверняка, что не запишет их в свой саундтрек, и от этого на душе становилось противно.

Не только за себя.

Он заблудился. Машина почему-то утратила связь с Навигационной Системой, и дома старых кварталов превратились в непостижимые каменные джунгли, как та степь с голубым солнцем.

Он остановился возле какого-то бара, заглушил движок и задумался. Крутой босс из ГлобТелеКома наверняка знал о тоннеле. Тогда почему ничего не сказал? Какое глупое стечение обстоятельств: в многомиллиардном Белополисе именно квартира Змицера оказалась на перекрестке двух миров. Интересно, как может выглядеть среда, породившая овоидов. Газовый гигант, вроде Юпитера? Затухающее солнце? Может, наши шаровые молнии — их отдаленные родственники?

В баре тихо и спокойно. Под однообразное бормотание экрана Змицер опрокинул пару соток «Питерской», подождал, пока тепло распространится по телу и войдет в мозг легким помутнением. Затем вышел, оставив за спиной пропитанное ультрафиолетом пространство.

— Сеем-веем, посеваем, с Новым годом поздравляем! — Налетела на не го стайка разукрашенных в вывернутых наизнанку дедовских тулупах, прячущихся за козьими и африканскими масками подростков. — Открывайте сундучок, доставайте пяточок!

Улыбнувшись, Змицер полез в карман пальто за смятыми банкнотами евро. Сдача, отсчитанная ему скучным, бритоголовым барменом.

— Держите.

Они окружили его шумной маленькой толпой. Самые шустрые первыми хватали деньги, затем начался дележ. Змицер побрел к машине, хрупая по снегу рубчатymi подошвами «вездеходов». И тут он вспомнил, что не знает дороги.

— Эй! — Змицер обернулся к колядовщикам. — Может, подбросить куда?

В ответ — оживленный веселый гомон.

Дети под завязку набились в салон, едва поместившись. Младшие устроились на коленях старших. Змицер поднял гравер в воздух и направил по узкому проходу между двумя девятиэтажками.

Весь вечер он возил ребят от дома к дому и терпеливо ждал, пока те не обойдут все квартиры, наводняя шумом полумертвые подъезды. Потом он стал ходить вместе с ними, даже выучил какую-то дурацкую «колядку», нацепил бороду с красным «дедморозовским» носом и взялся носить тяжелый пластиковый пакет, утрамбованный сладостями, кусками колбасы и жестяными банками с соком.

Домой возвращался уже за полночь. По дороге купил в ночнике на углу сектора бутылку коньяка и выпил ее в гордом одиночестве.

Кусочки января.

Змицер стоит на площади-террасе шестидесятого уровня у лотка закуской и наблюдает за лениво падающими пушистыми комками. Отсюда хорошо видны автостоянка, призма супермаркета и здание в форме алмаза с лифтовой шахтой-колонной сбоку — Национальная библиотека. Снег оседал на волосах и проникал за шиворот, но Змицер не обращал на это внимания.

— Готово, — девушка-лоточница протягивала ему кофе и разогретый в микроволновке хот-дог. — Три пятьдесят.

Змицер повернулся в сторону ванной, дверь которой поехала вверх. Пахло чужими запахами и летним зноем, после чего в квартиру вошел Герхард Манн.

Наткнувшись на взгляд Змицера, он удовлетворенно хмыкнул:

— Ну как?

Змицер кинул ему футлярчик с акустическим диском.

— Я закончил.

В руках босса возник ноутбук размером с обыкновенный блокнот.

— Давай кредитку.

Процедура перевода заняла секунды. Змицер безотрывно, не мигая, смотрел на дикую цифровую пляску, демонстрируемую откидным монитором.

Потом белый квадрат с рельефным логотипом ГлобТелеКома перекочевал обратно в ладонь ди-джея.

— А прослушивание?

— Если им, — Манн кивнул на дверь ванной, — не понравится, я все заберу обратно.

— А если не успеете? — нагло осведомился Змицер.

— Риски здоровьем.

Спустя мгновение, босс скрылся за дверью в тоннель. Змицер выждал какое-то время, затем поднялся (кресло сложилось) и шагнул в коридор. Коснулся запирающей панели.

Степи в ванной не было. Змицер с тоской смотрел на кафельные плитки, на белизну раковины и свое отражение в зеркалах шкафчиков. «Наверно, подкорректировали свои уравнения», — подумал Змицер и двинулся в комнату, где по плоскости экрана бегали немые картинки — комп приглушил звук. Змицер попросил его разложить кровать.

Чтобы погрузиться в сон.

Долгий зимний сон.

ПЕСНИ СТАРОЙ ЗЕМЛИ

Высоко в сиреневом небе повисли колючие звезды.

Визернов вздохнул. Вот уж повезло — встречать закат своей жизни вдали от родины, в другом, непонятном мире. Эмигрант. Теперь это слово перестало быть для него абстрактным понятием, превратившись в определение собственной личности. Вот и ностальгия грызет, и все ищешь что-то знакомое, привычное. Здесь две луны и нет осени...

А он так любил осень. И еще — здесь нет деревьев. Не шуршат под ногами листья в октябре. Сперва он цеплялся за мелочи, искал близких по духу людей, затем уходил в виртуалку, топил воспоминания в винах и коктейлях... Со временем привык. Только грусть осталась.

Тихая блюзовая мелодия расслабляла. «Ретро» — единственный бар в Каньон-Сити, где еще можно услышать такое. Свет играет в зеркалах и на гладком покрытии стойки, искрится в золотистой жидкости в узком фужере. Хантер сидит рядом, подперев рукой подбородок.

— Снова неприятности с Димкой? — спросил он. Визернов пожал плечами.

— С ним это каждый день.

— Зеленая тоска?

— Вроде того.

«Зеленой тоской» они называли приступы ностальгии.

Визернов вдруг заторопился:

— Ладно, Хант, мне пора.

— Куда это? Бизнесом, что ли занялся?

— Как же. Торговля марками и значками.

Через прозрачный потолок просматривалась полоска неба. Энергетический купол, рябой от волнистого напряжения, придавал ему странный оттенок. Где-то далеко, за кромками Каньона, не переставая работали станции, перегоняя потоки электронов. Силовое поле вместо пластика. Свежее решение.

Марс.

По ту сторону барьера носились песчаные бури, засыпая красной пылью каркасы оборонных укреплений и останки самолетов — память о Второй гражданской войне. Тогда Каньон-Сити, Сырт и еще пара крупных мегаполисов управлялись сборищем наркодельцов и торговцев оружием, именовавших себя Кланами. Одна из повседневных разборок переросла в войну. Теперь Сырт является кучей руин. В итоге — кому-то наверху надоело смотреть на все это безобразия: пришли полицейские и навели порядок. Относительный. В Каньоне ведь не существует такого понятия — разве что в словаре.

— Эй! — окликнул Хантер.

Визернов задержался.

— Чего тебе, Хант?

— Ты забыл заплатить.

— Номер моего счета...

— Я знаю твой номер.

— Так в чем проблема?

— Там пусто.

— Чушь.

— Сам проверь.

Визернов быстро преодолел сверкающий никелем и зеркалами зал. Бармен протянул ему расчетный блок.

В левом углу — 432-08-5488, в правом — «0». Визернов тряхнул прибор. Ничего не изменилось. Визернов взглянул на свое отражение в стойке — усталый человек, половина седых волос. И беспокойство. Затем — тревога. До него начало доходить.

— Пусти меня к видеофону, Хант.

— Ты же знаешь, я не люблю эти штуковины.

— А комп у тебя есть?

— Есть. Прошу.

Визернов перелез через стойку и вслед за хозяином углубился в дебри подсобных помещений. В тесном кабинете без окон Хантер усадил его за старый клавиатурный терминал. С минуту, тяжело дыша, Визернов смотрел в матовость экрана. Потом, войдя в Сеть, набрал адрес Центрального Кланового Банка.

— Ну?

— Что с моим вкладом?

— Номер, дружище?

— 432-08-5488.

— Сейчас запрошу.

Только на Марсе, только в Каньоне и только в ЦКБ могли так разговаривать с клиентами.

Курсор метнулся вправо.

— Забудь.

— Не понял.

— Я что, на иврите выражаюсь? Твои десять штук кредитов увели вредные дядьки. Контракт читал?.. За хакерские взломы банк не отвечает.

— Но что мне делать?

— Я — доктор?.. Милостыню проси.

— Ну, спасибо! Посоветовал.

— Крепись, старик. — Хантер похлопал друга по плечу. — Дай подумать... Ага. Нужно поискать ангела.

- Кого?
- Человека, который поможет. Ясно?
- Нет.
- А ну тебя... Был чайником и остался.

Бармен вытеснил Визернова из кресла и начал забрасывать виртуальность вопросами. Визернов вглядывался в экран, тщетно пытаясь уловить хоть крупинку смысла.

- Слышал кто-нибудь о ЦКБ?
- Заткнись, урод. Ты не к теме.
- 100111010100011...
- Скажи по-человечески.
- Огурцы?
- Заткнитесь все! Дайте поговорить.
- ЦКБ?
- Наконец-то откликнулись, — бросил на ходу бармен, выстукивая очередную фразу.
- Хакеры почистили банк. Знаешь?
- Слышал что-то.
- Кто это мог быть?
- Без понятия. Обратись на ZX: / Н. FOX// KLEK. Хантер набрал адрес.
- Я пойду, пожалуй, — сказал Визернов. — Будет новенькое — свяжемся.

— Давай, — кинул бармен. — Но не обольщайся особенно. Тебе, похоже, придется искать работу.

Да. Такое на Марсе в порядке вещей. Никто ни за что не отвечает. Всем все параллельно. Иногда Визернов думал, что более глупого, абсурдного и захламленного места в Галактике не сыскать. «Наступит день, — зло думал он, шагая неизвестно куда, — и чаша переполнится».

Каньон-Сити.

Гигантская расщелина, стены которой, сверкая огнями, рекламами, витринами, сталью и стеклом, бывшие некогда цельной горной породой, взлетали вверх на тысячу метров, изламывались гранями магазинов, салонов, банков, жилых секторов, протянулись к самому горизонту светящимися кишками скоростных туннелей, скрытыми автострадами, вакуумными транспортными трубами, вентиляционными и лифтовыми шахтами, коммуникационными линиями, сверкая и переливаясь в огненном зареве...

А на дне — своя, особая жизнь. Выпирают кубы, призмы зданий, протянулись наземные трассы для гравимобилей. Километрах в трех к северу — открытое поле космодрома. Когда стартует очередной корабль, срабатывают защитные механизмы: словно десять тысяч вертолетных вертушек рисуют круги, составляющие силовой оградительный переход, волны звукового предупреждения врезаются в общий городской шум, незаметно, органически вплетаются в него. Радиоволны вылавливают из воздуха флаеры, блокируют ручные системы управления, аккуратно ведут, огибая опасный мерцающий столб, а затем отпускают... Корабль исчезает в небе среди волнистой сирени, переход распадается на атомы. Движение возобновляется во всей своей сложности и многоуровневости. Флаеры, грузовые платформы, турбореактивные автопоезда... А над кварталами, граничащими с космодромом, вихрится-искривляется тепловое марево.

Над городом пронесся свежий ветерок, очищая воздух от вредных примесей. И все вернулось на круги своя. До следующего старта. Или посадки.

Визернов стоял на возвышении, образованном стальной аркой. Эскалаторы перевозили через нее толпы людей.

Люди.

Второе поколение марсиан и выходцы с Земли: низенькие японцы, русские, грузины, евреи, англичане... Часть из них — киборги, хотя вряд ли остальные догадываются об этом. Почти все разговаривают на эсперанто, некоторые — на терранских диалектах. У Визернова пестрило в глазах от разноцветных накидок, кричащих курток...

Уныло взглянув на экран, перегородивший весь Каньон, Визернов двинулся к эскалаторам. Огромный квадрат, сотканный из голографических нитей, каждые пять минут вспыхивал радужной гаммой цветов, обрушивал на город звуковизуальные каскады информации — рекламу богатейших компаний и торговых фирм Каньон-Сити. Флаеры погружались в экран, рассекаемые призрачной плоскостью, скрывались один за другим в этом омуте, выныривая где-то над деловыми уровнями и юпитерианским посольством. Потом квадрат скатывался в узкие полосы.

Эскалатор полз медленно, мучительно медленно. Внизу, метрах в пятидесяти от Визернова, в толпе слышался крик. Мужик в белой тунике, выхватив пушку с длинным граненым стволом, всадил разрывную в парня, стоявшего тремя ступеньками ниже. Бедняга разлетелся на куски в брызгах крови. Истерично заорала женщина рядом с Визерновым. Киллер отбросил пушку в сторону, перемахнул через покрытое кожей ограждение и оказался на движущемся тротуаре. На пересечении с 46-ым проспектом его попытались схва-

тить. Дюжина патрульных на турбоскуттерах, спустившись с небес, ринулась к одинокой бегущей фигурке. Случайных прохожих как ветром сдуло.

И тут — беглеца и преследователей поглотил экран.

Визернов очнулся. Он стоял посреди улицы, возле подножия арки. Людская река огибала его, словно остров, и опять смыкалась.

* * *

Бетонное огнеупорное поле начиналось сразу за трехметровым сетчатым ограждением. Визернов, просунув пальцы между стальных ячеек, с тоской наблюдая, как стартует красавец-лайнер, сверкая титановым корпусом... Земной рейс. Визернов отдал бы все на свете, лишь бы оказаться на его борту. Но время уходит. Никому не нужен старый навигатор, перешагнувший пятидесятилетний рубеж. Технологии идут вперед. Кибермозги заменяют человека. Все строится на автоматике. Год назад, когда он явился в Службу занятости и предложил услуги навигатора, его вежливо послали. Возраст. Организм не вынесет перегрузок. Сиди до конца жизни в Каньоне. Чем тебе не нравится Марс? Свобода. Ничем не ограниченное самовыражение. Безграничные возможности. Молодой, развивающийся мир. А на Земле, говорят, к власти пришел диктатор. Цензура. Культ личности. Тоталитарные прелести...

Кто-то тронул его за плечо.

— Димка.

— Зеленка? — спросил он.

Визернов угрюмо кивнул.

— Как ты меня нашел?

— Просто. Хантер сказал. Ты либо у него, либо здесь.

— Логично. Зачем я тебе понадобился?

— Ну... Пошли прогуляемся. Расскажу по дороге.

Они выбрались из портовой зоны и теперь брели по длинному и широкому проспекту. Визернову нравился этот район: модернистская многоуровневость еще сюда не заглядывала, под ногами — обычные плитки. Правда, как и повсюду в Каньоне, с металлическими вкраплениями — кричащая навязчивая кибернетика.

Они шли рядом — белокурый, среднего роста тинейджер, типичный представитель своего нигилистического непостижимого поколения, и седой, слегка сутуловатый мужчина. Димка был одет в свою любимую черную футболку навыпуск и выцветшие старые джинсы. Глядя на его худенькую, еще мальчишескую фигурку, Визернов понял, что никогда не смог бы улететь без него. Димка — единственная связь Визернова с Марсом. Судьба у паренька выдалась не из легких: отец с матерью плевать на него хотели, школа, да и все общество — тоже. Собственно, и школа, как таковая, на Марсе — условность. Хочешь — ходи, хочешь — дома сиди. Детей никто не воспитывал. Разве что ее Высочество Улица. Компьютер. Сеть. Хомо сапиенса сменяет Человек Сетевой...

Родители Димки вели богемный образ жизни. Их хорошо знают представители «левой тусовки» Каньона — художники, VR-дизайнеры, кутюрье. Большую часть времени парень либо торчит у дисплея в голой, пустой квартире на Западном Обрыве, либо шатается

по городу. Сколько раз Визернов твердил ему, что есть районы, в которые лучше не соваться, что мегаполис опасен. В ответ он всегда слышал одно и то же: «Ерунда. Я же не связан с Кланами. Я не директор корпорации. Я — никто. С такими ничего не случается».

— Тебе не надоело ходить в этой рубашке? — вдруг спросил Димка.

Визернов взглянул на свою «гавайку» в красно-голубых разводах и орхидеях.

— А что?

— Да так... Ты выглядишь архаично.

— М-м... Говоришь — архаично? Так ведь я и сам — анахронизм. Не к месту и не ко времени.

— Брось, дядя. Я не то имел ввиду. Тебе она просто не идет.

Когда они приблизились к одной из видефонных будок, разбросанных где попало, без всякой, казалось бы, системы, миниэкранчик засветился и произнес:

— Визернов, подойдите, пожалуйста.

Визернов, вздрогнув, повернул голову.

— Зачем?

— Вызывают.

Он подчинился.

— Да?

— Привет, Шкипер.

Это был Хант.

— Ну, привет. Откуда звонишь?

— От соседа, — бармен ухмыльнулся.

— А-а — «Ретро»?

— Ничего страшного. Все равно посетителей не густо.

— Это верно, — печально согласился Визернов. — Как ты меня нашел?

— Техника, брат. Не я искал — портовая подстанция. Улицы города теперь сканируются двадцать четыре часа в сутки. Мы распиваем бордо и фиолетовое харонское, сосем через трубочку лунный коктейль, а мир совершает кросс.

— Что новенького?

— Много чего. Будешь мне пятки целовать.

— Прямо сейчас? — съязвил Визернов.

— Нет, можно и завтра. Слышал про хакера Кечу?

— Кого?

— Кечу. Знаменитая в Сети личность.

— А я здесь...

— Да ты не лети. Дай сказать. Кеча — хакер. Он знает все на свете. Поговори с ним. Если ты ему понравишься, он тебе поможет.

— Ладно. Давай его адрес.

— Западный Обрыв, уровень 13... Записываешь? Визернов похлопал по карманам в поисках ручки.

— Я запомню, — успокоил его Димка.

— ...пересечение Двенадцатой и Сорок Четвертой.

Блок 5, квартира 3.

Выдав информацию, Хантер отключился.

— Я знаю те места, — сказал Димка.

— А Кечу?

— Кечу? — Димка сморщил лоб. — Слухи, конечно, витают. Вроде бы — это он в позапрошлом году вломился в банк «Ирра». А затем скрылся где-то на астероидах. Толпа киллеров Клана Рыси перевернула тогда весь 13-ый уровень...

— Оставь подробности, — отмахнулся Визернов. — Вижу, человек серьезный.

Они петляли по грязным загаженным переулкам. Под ногами шелестела газетная бумага, попадались

картонные коробки, пластиковые пакеты... Дома, как на подбор размалеваны местными любителями граффити. Судя по всему, на Марсе входит в моду то, что на Земле забыли еще полвека назад.

— Куда ты меня затащил? — Визернов испытующе взглянул на племянника.

— Дикие кварталы, — последовал ответ. — Почти самое дно Каньон-Сити.

— И что мы здесь делаем? — Визернов насторожился.

— Ты сопровождаешь меня... Буду зарабатывать деньги.

— Деньги? — изумился Визернов. — Тебе что, не хватает денег?

— А откуда им браться? Папочка с мамочкой не удосужились позаботиться...

— А я? — перебил его Визернов. — Почему я ничего не знаю?

— Ну...

— Я спрашиваю: почему?

— Потому, что я не нуждаюсь. Да и тебе сперва нужно со своими делами разобраться. — Увидев недоумение на лице дяди, Димка рассмеялся: — Ладно, Шкипер. Хант мне все рассказал. Твои проблемы еще покуче моих.

Некоторое расстояние они шли молча. В окрестностях автопарка развернулась бойня между неформалами-анархистами и патрульным отрядом. Сделали крюк. Дорога (битое стекло, куски кирпича, древний тротуар) вывела их к огороженной баскетбольной площадке. Ватага полураздетых потных подростков, белых и чернокожих, носилась по полю, поскрипы-

вая кроссовками. Заметив Димку, от руконогожного хаоса отделился здоровенный бритоголовый метис. Ловко подхватив по пути бутылку с водой и порядочно отхлебнув, он приблизился к сетке ограждения.

— Здорово, Митька. — И, кивнув на Визернова: — Дядя?

— Он.

— Отлично, — метис широко улыбнулся, обнажив белые зубы. — Группа поддержки. — Поставил бутылку на упругое покрытие и сказал: — Опаздываем на тренировки?

— Неформалы бунтуют, — начал оправдываться Димка.

— Давно пора. А то скукота... Ладно. Быстро на площадку. Хоп, хоп!.. Эй, ребята! Митька вместо меня! Играем, играем! Эй, Ник! Ближе к кольцу! Тесни его, жми! Атакуй!

Димка перелез через сетку и спрыгнул уже на другой стороне. Метис присел на корточки возле Визернова.

— Хороший игрок, — похвалил он Димку. — Результативный.

Визернов буркнул, соглашаясь. Об этой стороне жизни племянника он и не догадывался...

Игроков, площадку, летающий оранжевый мяч — все вдруг заволочло пеленой. Визернов понял, что снова погружается в прошлое... Испания. Андалузский провинциальный городишко. Еще не закончилась золотая пора детства. Космическая Академия, нудные воляжи по внутренним трассам, опротивевший треугольник Луна—Венера—Марс, драка на Фобосе, потеря работы, больницы — все это впереди, за туманными рубежами грядущего. А сейчас — морской ветер, бе-

лоснежная пена и лазурь Средиземья, кривые древние улочки и футбол на пляже, горячие доски причала и корабль на рейде, фламенко и коррида, кино и мороженое, и снова футбол и песни под гитару, и стихи Лорки... Семья Визернова переехала из Минска в Испанию еще в конце прошлого века. Он родился уже на новом месте. И здесь, на Марсе, он вдруг четко осознал, что из всех пятидесяти лет его жизни смысл имели лишь те первые пятнадцать, что остальные — сон, неправильный чужой сон, непоправимая горькая ошибка, цена которой — бесцельное существование в этой загаженной, материально и духовно, виртуальной помойке. Он не задумываясь променял бы остаток жизни на право вернуться — в пространстве и времени — в тот прибрежный городишко к своим друзьям и всему, что он по-настоящему любил, и что теперь отгорожено жестокой реальностью...

— Эй! Все смотрите на меня! — Метис поднялся на лавочку у противоположного края. — Команда противника в сборе. Условия вы знаете. Победители получают штуку кредиток и надежную «крышу». Играем в стрит-бол. Я, Ник и Митька. Вопросов нет? Тогда поехали.

И шестеро ребят закружились под кольцом, застучал по настилу тяжелый мяч. Визернов заворуженно следил за поединком. Культура энерго-виртуального поколения. Цивилизация, выросшая на движущихся тротуарах под искусственным морщинистым небом.

...Пересчитав купюры, Димка сунул их в карман джинсов.

— А почему Хант зовет тебя Шкипером?

— Потом расскажу.

— Почему не сейчас?

— Длинная история.

— Да ладно тебе. Шкипер — это ведь связано с морем? А ты — бывший навигатор. Я прав?

— Частично.

На стоянке мобилей, мимо которой они проходили, взломщик расправлялся с кодовым замком белого «жука». Склонившись над магнитной платой, прилепившейся к дверце, увлеченно колдуя над проводками, он ничего вокруг не замечал. Визернов рванулся было, чтобы его остановить, но Димка помешал, схватив его за локоть.

— Спокойно, дядя. Оставь его.

— С какой стати?

— Небо! Ты ведь живешь в Каньоне. У этого парня наверняка есть либо кастет, либо «бабочка». А может, и похуже...

Похуже. Визернов понял, что кроется за этим словом. Кибернические навороты. Лазер за ухом или нож в пальце. Все, что угодно. Никогда не знаешь, чего ожидать от к-человека. Визернов не раз говорил Ханту: такие граждане опасны. Но... Но закон молчал. Закон на Марсе — это Клань. А Клань вполне довольны существующим порядком вещей. Пока Земля грызется с Альянсом Свободных Миров, они властвуют.

* * *

Тогда все еще было стабильным.

Земля и ее колонии. Четко. Просто. Ясно. Но дух бунта уже витал по космосу. Миры с завистью смотрели на Марс, где каждый жил, как хотел. Затем на-

рыв лопнул. Юпитер и Пояс Астероидов провозгласили суверенитет. К ним присоединился Сатурн. Начался период смутных войн, экономических блокад и прочих радостей. А Марс плевал на всех. Клань процветала на торговле оружием...

А Визернов лежал в светлой палате на Фобосе, перебинтованный и неподвижный. Четвертый месяц. «Скажи спасибо, — говорили доктора, — что еще жив». День выписки кинжалом врезался в память. Печальное лицо лечащего врача и сочувствующе-ободряющие улыбки персонала. «Вам придется остаться в нашей системе. Фобос, Деймос, Марс — выбирайте по вкусу» — «Надолго?» — «Боюсь, навсегда». — «Как навсегда? А лайнер? Моя работа?» — «Работу придется бросить. Перегрузки опасны для здоровья». — «Но мне надо вернуться на Землю!» — «Ничего не подделаешь. Космопорты отныне для вас закрыты...»

Перелет на Марс был для него последним.

...Ветер. Теплый, отдающий механистическим ароматом, как в метро. Визернов стоит на широкой железобетонной платформе. Вверх и вниз уходят блестящие конструкции, чуть в стороне, к краю площадки прилегают ограждения подъемника. Шуршит под ногами цементная пыль, повсюду валяются куски битого кирпича. И среди них — абсолютно чужеродный, неуместный здесь телеэкран с изображением Димки.

— Видишь меня, Шкипер? — спросило изображение.

— Да.

— Экран погаснет, когда мы стартуем. Понял?

Визернов кивнул.

— Теперь смотри прямо.

Визернов поднял голову. Строительной зоны, в которую он проник, рискуя здоровьем, с такой высоты не было видно. Зато открывалась панорама на добрую половину Каньона. По правую руку вращались винты силового перехода над космодромом, и воздух оглашался стартовым предупреждением. Река гравиплатформ текла, казалось, на Визернова, но, словно натыкаясь на невидимый барьер, раздваивалась и огибала площадку, едва не касаясь ее краями. Очень далеко, в нескольких километрах впереди, на мосту, соединяющем Западный и Восточный Обрывы, собралась кучка подростков. Димка был среди них.

Они бежали... Кросс за деньги.

Все мальчишки обожают пощекотать нервы. Лучшее из приключений для них — кросс. Гонки по движущимся платформам. Кто быстрее доберется до определенного пункта, перепрыгивая с одного клочка металла на другой, — тот победитель. Опасность в том, что грузовые потоки перемещаются с разной скоростью, и, перепрыгивая, надо не забывать про инерцию, тем более, что внизу — сотни метров бездны. Вдобавок — край трассы частично проходит над космодромом. Визернов пытался отговорить Димку от состязаний, но тот терпеливо объяснил, что отказываться нельзя — это еще опаснее, чем сама трасса.

Экран погас...

Две фигурки спринтеров, отделившись от моста, соскочили на металлическую полосу. Гонки начались. Визернов приблизился к самому краю и напряженно следил за происходящим.

Димка побеждал. Теперь Визернов различал его лицо: серьезное, по-взрослому сосредоточенное. Он

выбрал наиболее опасный участок, но и самый быстрый — его соперник безнадежно отставал. Визернов делал знаки: уйди с края. Но парень не замечал вокруг ничего, кроме трассы.

Он бежал красиво.

А в голове Визернова звучала музыка. Органные аккорды возносили его сознание к Деймосу и Фобосу, к звездам, к тем силам, что незримо управляли жизнью на человеческих мирах. Урбанистическая fuga, наполовину молитва, наполовину оберегающий код...

Только бы он не упал.

Только бы...

Но Димка все же упал. Стартующий корабль не подчиняется судьбе или чьей-то абстрактной воле. Он подчиняется расписанию.

Прежде всего и в первую очередь — *РАСПИСАНИЮ*.

Уловив сигнал предупреждения, платформа, по которой мчался принтер, вильнула в сторону, избегая столкновения с силовым полем. Димкино тело дернулось, его занесло. Секунду он пытался удержать равновесие, затем медленно, разметав руки, начал свой вертикальный полет на фоне огней делового сектора.

* * *

Визернов, скованный ужасом, наблюдал за этой сценой. Он стоял, пошатываясь, над бездной, в которую рухнул Димка. Парню повезло: в двадцати метрах под ним оказалась крыша старого вокзального здания. Теперь он лежал, скорчившись на гладком камне и стонал.

Тепловая волна обдала лицо Визернова, напомнив, что надо действовать. На негнущихся ногах он направился к подъемнику, который доставил его к основанию сооружения. Потребовалось еще минут двадцать, чтобы оказаться, наконец в районе происшествия, но здесь уже никого не было: четко среагировала Служба Слежения за Порядком, выслав спасательный бот. Визернов застыл с растерянным видом посреди улицы, потом сообразил, что необходимо связаться с Хантером — пусть он наведет справки через Сеть. Тут Визернов вспомнил, что его друг не имеет видеофона. Пришлось тащиться к зданию Информата и браться за клавиатуру.

— Хант?

— Да. Кто пользователь?

— Визернов. Из информата.

— Нашел Кечу?

— Нет. У меня новая проблема.

— Ну?

— Димка в больнице. В какой — не знаю.

На той стороне экрана случилась маленькая заминка. Затем:

— Где?

— Космодром.

— Ясно. Подожди.

Потянулось резиновое время. Визернов не отрывал глаз от курсора. Наконец тот сдвинулся с мертвой точки.

— Нашел. Запоминай.

И на экране возник адрес ближайшей поликлиники.

...Наивысшая степень автоматизации. Сюда доставляли тех, кто нуждался в быстром лечении. В

просторном светлом вестибюле у стен разместилось с десяток посетителей. Среди них был и Хантер. Визернов удивленно глядел на него, когда тот поднимался с жесткого пластикового кресла.

— Долго тебя носило, Шкипер.

— Час пик. А ты?

— Что я?

— Что ты тут делаешь? Бросил «Ретро»?

— Бросил.

— А клиенты?

— Плевал я на них.

— Ну и дурак.

— Спасибо, — бармен обиженно поджал губы, отвернулся.

— Ладно, — Визернов хлопнул его по плечу. — Не злись. Просто... Не знаю, как сказать. Вот ты, мой друг, единственный в городе, да и на всем Марсе, пожалуй, жертвуешь дневным заработком... Зря.

— Тебе-то откуда знать?

— Действительно...

— Каждый сходит с ума по-своему, верно?

— Верно.

— Тогда пошли... Он на втором этаже, 21-я палата.

Димка отделался переломом кисти и парой ссадин. Ему ввели инъекцию ускоренного сращивания и накачали обезболивающим. Когда Хантер и Визернов открыли дверь в палату, он как раз изучал предъявленный компьютером счет. Увидев гостей, мальчик улыбнулся.

— Со мной все в порядке.

— Здравствуй, паразит, — поприветствовал его бармен.

— Это твой последний кросс, — строго сказал Визернов. — Теперь я за тебя возьмусь.

Димка сделал страшные глаза.

— Наступают трудные времена?

— Именно.

— Сеть, надеюсь, не перекроешь?

— Посмотрим, — Визернов попытался принять грозный и решительный вид. Не получилось.

Димка прыснул со смеха.

— Нечего прикалываться над дядей, — вмешался Хантер. Затем и он не выдержал...

— Звякни моим предкам, — попросил Визернова Димка. — Пусть раскошеливаются.

— Хорошо. Давай номер.

Димка вытащил из кармана маркер и вывел на ладони Визернова ряд цифр. Визернов вышел в коридор. Он прекрасно понимал, что платить по счетам, как всегда, придется ему, но свои мысли вслух не высказал.

Отец Димки уставился на Визернова мутными глазами.

— В чем дело?

Слова он выговаривал с трудом. Чувствовалось, что уже успел обкурится каким-то дурманом.

— Димка в больнице.

— Ка-какой... Димка?

— Ваш с Ольгой сын.

— Так в чем дело? — повторился вопрос.

— В малом. Надо заплатить за лечение. Приехать не прошу — бесполезно просить. Слово «ответственность» для людей вроде вас — пустой звук.

— Денег нет, — категорично заявил отец Димки.
— А что у вас есть?! — Визернов почти кричал.
Спохватившись, он взял себя в руки. — Вот — сорвался, не выдержал.

Изображение обкуренного «интеллектуала» тупо взидало на собеседника.

Визернов отключился.

Отвернувшись от экрана, он лицом к лицу столкнулся с Хантером.

— Я помогу, — сказал бармен.

— Как?

— Очень просто. Сам заплачу.

— Но...

— Никаких «но». Для чего, по-твоему, существуют друзья?

— Псолушай, Хант, ты ведь знаешь, я вряд ли смогу вернуть долг в ближайшие дни.

— Брось. Сегодня ты в беде, завтра — я... Ничто не вечно под луной. Точнее — под лунами, — бармен улыбнулся.

«Вот, — подумал Визернов, — живешь рядом с человеком долгие годы, и в друг оказывается, что он — Человек. С большой буквы. Тот самый, которого искал с фонарем один греческий философ...»

Потом Хантер вернулся в «Ретро», а подземный экспресс доставил Визернова и Димку в лабиринты Западного Обрыва. Экс-навигатор окунулся в холодное величие мраморной пещеры пересадочной станции, шелест одежд и гомон сотен голосов.

Снова эскалатор. Визернов вспомнил происшествие и его передернуло.

Марс...

В димкиной квартире пусто и одиноко.

В шести просторных комнатах с автоосвещением почти отсутствуют признаки мебели. Стены разукрашены красными и зелеными пятнами. В коридоре Визернов споткнулся о раскрытый цветной журнал.

— Не обращай внимания, — бросил черerez плечо Димка.

Визернов замер у широченного, идеально прозрачного окна, выходящего на Эр-проспект. Напротив блистал стеклянными гранями Восточный Обрыв. Создавалась иллюзия, что он находится совсем рядом. Ручкой подать. Однако две стены Каньона разделяло десять километров сумасшедших пространств, именуемых Сити. Хотя они — лишь часть города. Добрая половина его скрыта в марсианской породе.

Визернов отошел от окна.

Димка сидел прямо на полу, на старых пожелтевших газетах, и смотрел в никуда. Матово блестел за его спиной экран компьютера, встроенного в стену. Рядом валялся виртуальный шлем. Визернов приблизился к нему и тронул ногой.

— Все играешь?

— Жизнь — игра, Шкипер. Читал статью...

— Нет, не читал, — перебил его Визернов. — И не называй меня больше Шкипером. Дядя — лучше звучит.

— Может — и лучше. Но Шкипер мне нравится.

Визернов сел рядом с ним на полу и, протянув руку, взял гитару, которая валялась тут же, неподалеку от шлема. Он подарил ее племяннику два года назад. И

все это время она была здесь, покрылась толстым слоем пыли. Визернов обтер пыль газетным листом, прикоснулся к струнам.

Димка перевел взгляд на гитару. Визернов протянул ему инструмент:

— Сообрази что-нибудь.

Димка беспомощно улыбнулся:

— Я не умею.

— Не умеешь? Ведь два года...

— Да, да, да... Два года. Но у меня полно других дел.

Визернов отложил гитару и встал.

— Ты куда? — спросил Димка.

— У меня тоже есть дела, — буркнул Визернов. — Не могу же я вечно возиться с тобой. Надевай свой шлем и — вперед! — к примитивным аркадкам и стратегиям.

— Я играю только на деньги.

Эти слова настигли Визернова уже в коридоре, но он не остановился. Внутри вскипела злость. Димка — потерянный человек. Все они — потерянные люди. Деньги, игра — вот ценности, идеалы, всяческие «прищочки», прогресс бьет ключом и... пустота. Колоссальная душевная пустота. Мир, совершающий кросс. Куда бегут? И зачем? Что будет за чертой финиша? Абсолютная, ужасающая бездна. Киллер спокойно достает оружие и убивает беззащитную жертву в центре города. Ему заплатили. Капля крови... Подросток рискует жизнью на гравиаплатформах. Ему заплатили.

Стоп. Так нельзя. Ведь Димка не виноват — он еще ничего не понимает, совсем ничего. Жизнь для него — игра. Но ведь он еще совсем ребенок. Дети

одинаковы. Вселенная для них — сплошной полигон для развлечений. А взрослые? Чего хотят они, к чему стремятся, что для них — смысл? Но два года... Целых два года! Неужели гитара не стоит того, чтобы взять ее в руки?.. Вероятно, на Марсе — нет. Современная техника позволяет синтезировать любой звук. Так, наверно, вымерли театры. На земле они еще существуют, здесь — уже нет.

Визернов вдруг обнаружил себя в длинном, очень длинном тоннеле на плавно текущем тротуаре. Впереди — цепочка пестро одетых горожан, молчаливых и деловых. В воздухе плыло изображение симпатичной дикторши с безупречной стильной прической.

— В очередной раз хакеты справились с охраняемыми файлами Кланового Банка, — говорила она. — Виртуальная война не прекращается ни на секунду. Возникает вопрос: могут ли вкладчики доверять Кланам свои сбережения? Да, могут, отвечает эксперт по информационной защите Клайв Заннер. Ему — слово...

Из тончайших световых нитей сплелось лицо человека с грузинским носом и глубоко посаженными черными глазами. Клайв Заннер. Странное имя для кавказца.

— Мы разрабатываем новую сторожевую систему, — заявил эксперт. — Принципиально новую. Наша програма — живая.

— То есть как — живая? — удивилась дикторша.

— Она разумна. Обладает полноценным автономным интеллектом. Отныне сознание воров будет беспощадно уничтожаться. Програма сотрет VR-взломушников.

— Но ведь это равносильно смертной казни.

— Совершенно правильно. Как встарь.

— Спасибо за интервью, гражданин Заннер, — ослепительно улыбнулась дикторша.

Эксперт исчез.

— Сегодня произошло также еще одно событие, вплотную принаикающее к первому, — продолжала девушка. — Несколько часов назад возле бара «Ретро» на пешеходной арке был убит известный в Сети хакер Кача, причастный по подозрению патруля к взлому ЦКВ. К сожалению, не удалось узнать имен заказчиков — убийца оказался киборгом и самоликвидировался.

«Да, — подумал Визернов, — судьба круто с нами забавляется».

— ...А теперь внешнепланетные новости. На Юпитере завершились испытания...

— Бред это все, — сказал хриплым голосом небритый мужчина рядом.

— Что — бред? — спросил Визернов.

— Версии патрульных. Слышали о них?

— Нет.

— Говорят, что Качу убрали, как свидетеля. Клан Рыси давно охотился за ним. Вот и добрались.

«Конечно, — подумал Визернов. — Последняя ниточка рассыпалась в прах». Тротуар мчал его куда-то, как и сотни молчаливых марсиан. «Я здесь чужой... А может — нет?.. Есть ли смысл в их жизни? Отдают ли они себе отчет о том — зечем едут по этому тоннелю в сердце Западного Обрыва, Каньон Сити... Марс?..»

Визернов объехал по кольцевой трассе полный круг.

...вечером он сидел на краю пропасти, свесив ноги

в пустоту, и перебирал струны. Прозрачное, с автоматическим затемнением окно, прочное до пуленепробиваемости, бесшумно вдвинулось в стенные пазы, и вечный механический ветер загулял по квартире, зешелестел глянцевыми страницами журналов.

Визернов вдыхал запахи города. Вновь возникла силовая колонна, и корабль взлетел в потемневшее, мрачное небо...

— Я знаю про Качу, — сказал Димка, присаживаясь рядом. — Крупная неприятность.

Визернов, наигрывал старый андалузский мотив. Звуковые переливы ласкали его слух, успокаивая нервы.

— Земное? — Спросил Димка.

— Да.

Два его таланта, два пути — навигация и гитара. Как космонавт — он никого не интересуется. Остается второй путь — второй и единственный.

Он из Китайского моря
привез в свое сердце рыбку...

Музыка.

Она в крови...

Порою она бороздит
глубины его зрачков...*

* * *

На самой окраине города, внутри заброшенного завода располагался клуб «Крэйзи». Именно сюда стека-

---

* Стихи Ф.Г. Лорки (прим.. автора).

лась по вечерам молодежь со всего Каньона. Обширное полутемное пространство нижнего танцпола озабралось вспышками и вертящимися водоворотами, пронзалось лучами и разноцветными кольцами. Вспышки выхватывали танцующие тела, лица, причудливые прически... Основная масса парней и девчонок была в легкой флюоресцирующей одежде. Музыка доносилась отовсюду, смывая сознание волнами экзотических звуков и подгоняя бешеным ритмом. В моду снова вошли Рейв и психодалика. Завтра, возможно, будут отрываться под Моцарта в современной обработке, джаз или монгольские барабаны, но сейчас, в данный компьютерный момент, царил Рейв. Популярность в «Крейзи», да и во всем Каньоне недолговечна. Она измеряется днями. Упадочная марсианская культура не создала ничего нового, а лишь вспоминала давно канувшее в Лету и обрабатывала его на свой вкус. Эпоха ремиксов и квазиретроградства. Не это ли — финиш, тихая заводь, которая медленно зарастает ряской.

Высоко над толпой, в кругах небесно-голубого сияния парила овальная платформа. Ди-джей восседал в готического вида кресле, опутанный проводами, в шлеме, и через VR строил композицию. Его пульс, биение его сердца — все играло роль. А специальная нанятая команда, стильно одетая, профессионально двигалась и заводила публику.

— А ну — давай, давай, давай!..

Визернов с гитарой за спиной поднимался по спиральной лестнице, опоясывающей танцпол. Он преодолел уже значительное расстояние и поравнялся с платформой. Девушка, одна из танцовщиц, запела, и ее голос, многократно усиленный, прокатился высокими нотами под сводами бывшего завода.

— Двигай телом!

Толпа зашевелилась активней. Визернов продолжал подъем. Тема вдруг начала стихать и оборвалась. Зал затих в ожидании.

— С нами ди-джей Макс! — рявкнул кто-то.

Зал засвистел и зааплодировал.

Макс снял с головы шлем и улыбнулся аудитории. Он был их кумиром, их жизнью, их стимулятором.

— Пауза, — сказал он. — И конкурс. Я уверен, среди вас есть множество талантов...

Зал заревел.

— Я слышу, — он снова улыбнулся. — «Крайзи» ищет таланты. Здесь, незримо, рядом с нами присутствует хозяин клуба, организатор сегодняшнего веселья, бог и отличный парень — Клайв Заннер!

На экранах, сеткой покрывавших свод, родился эксперт по инфозащите, один из акционеров ЦКБ.

— Победитель, — говорил Макс, — получит приз от него.

— И, — добавил Заннер, — может быть, станет членом команды клуба.

Публика изумленно молчала.

— Кто первый? — вопрос бомбой разорвался в пространстве.

— Я, — сказал Визернов.

— Вот он, смельчак! — заорал Макс и направился вместе с платформой к Визернову. — Свет сюда!.. Переходи к нам, дружище.

Визернов с опаской ступил на платформу. Но она даже не покачнулась.

— Смелее! — подбадривал ди-джей. — Как тебя зовут?

— Для друзей — Шкипер.

— Поприветствуем Шкипера!

Раздались жиденские аплодисменты. Макс обратился к Визернову:

— Здесь первоклассный звук, лучшая в Каньоне аппаратура. Спасибо Клайву Заннеру!

Гром аваций, визг.

— На чем будешь играть? — осведомился Макс.

— На гитаре, — ответил Визернов.

— На чем?.. — не понял ди-джей. — На этой штуке?

— Да.

— Интересно... Прошу. Уступаю свое место.

— Спасибо. Я постою.

На лице ди-джея выразилось недоумение:

— Тебе что — не нужна обработка? Сопровождение ударников? Синтез?

— Нет.

— Как угодно... С нами — Шкипер!

Вновь жиденские хлопки.

Визернов заиграл. Он спел «Песню о друге» и «Балладу о любви» (Высоцкий), но аудитория не реагировала. «Машина времени» не трогала их. Он сам едва не плакал, вспоминая давно забытого Окуджаву, но в глазах рейгеров была пустота. Не во всех, конечно...

— Хватит, — шепнул Макс. — Достаточно.

И звуки оборвались.

— Это не помнят, — сказал Макс. — Приходи в другой раз... Как-нибудь потом.

— Да, — тупо повторил Визернов. — В другой раз.

Если вы...

На улицах праздник. Кружатся в безумной пляске дервиши. Играют флейты. С неба сыплется мишура. Поток арабов, выкрикивающих что-то на ферон, разодетых в традиционные халаты, увлек Визернова прочь от клуба в бурлящие, неистовые восточные кварталы к торговцам и ремесленникам...

...Собираетесь...

...чеканщикам и анашистам, заунывным песням муллы и турецким баням... Мимо проплыли курильщики кальяна, рассеявшиеся на коврах, гончар с расписанными эмалью кувшинами...

...Подключиться к Сети...

Барабаны. Бейте в барабаны, выходцы из Алжира.

...Обращайтесь...

Визирнова вынесло на площадь. Толпа дервишей скрылась в грязных переулках, а Визернов остался посреди пестроты ярусом и горизонталей...

...В «Хайтек-Джамаян».

Визирнов тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Рекламу вгоняли в мозг, воздействуя на скрытые центры подсознания.

Его тронули за плечо.

Обернувшись, Визернов заметил стул, деревянный, с резной спинкой, а рядом — Хантера.

— Здорово, Шкип.

— Я провалился, — сообщил Визернов.

— Естественно. Попробуй опять.

— Когда?

— Сейчас.

— Где?

— Здесь.

Визернов сел. Трогул струны, взял пару аккордов. Некоторые люди останавливались, с любопытством глядя на него. И тогда Визернов начал...

Повесил свой сюртук
на спинку стула музыкант...

Их одежда — все цвета радуги. Они — русские, китайцы, талибы... Но они собрались, их было много...

А Визернов пел.

Он вдруг заметил: слушатели опускаются на плиты, а кое-кто уже тихо подпевает... Мелькнуло лицо Димки... Площадь незаметно заполнялась народом. Марс, как обычно, в своем стиле бежал извечный кросс, проносились электроны в Сети, шелестели движущиеся тротуары, все перемещалось и перемешивалось, подобно бактериям под микроскопом, подобно мыслям в голове сумасшедшего, а Визернов пел, и его слушали, и не было ничего, кроме этого момента.

* * *

Ди-джей Макс возник, как черт из шкатулки.

Он мельтешил перед носом, размахивал руками, усмехался и что-то упорно доказывал. Визернов недоуменно смотрел на него. Электричка, не спеша, ползла в толще Западного Обрыва в ста метрах над дном Каньон-Сити. За овалами окон — городские огни.

— Отличное представление! — настаивал Макс. — Вот контракт...

— Вы предлагаете мне контракт? — сообразил наконец Визернов.

— Вот именно!

— Я согласен.

— Отлично, — ди-джей разложил лист с текстом договора на пластиковой скамье. — Ознакомьтесь и подписывайте.

Визернов, не читая, расписался.

— Превосходно, — просиял Макс. — До встречи. Мы найдем вас.

Он вышел на следующей остановке.

* * *

Когда Визернов опускался на эскалаторе, стоявший грек, сверкнув контактной линзой, всадил ему в бок острый и гладкий стержень. Затем с легким шелестом стержень втянулся в ладонь киллера.

«Феофил, — с укоризной шепнул голос в ухе убийцы. — Это не тот. Посмотри хорошенько».

«Клиент опоздал».

«Он на соседней арке».

«Придется доплатить».

«По рукам».

Грек незаметно затерялся в толпе.

МАРСИАНСКИЙ ТУРНИР

В тот день хлопьями валил снег. Окраинные метеостанции накрыли город энергетической завесой, и снежинки, так и не долетев до мостовой, таяли. Народ толпился на улицах у громадных экранов интерактивного телевидения. Зрелищная корпорация транслировала решающую схватку за звание чемпиона мира по боксу. Люди ставили последние деньги на своего бойца, как на скачках, и порой раздавался дружный рев тысяч глоток, когда кто-то кого-то отправлял в нокдаун или просто наносил сильный удар.

Вадим Нестеренко лучше всех знал, что мир конца XXI века делится на две основные категории людей: тех, кто сражается за титул, деньги и славу, и тех, кто делает ставки, наживая при этом состояние, либо спуская все до копейки. Их разделяет экран. Существует, правда, и третья категория: боссы зрелищной корпорации, частные устроители — в общем, те, кто все организует и в итоге срывают банк. Отдельных отщепенцев, которых вообще не интересовала современная культура, Вадим не брал в расчет. Сам он относился к первым. Нет, наверно, на Земле любителя шахмат, не знавшего Нестеренко. Гроссмейстер космического класса, основной претендент на корону, неоднократный победитель Лунного и Орбитального турниров... Лучший из лучших.

Вадим думая обо всем этом, читая и перечитывая бумагу, присланную по почте — официальное приглашение в Порт-Арес, столицу Марса, на престижную межпланетную «разборку». В кресле напротив, счас-

тливо улыбаясь, сидел Барри Сандерс — тренер и финансовый агент Нестеренко.

— Это твой шанс, Вадик, — сказал Барри. — Шанс достать ВХ—218.

— Он примет участие?

— Наивный вопрос. Естественно.

ВХ—218 — компьютерная программа, шахматный король Солнечной системы. Вадим долгие годы готовился к свержению этой твердыни.

— Знаю, знаю, — говорил тренер. — Ты не выносишь дальних перелетов...

— Особенно космических, — подчеркнул гроссмейстер.

— Но я помогу тебе... Армия психологов к твоим услугам.

— Ерунда, — раздраженно отмахнулся Вадим. — Я к ним уже обращался.

— Попробуй еще.

— Не хочу.

— Не хочешь?!

— Да, не хочу зря тратить время. Лучше уделить его игре и анализу.

— Золотые слова. Но Марс...

— Придумай что-нибудь.

— Ладно, попытаюсь.

Барри поднялся с кресла, прошелся по комнате. Затем, щелкнув пальцами, выбежал в прихожую. Вадим знал, что тренер сейчас начнет обзванивать через видефон знакомых специалистов — советоваться, искать выход. Гроссмейстер не отвлекается на подобные мелочи, поэтому Вадим углубился в изучение партий старых чемпионов. На красной планете соберутся наивысшие рейтинги, к этому надо быть готовым.

Барри сиял, протягивая Вадиму две дугообразные штучки неясного назначения.

— Это еще что? — недоверчиво сморщился гроссмейстер.

— Поднеси к оправе, Вадик, — сказал Барри. — Они намагничены.

Шахматист приблизил странные вещицы к очкам, и те надежно прилипли к золотой оправе. Для Вадима ничего не изменилось, за исключением того, что надев новейший виртуальный симулятор, он абсолютно перестал ощущать внешний мир. Ему казалось, что он спорит со своим тренером, в то время как последний, при помощи робота-коридорного, вытаскивал из номера бесчувственное тело. Даже, когда Барри заталкивал его в такси, Вадим ясно видел расставленную на доске позицию из классической партии Каспаров — Дип Блю. Во время посадки на межпланетный лайнер Вадим ужинал, а в течение всего полета, попросту спал. Встроенные в симулятор механизмы — чудо микроэлектроники — воздействовали на нервную систему и, посредством лазерного луча, через сетчатку глаза — прямо на головной мозг.

Ровно через неделю после старта корабль вышел на орбиту Марса. Спящего в VR-режиме гроссмейстера перенесли на шаттл, который вскоре совершил посадку недалеко от Порт-Ареса. Только тогда Барри снял дужки симулятора. Вадим испуганно и удивленно осмотрелся, затем вдруг вскочил, подбежал к тренеру и схватил его за шиворот.

— Где я?

— Успокойся, ради Бога. Ты — на Марсе.

Глаза Вадима округлились.

— Уже?! — выдохнул он.

— Да, уже. Благодаря моим знакомствам. Не спрашивай, как я это сделал — тебе еще лететь назад.

— Ладно, — Вадим расслабился. — Что дальше?

— Надевай скафандр.

Видимая часть Порт-Ареса, накрытая стеклопластиковым куполом, располагалась у подножия Олимпина — самой высокой горы в Солнечной системе. В толще горной породы прорублены коридоры, лестница, квартиры, шахты лифтов, залы — Верхний Город. Там же помещался номер, выделенный муниципалитетом Сандерсу и Нестеренко.

— Слушай внимательно, — говорил Барри, когда они миновали шлюзовые ворота и избавились от тесных скафандров. — В фонд турнира поступило множество ставок. И это, судя по всему, только начало. Думаю, ты сорвешь неплохой процент, если уделаешь ВХ—218.

— Если, — мрачно буркнул Вадим.

— Я в тебя верю.

Они встали на движущуюся ленту.

— Запомни вот что, — продолжал тренер. — Симонян плохо играет сицилианку. Декстер слаб в эндшпиле. Заневский не умеет реализовывать позиционный перевес... Прочих ты покосишь и без моих советов.

Вадим чувствовал себя поразительно легко в условиях малой марсианской гравитации. Конечно, внутри города ее максимально приблизили к земному стандарту, но абсолюта достичь не смогли — техника пока

не всеильна. Вадим понял, что играть здесь в настольный теннис — для разрядки — нереально и поэтому ежедневно выходил на прогулки, игнорируя лифты и другие быстрые средства передвижения.

Устроители справились с организацией на редкость быстро. Пышная церемония торжественного открытия, «краткая» речь мэра, интервью с участниками — обычный набор. Все это давно приелось Вадиму. Порхающие камеры, микрофоны на дистанционном управлении, назойливые корреспонденты...

— Вадим, как оцениваете свои возможности?

— Сможете добраться до финала?

— Говорят, Декстер слаб в эндшпиле. Воспользуетесь?

— Видно будет.

— Что думаете о ВХ—218? Может Человек ее победить?

— Если постарается.

— Какую тактику будете использовать? Медленную «душиловку» или острую комбинационную игру?

— Не знаю, — честно признался гроссмейстер.

Турнир проходил по олимпийской системе. В результате жеребьевки в первом же туре соперником Вадима оказался Симонян. Две партии, обычное ограничение времени. Шахматистов развели по герметичным звуконепроницаемым капсулам. В каждой находилась доска с расставленными фигурами, дисплей компьютера и клавиатура.

Вадиму достался черный цвет. В углу экрана пошел отсчет миллисекунд.

Противник сделал первый ход: e4.

Последовал ответ: c5.

И далее — развернул свой хвост вариант «дракона», застучала копытами конница... Все-таки удалось навязать сицилианку. На десятом ходу, когда развитие устремилось по наездженной калее, белые, уклонившись от теории, начали экспериментировать. Вадим целый час ломал галову над «хитроумным замыслом» прежде чем «въехал»: соперник мутит воду, успешно загоняя его в цейтнот. Тогда Вадим повел атаку. Жертвуя направо и налево, оплел белого короля матовыми сетями. И, как награда, высветилась надпись: СДАЮСЬ.

* * *

— Великолепно! — восклицал Барри. — Потрясающе! Ты — в финале. — Впрочем, — добавил он несколько минут спустя. — Я ничего другого от тебя и не ждал.

Вадим усмехнулся. Да, тренер умел говорить комплименты когда следует.

В последние дни Сандерс буквально не отходил от видеофона, проясняя сложившуюся ситуацию. Перед решающей схваткой процентные ставки били примерно одинаковыми: половина фанатов болела за ВХ—218 и столько же — за Нестеренко. Устроители умыли руки, ясно дав понять Барри, что им без разницы, кто завоюет чимпионский титул. Обычно случалось наоборот. Законы интерактивного зрелищного бизнеса жестоки: тот, на кого ставит большинство, неизменно обязан проигрывать. К нему приходят гости, ласково беседуют, предлагают «отцепные». Немногие

дураки, нарушившие данный неписанный закон, пополняют списки жертв несчастных случаев.

В этом турнире повезло. Вадим мог бороться, ничего не опасаясь. Правда, накануне финального поединка фирма, изготовившая VX—218, подослала киллера, но он был схвачен и обезврежен службой безопасности.

* * *

Началось. Миллиарды глаз на Земле, Луне, Меркурии и других населенных мирах следили за напряженным лицом гроссмейстера — Человека и корпусом компьютера, куда заложили программу VX—218. На экране (спасибо функции «картинка в картинке») их обоих можно было видеть одновременно. На 64-клеточном поле разворачивалась гамбитная баталия. Когда-нибудь историки назовут ее партией века или «второй бессмертной» — как кому нравится.

Отпущенное время, позиция на доске — все отображалось телевидением.

С трудом Вадиму удалось добиться пространственного перевеса. Жестокое противостояние длилось уже три часа. Оно плавно перешло из дебюта в миттельшпиль. Компьютер производил миллионы операций в секунду, мгновенно перебрасывал фигуры в опасные зоны, не пропускал ни единой ловушки. Что ж, приходится снять шляпу перед мастерством кибернетиков.

Когда до победы оставались считанные ходы, в капсулу со страшным перекошенным лицом ворвался Барри. Пальцы Вадима застыли над клавиатурой, он удивленно воззрился на тренера.

— Что происходит?

— Лучше не спрашивай. Братья Николаевы исчезли.

— А я здесь причем? Кто они такие, эти...

— Устроители.

— Как, устроители?..

— Вот так.

— С-с-бежали...

— Да не делай глупые глаза. То, что братья сбежали — полбеда. Они сбежали со всеми деньгами. Их кораблик, стартовал сегодня утром с частного космодрома в пустыне. Они успели перебраться туда за ночь на пескоходе.

— Меня не интересуют детали!.. Их нашли?

— Нет, конечно. Космические просторы слишком велики. След протянулся к Юпитеру, но ведь направление можно изменить.

Они выбежали из капсулы. На улицах царило смятение. За стенами купола в облаках пыли взлетали полицейские катера и киберзонды. Трансляция прервалась.

ВХ—218 ждала хода Человека. Не дождалась.

ЧАШКА

Кокон соткался сразу после того, как Игорь обнаружил артефакт — причудливой формы предмет, отдаленно напоминающий сердце с тремя отростками-обрубками: длинной по десять сантиметров каждый. Его бы — в баночку с физраствором, в кабинет преподавателя анатомии. Артефакт мог быть, чем угодно. Например, бомбой. Или произведением инопланетного искусства. В пользу первого предположения говорила необычная топология. В пользу второго — белый цвет, как у фарфоровых статуэток. Впрочем, эстетическая ценность этой штуки Игоря не волновала. Гораздо важнее другое — представляет ли она опасность для Земли?..

Кокон — автоматическая квазиразумная формация. Он сам решает, когда активироваться. Это происходит всегда — при фиксации неизвестного (не содержащегося в памяти) объекта.

Игорь смотрел, как слой за слоем вокруг него наращивается многоцветная сфера, отгораживая Вселенную, прерывая все контакты на неопределенно долгий срок. Силовое поле. Антиментальное поле. Антигравитационное. Антирадиационное... Огнеупорное...

В случае чего, пострадает только один человек — Игорь.

— Вы попали в зону безопасности, — сообщил приятный женский голос. — С вами говорит блокиратор модели С—3001...

— Знаю, знаю, — перебил Игорь. И мысленно выругался. — Что теперь?

— Исследование, — спокойно продолжал голос. — Выявление природы..

— Сколько это займет времени?

— Как получится.

Такое бывает. По статистике каждый четвертый разведчик сталкивается с подобной ситуацией. Двести лет назад это случалось чаще. Космос велик и враждебен. Поэтому Земля не имеет права рисковать. Лучше пожертвовать одним разведчиком, чем целой расой. «Ведь наткнуться вы можете на что угодно, — говорили им в Академии. — Враждебные формы жизни, вирусы, бактерии, неизвестное оружие, мина замедленного действия...» Да. Классический случай на Румбе: Виктор Кныш своим теплом привел в действие механизм «куколки» реликтового хищника, которая выстрелила в разведчика спорой... Итог — опустошенная колония на Тритоне, последующая стерилизация планеты. Вот и создали блокираторы — изолирующие самодостаточные системы, синтезирующие всё — от воздуха, воды и пищи до сложных инструментов и устройств, наделенные функцией самостоятельно принимать решения. Хитрая технология. Живая электронно-полевая структура. Мозг блокиратора был вшит в одежду Игоря — пленочный скафандр-симбионт. Если объект уничтожит разведчика — блокиратор превращается в вечную тюрьму, питающуюся гетермальской энергией, солнцем, ветром — чем угодно.

— Химико-биологический анализ? — спросил Игорь.

— Да.

— Сколько?

— Сканирование уже проведено. Пробы взяты. Час, не больше. Это — стандартная процедура.

Блокиратор соорудил для Игоря диван, журнальный столик, чашку кофе и бутерброд с сыром. Все синтезированное, но на вид, вкус и запах — как настоящее. Игорь пил кофе и вспоминал. Как он высадился на этой планете после долгого, в сорок световых лет, полета. Корабль остался на орбите под надежной опекой Иск-Ина. Город нашелся почти сразу — единственный сохранившийся в этом мире город, построенный на плавучем острове. Своеобразный растительный дебрикадер. Целые архипелаги подобных островков дрейфовали в устойчивых, закольцованных течениях, направленных параллельно экватору, против оси вращения. И движущихся с разными скоростями. С помощью бортового компьютера можно предсказать, когда на горизонте нарисуются ближайшие соседи — Бублик и Скала (похожий на шайбу остров из пористой пемзы, на котором гнездятся стаи птиц). Но город был только здесь — на Атолле Матюшенко. Постройки — ажурные, словно свитые из неизвестного квазиорганического материала. Очень легкие и прочные. Устойчивые к жестоким местным штормам. Игорь поднялся на шестой ярус центральной башни по крутым ступенькам спиральной лестницы, опоясывающей башню по внешней стороне. Ярус — круглая площадка, открытая всем ветрам. Никакого стекла, пластика, силового поля. Только закрученные, наподобие косичек, колонны, поддерживающие высоко над головой седьмой по счету этаж. К ним же крепилась (или прирастала?) лестница. Отсюда открывался прекрасный вид на бескрай-

ность океана, и Игорь не сразу заметил мебель. «Мебель» состояла из плоской столешницы овальной формы на кривой деревянной ножке, укоренившейся в полу. Похожа на идеальную цивилизацию восточного типа. Игорь так бы ее и классифицировал, если бы не следы разумной деятельности в околопланетном пространстве. Типичный космический мусор. Похоже, жители этого мира, освоив ближний космос несколько столетий назад, совершили резкий технологический рывок и покинули его. Вот только где прочие города? Неужели вся цивилизация была сосредоточена на Атолле? Бред какой-то...

Да, бред. Полное отсутствие ресурсов — металлов, нефти, газа, радиоактивных элементов... Они просто не могли продвинуться в своем развитии дальше первобытного общества. Да и островная изоляция не идет на пользу.

Потом Игорь увидел объект.

И сразу, мгновенно сработал блокиратор.

— Предварительный анализ закончен.

— Ну? — Игорь отставил пустую чашку. Журнальный столик исчез.

— Я все еще затрудняюсь определить природу объекта, — голос блокиратора стал задумчивым. — Обстоятельства вынуждают меня приступить ко второй стадии исследования.

— Приступай, — уныло буркнул Игорь. — Есть новости с орбиты?

— Есть. Иск-Ин выловил пять фрагментов космического мусора. Пробы взяты на разной высоте. Вывод: мусор не принадлежит местной расе.

— А кому он принадлежит?

— Возраст фрагментов — пятьдесят земных лет. Это разбитый метеоритом киберзонд, посланный Девятой трансплутоновой станцией. Точнее, его остатки.

— Ладно, допустим. В таком случае, куда делись местные?

— Пока не знаю.

— Еще новости?

— Робот нашел скелет негуманоида. Ведется восстановление ДНК. Его строение гораздо сложнее, чем у людей.

— Значит, негуманоиды... — задумчиво проговорил Игорь. Естественно. А чего ты ожидал? До сих пор не найдено ни одной человекоподобной расы. Ноль контактов. Там же, где роботы откапывают «мощи» — настоящие чудеса природы. На разных мирах эволюция извращается по-разному...

Стенки тюрьмы абсолютно прозрачны. Игорь смотрит на сочную зелень острова, а затем вдаль — туда, где чернеет на границе воды и неба точка приближающейся Скалы.

Игорь запросил бортовой архив — в нем хранились старые записи, выданные киберзондом пятьдесят лет назад. Он просмотрел их — виды отдельных островов, подводные панорамы (зонд ошибочно искал разумную жизнь в океане), но это ничего не дало. Только один город. И полное отсутствие населения.

— Где нашли скелет? — спросил Игорь.

— В южном полушарии. На острове Крюк.

Игорь вспомнил этот остров — похожую на запятую или ноготь закорючку.

— Там есть население?

— Нет.

— Тогда что он там забыл?! И как туда попал?

— Неизвестно.

Игорь начал злиться. Местные не строили кораблей. Если бы строили — городов было бы больше. Не было у них и самолетов — из чего их делать? Тогда как?..

Сутки на планете соответствовали земному стандарту. Вечером блокиратор синтезировал для Игоря ужин, подобие ванной комнаты и кровать.

Потянулись однообразные дни. Игорь от нечего делать крутил голографические фильмы из бортового архива, погружался в виртуальные миры блокиратора, общаясь с «душами» друзей и близких, выслушивал его отчеты о реконструкции чужого генома, долгими, словно застывшими утренними часами медитировал, впитывая в себя океан, небо и солнце, так похожее на земное...

Через три недели геном был восстановлен.

— Покажи мне его, — попросил Игорь.

В воздухе соткался образ чужого невообразимого, смахивающего не то на богомола, не то на саранчу существа без крыльев, с длинными ходульными конечностями.

— Он жив?

— Рядом с чужим сформировалась объемная картина ДНК — слишком сложная для человека. Невероятно сложная.

— Нет. Структура мозга не поддается пониманию Иск-Ина. Она топологична.

— Топологична?

— Нечто подобное фракталу. Замкнутому на Вселенную.

— Объясни.

— Мозг представителя местной расы составляет единое целое со Вселенной. Он включает в себя и галактики, и звезды, и нас. Такое существо способно путешествовать — куда угодно. Мгновенно перемещаться в любую точку пространства-времени.

— Такой индивид теоретически бессмертен, — понял Игорь. Так вот почему они не строили кораблей и звездолетов!

— И практически — тоже. Но они ушли. И, вероятно, трансформировались в субстанцию иного порядка.

— Это невозможно. Они сами — Вселенная. Что может быть выше?

Блокиратор не ответил.

— Ты не знаешь?

— У тебя сложилось неверное понимание, разведчик. Они замкнуты на Вселенную, являются ее частью — да. Но не обладают *цельностью*. Это не конечная божественность, как ты подумал. Просто топология.

— Ты сказал — они. Новая волна понимания... Но ведь найдено только одно существо. Он был один. Всего один. Потому и город — один... Один.

Игорь зашагал по площадке шестого яруса — туда-обратно, туда-обратно...

— Он был один... Он есть один. *Он един.*

Блокиратор молчал.

— Скажи, — Игорь остановился. — Ты познал наш объект?

Пауза.

— Более или менее. Это энергетическая ловушка для плазмы. Сейчас она пуста. Приблизительная датировка — три миллиарда лет...

— Возраст этой штуки — три миллиарда? — не поверил Игорь.

— Правильно.

— Что это?

— Сосуд. Обрати внимание на пищеварительную систему и метаболизм существа. Оно питалось плазмой.

Игорь подошел к столу и внимательно взгляделся в объект.

— Это... вроде кружки... или чашки... да?

— Да, разведчик.

— Тогда для чего три отростка?

— Это же очевидно. У него было три рта.

Игорь истерично расхохотался. И, когда кокон блокиратора распался, подчиняясь заложенной программе, — подставил лицо свежему бризу.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Шпиль, сверкая, вздымался над реками и лесами, полями и степью. Там, в последнем пристанище, уединилось божество. Лэйя шел к нему за крупницей знания. Да, жрецы говорили, что Великий покинул Землю, и теперь его дух витает в иных вселенных. Лэйя не верил. Покинув племя и запеленговав Шпиль (именуемый некоторыми Менгиром), он взял на него курс. Шесть недель Вопрошающий скитался по древним руинам среди ржавых покосившихся конструкций и морей битого стекла, превратившегося в сыпучую крошку. Затем, перевалив через гряду холмов, Лэйя оказался на краю безбрежной степи, сухой, трескучей, поросшей ароматными травами. Солнце наливалось закатной краснотой, когда он встретил дикого кочевника. Тюрк гарцевал на приземистом коне, высокомерно поглядывая на путника. Лэйя остановился.

— Что тебе? — спросил он.

— Меня зовут Исхам-бек! — рявкнул тот на ломаном евразе. — Ты тэпэр мой раб.

Кочевник был одет в пыльную кожаную куртку, несмотря на жару, и держал в правой руке охотничью двустволку. Узкие глаза оценивающе сверлили неуклюжую фигуру Лэйя в серебристо-сером до пят балахоне Вопрошающего.

— Скачи дальше, — посоветовал Лэйя.

Исхам-бек угрожающе поднял ружье. Тогда Лэйя ударил его биоволной из вживленного в мозг передатчика. Тюрк вылетел из седла, грохнулся о землю и остался неподвижно лежать. Испуганный конь унесся прочь. Когда Исхам-бек очнулся и открыл глаза, то

увидел над собой лицо — спокойное, тронутое едва заметной улыбкой. Тюрк сел и мотнул головой. Лицо сместилось, губы на нем ожили:

— Цел?

— Цел.

— Ну, бывай.

И Вопрошающий двинулся дальше. Исхам-бек нащупал было в траве двустволку, но передумал. Глупо теперь...

Через пару километров Лэйя услышал стук копыт. Рядом возник недавний знакомый и пустил коня шагом.

— Куда идош?

Лэйя вытянул руку в сторону Шпиля.

— Зачэм?

— За информацией.

— Я с тобой. Садыс. Быстрэй доберэмся.

Они скакали по степи, и ветер играл с серебристым балахоном. Простор и свобода дышали в лицо, наваливались извечным, голубым и безоблачным небом. Религия кочевников. Лэйя оценил и осознал ее. Но теперь оба они стремились окунуться в иной поток — информационный. Не сговариваясь, будто всегда были знакомы, словно не существовало расового и менталитетного барьеров...

Девять дней и ночей двигались они, встречая расцветы в седле. Менгир уже вздымался высоко над миром, и солнце изламывалось в его гранях.

— Хэй! — кричал Исхам-бек, и летящий в акварине беркут отвечал ему клеткотом, раскрывая хищный клюв.

На закате девятого дня путники заметили в небе черные точки. Стремительно увеличившись, точки

превратились в насекомых. Механическая саранча атаковала степь с оглушительным жужжанием и шелестом прозрачных крыльев. Кровью и пламенем окрашивались железные панцири, кровь и пламя отражались в холодных фасеточных глазах. Полчища, орды саранчи обрушились на землю, поглощая все живое: цикад и кузнечиков, вереск и ковыль, полевые цветы, бабочек... Пространство вокруг стало сплошной шевелящейся массой, панцирно-суставчато-усатой кашей. Лэйя с ужасом наблюдал за этим зрелищем, угрюмо молчал тюрк. И тогда аквамарин раздвинулся — реальность сморщилась, и через образовавшуюся брешь из потусторонней пустоты вывалилось нечто в шевелящемся клубке щупалец, бесшумное и смертоносное. Щель схлопнулась. А длинные сегментные щупальца, распрямляясь и раскручиваясь, потянулись к еде. Существо, зависнув над степью, со щелчками хватало прожорливых агрессоров и закидывало в распахнутую бездонную пасть. Все происходило молниеносно, от скорости движения твари смазывались, и запредельный гость смахивал на гигантскую спиральную галактику, размахивающую рукавами. Полчища саранчи взвились, но каждая секунда наносила урон. Спасти удалось лишь жалким остаткам... Тварь, совершив резкий бросок, приблизилась к людям, обдав нестерпимым аннигиляционным жаром. Гладкие подвижные змеи сплетались и расплетались, в шарообразном, с выступами и линиями стыков теле что-то непрерывно шевелилось, смещались панели, выдвигались и всасывались глазки телекамер. Лоб Лэйи покрылся бисеринками пота. Наконец, удовлетворенная осмотром, тварь унеслась прочь и, раздвинув сумерки, исчезла.

...Они достигли цели.

Шпиль, Менгир, божественное око простиралось до самого горизонта. Эта стена, постепенно закруглявшаяся и сужавшаяся, загораживала свет звезд и луны ночью, и солнца — днем. Ее тень разрезала степь надвое. Поверхность этой титанической иглы — экраны, мониторы, бесконечная сеть мониторов. По слухам здесь был заключен дух Великого Процессора, более того, сам Менгир и был Великим Процессором. Или же вратами в ту вселенную, где обитал Бог...

Лэйя шагнул навстречу Богу.

Кочевник, подобно истукану, замер в зарослях жесткой, по колено, травы. Лэйя вплотную подошел к стене, робко дотронулся до плоскости экрана. И попросил:

— Дай мне информацию, Великий. Крупицу ее. Покажи смысл. Смысл всего этого, — он обвел широким жестом все за своей спиной; Лэйя произносил традиционные слова Вопрошающего.

Экраны вспыхнули.

Побежали цифры, формируя изображение. И тогда Вопрошающий увидел себя, кочевника-тюрка, изумленно застывшего за его спиной и весь этот дикий, странный мир.

ДОЖДЬ НА ВЕНЕРЕ

Потоки теплой воды ливнем обрушились на джунгли. Сверкали поразительной красоты молнии. Дикий первобытный мир.

Антон брел по щиколотки в мутном грязевом ручье, прорубая себе дорогу вибротесаком. Длинные спутанные волосы прилипли ко лбу, одежда промокла насквозь. Но это даже нравилось Антону. Он наслаждался новыми непривычными ощущениями, которых никогда ранее не испытывал, но которые постоянно грезились ему на орбите и в куполах Венерополиса. Всю жизнь он мечтал видеть вторую от Солнца планету именно такой, воспетой Брэдбери в его классических рассказах.

Десять лет Антон посвятил глобальной инженерии. Венеру пришлось «отодвинуть» от светила на достаточное расстояние, чтобы избавиться от адской температуры. При этом орда специалистов вычисляла траекторию будущей орбиты, вероятную возможность пересечения ее с некоторыми астероидами и тому подобное. Затем частично разогнали облачный покров, избавившись от «парникового эффекта». И только после этого взялись за коррекцию атмосферы и климата.

Весь проект растянулся на доброе столетие, и Антон, естественно, не принимал участия в ранних операциях. Он работал над последней стадией — озеленением. Огромными количествами семена завозились с Земли и разбрасывались автоматическими летающими модулями. Садили, в основном, тропические растения — пальмы, папоротники... Антон заказал магнолии и орхидеи.

На Спутниковом корректирующем комплексе работали разные люди. Одних интересовали исключительно деньги. Другие были фанатиками-идеалистами. Третьим просто нравилось осознавать себя творцами — богами. Они лепили чуждый человеку мир по земному образу и подобию, перекраивали и подстраивали его под себя. Многие из глобальных инженеров разлетелись теперь кто куда, предоставив обновленную планету в распоряжение отважных первоходцев-иммигрантов.

Антон остался. За годы коррекции он свыкся с Венерой, считал ее родным домом...

Путь преградила полноводная река. Антон извлек из рюкзака аккуратно сложенную эластичную пленку и превратил ее в надувную лодку. Найдя неподалеку отломанный сук, обработал его вибротесаком в грубое подобие весла.

Пока ленивые воды безымянной реки, петляя, несли лодку на юг, беспрестанно шел дождь. Что поделать — сезон. За последние месяцы Антон испытал на собственной шкуре плоды климатического корректирования.

На пологих берегах изредка встречались кислородные установки — механизмы, десятилетиями вырабатывающие жизненно важный элемент. Теперь они абсолютно бесполезны.

Дождь помешал вовремя расслышать шум водопада. А когда прибрежный ландшафт стал убегать назад с большой скоростью — было уже поздно. С криком Антон сорвался в бездну. Он падал несколько долгих мгновений, а затем погрузился с головой в бурлящую пенную массу. Отчаянно взмахнул руками и ногами

и, задыхаясь, вынырнул на поверхность. Лодки нигде не было видно — наверное, унесло вниз по течению. Выбываясь из последних сил, Антон доплыл до берега.

На Венере, безусловно, малая гравитация, но Антон уже не первый месяц в пути. Он устал. И сейчас с наслаждением повалился на буйную мясистую траву, закрыл глаза. Занудные капли застучали по лицу, рукам, по всему телу, мешая расслабиться. Антон вспомнил тот день, когда он впервые выйдя из купола, вдохнул полной грудью чистый венерианский воздух, а ветер донес издалека пьянящий запах орхидей. Горожане снарядили экспедицию к экватору с целью исследования местности и основания поселка. На Венеру было затрачено слишком много средств, поэтому Корпорация на время забыла о колонистах. По собственным чертежам (нашлись умные головы) собрали грузовой самолет на реактивной тяге и отправили на нем двадцать добровольцев. Так же сконструировали переносную радиостанцию и некоторые необходимые приборы.

Создается впечатление, что столица Венеры — бедный, незначительный городишко. Это не совсем так. Под высокими стеклопластиковыми куполами скрывается солидный полис, почти не уступающий размерами марсианскому Порт-Аресу. Однако, космические перелеты стоят недешево, а вторая планета до сих пор не могла предложить что-либо существенное космическому рынку. Правда, теперь, обретя землеподобность, она готовилась принять толпу иммигрантов со всех концов Солнечной системы, а на экспорт уже зреют бананы и кокосы...

Дождь утих лишь на рассвете. Антон поднялся на ноги, осмотрелся. В ста шагах от него, примяв кусты

и траву, тускло поблескивая, лежала отстреленная спасательная капсула. Чуть в стороне, потрескивая, пылал костер.

Антон подошел ближе. Человек, сидящий возле костра, вздрогнул и испуганно уставился на него. Колонист безошибочно распознал бесцветную тюремную ламиду и стершиеся цифры на груди, но не подал вида. Дружелюбно улыбнувшись, он сказал:

— Привет. Меня зовут Антон. Я — колонист.

Незнакомец настороженно изучал его своими карими глазами. Это был мужчина лет сорока, худощавый, с короткой стрижкой. «Интересно, в чем его преступление?» — подумал Антон.

— Привет, — наконец-то ответил «пришелец», протягивая руку. — А я — беженец-нелегал. Присаживайся к костру.

— Как ты здесь оказался? — спросил Антон.

— Длинная история.

— Так расскажи. Времени хватает.

— Ладно. Надеюсь, ты не выдашь меня в первой встречной деревушке.

Антон усмехнулся.

— Здесь не так много деревушек.. Ближайшее и единственное поселение в пятидесяти километрах к юго-востоку от нас. Ты успеешь десять раз расправиться со мной.

Антон, безусловно, рисковал, имея дело с преступником. Но из богатого житейского опыта он знал, что не всегда нарушитель Космического Кодекса, составленного Советом Директоров Корпорации, являлся злым и агрессивным негодяем. Напротив, многие из таких людей оказывались душевными и приятными личностями.

Дастин Крейс был, там у себя, на Земле, специалистом по информационной защите. Однажды хакеры взломали компьютер его фирмы, обанкротив ее в считанные секунды. Крейса выбросили на улицу. Отчаявшись найти работу, он проник на почтовый шаттл и «зайцем» долетел до пересадочной станции. Там его схватили агенты Корпорации, осудили на пять каторжных лет в рудниках Ганимеда и тут же отправили к юпитерианской системе на патрульном боте. Когда корабль, обогнув Солнце, пролетал мимо Венеры, Крейсу удалось вывести из строя бортовой электронный мозг и удрать на спасательной капсуле.

— Теперь на меня будут охотиться, — мрачно заключил Крейс.

— Кто?

— Агенты... Я ведь незаконный иммигрант.

Антон был поражен. Он впервые столкнулся с преследованием и травлей, неожиданно осознав: Космос уже не тот. Эра первопроходцев миновала, и среди звезд поселились все прелести старого Света: законы и таможня, налоги и товарно-денежный оборот. Марсианский Олимп и живописные каньоны застроили городами, а в хорошую погоду с Земли в телескоп можно увидеть гостиничные комплексы на Луне. Безграничные просторы обживались с поразительной быстротой, поселения росли в геометрической прогрессии.

В полдень небеса разразились громом и извергли сверкающий камешек на огненном столбе.

— За мной, — сказал Крейс.

Костер давно догорел, и вновь начал накрапывать дождь. Где-то распахнулся люк из Космоса и выпустил универсального охотника за головами, совершенного

биоробота, не ведающего усталости и страха. Когда Антон осознал это, он содрогнулся.

— Я помогу тебе, — решительно заявил он.

Крейс жестом попросил его помолчать. Он вслушивался в пространство, как дикий затравленный зверь, улавливая каждой клеточкой своего тела лесные шорохи.

— Я чувствую его, — наконец прошептал беглец.

— Пошли, — поторопил его Антон. — Дождь смоем все следы, а капсулу мы столкнем в реку.

Так и сделали. Напрягаясь и стискивая зубы, с трудом подтащили титановую скорлупу к берегу и пустили под откос. Течение подхватило ее и понесло вдаль.

...Теперь у Антона был попутчик. Вместе они продирались сквозь заросли, прорубая дорогу среди папоротников и лиан. И мысли сливались с шумом небесного потока и глухим рокотом близкого водопада, с переплетающимся зеленым фоном, заполонившим все вокруг, низким свинцовым потолком, превратившим день в сумерки. Антон шел впереди, размахивая тесаком, а Крейс, чуть отстав, плелся в нескольких шагах за его спиной, таща на себе рюкзак с припасами и вещами, необходимыми в путешествии.

— А кем ты был раньше, Антон?

— Инженером. Глобальным.

— Глобальным? — не поняв, переспросил Крейс.

— Вот именно. Я сотворил все, что ты видишь.

— Здорово. Тебе, наверное, платили кучу бабок.

Ты мог бы жить на Земле и не задумываться о проблемах насущных. Что тебя держит на Венере?

Антон пожал плечами.

— Трудно объяснить. Я люблю эту планету. Я лепил ее десять лет, и мне нравится результат. Я мечтал о нем с самого детства.

Вопросы Крейса вытащили из глубин памяти полустертые картинки-образы. Антон так долго не видел людей, что чувствовал настойчивую потребность выговориться.

— Детство я провел на Земле, — начал он, одновременно взмахивая тесаком, — и юность — тоже.

— Серьезно?.. А каким ветром тебя занесло сюда?

— Ветром грез. Звездная романтика и все такое. У меня был дом — я его покинул; была девушка — я оставил ее... Вот такая грустная история. Правда, я не жалею о прошлом. Я обрел мечту. Вот она — рядом: зеленая и мокрая. Я создал ее своими руками.

— Ты поменял семью и любимую девушку на ЭТО?

— Да.

— По-моему, ты — дурак, Антон.

— А ты?.. Ты ведь тоже здесь, — возразил колонист.

— Я — другое дело. Я тут не по своей воле. У меня — два выхода: либо затеряться в венерианских джунглях, либо отправиться в рудники Ганимеда. Небогатый выбор, верно?

— Верно, — согласился Антон.

— Но ты, дружище, совершил ошибку. Когда-нибудь ты затоскуешь, но будет поздно. Я уже скучаю по родине...

— Пройдет.

— Надеюсь. Вернуться-то я вряд ли уже смогу.

Дальше двигались молча. Антон хотел связаться с поселком, чтобы уточнить координаты, но Крейс

запротестовал: волну перехватит агент. Шагали без остановок целый день, лишь к вечеру, добравшись до невысокой черной гряды и найдя незатопленную пещеру, задержались на отдых.

— Ты меня совсем загнал, — пожаловался Крейс.

— Для тебя же стараюсь.

— Понимаю. Извини.

Пауза.

— Зато до поселка осталось всего — ничего: километров пятнадцать. Там мы окажемся под местной юрисдикцией и агент — в полете.

Антон старался говорить бодро и уверенно. Однако он прекрасно понимал, что за ночь может случиться все, что угодно. С инфракрасными фотоэлементами вместо глаз и мощным мотором вместо сердца, биоробот размеренно шагает сквозь тьму, выискивая в траве следы жертвы, сканируя каждый квадратный миллиметр поверхности. Рано или поздно он наткнется на просеку, проделанную Антоном, и тогда...

Ночь протянулась в тревожном ожидании. Оба путника не сомкнули глаз, вздрагивая при каждом громком звуке. Периодически мелькала молния, освещая пещеру фиолетовым пламенем.

Наутро снова двинулись в путь.

— Что будет, если мы с ним встретимся? — спросил Антон.

— Меня он убьет. А тебя, думаю, отпустит. Ты же — венерианец.

Дождь атаковал землю с удвоенной силой. Река вышла из берегов, и странники брели по колено в воде. Отвесные струи сливались в единую стену, отгородившую две жалкие человеческие фигурки от остального мира.

Крейс резко остановился.

— В чем дело? — Антон пристально взглянул на него.

— Хватит.

— Что хватит?

— Бежать. Я не могу больше... Я устал.

— Ты хочешь умереть?

— Нет.

— Тогда иди. Нельзя задерживаться. Только так можно спастись.

— Не только.

Антон в изнеможении прислонился к скользкому стволу неизвестного ему дерева.

— Может, ты и прав.

...Среди деревьев мелькнул темный силуэт. В следующую секунду охотник показался во весь рост. Полная имитация человека, высокого и мускулистого. Когда он приблизился вплотную к Антону, тот подал знак. В двадцати шагах справа возник Крейс.

— Эй! — крикнул он.

Реакция была мгновенной. Выхватив из кобуры пистолет с длинным блестящим стволом, робот развернулся и, почти не целясь, выстрелил. Голубой луч распорол серость дня, превратил в пар дождевые капли. Крейс успел отскочить в сторону, и столп яркого света ударил в мутную жидкую поверхность, заставив ее бурлить и шипеть.

Антон начал действовать. Раздвинув папоротники, он прыгнул и, оказавшись рядом с агентом Корпорации, взмахнул вибротесаком. Отрубленная рука с оружием отлетела, описав дугу, и упала где-то со всплеском.

Антон взмахнул второй раз...

Из открывшихся ран захлестала коричневая кровь, искореженное тело задергалось в судорогах. Холодно блеснули зрачки фотоэлементов...

И все. Кончено.

Поселок встретил их звуками радиопереговоров и наспех сколоченными хижинами на сваях. Антон достиг цели. Он мог отправиться вместе со всеми на грузовом самолете, но предпочел испытать все трудности пути. С ним пришел нелегал, беженец с далекой и прекрасной Земли.

ВОДНОЕ ПЛАТО

I

Граа отправлялся в путь.

На этот раз все благоприятствовало: и луны, и звезды, и далекое молочное облако, которое пришельцы называли туманностью. Утром, глядя на край Огненного Диска, старики сказали: «Пора». Граа и сам чувствовал, как приближается срок. Запасы воды в деревне подходили к концу, это означало только одно — путь не за горами... Он будет трудным, Граа знает точно.

Люди Кантрэйи (так назывался их мир) не имели понятия о картах или схемах. Естественно, они не представляли, где находится легендарное Водное Плато. И тем не менее — любой желающий мог добраться туда. Как?

Да потому, что все ветры дули в одну сторону.

Все дороги сходились в одной точке.

И где бы ты ни был, если у тебя есть ткань для паруса и дерево для колес, корпуса, мачты и всего остального, ты всегда будешь там, где нужно.

Древние сказания утверждали: раньше планета была другой. Дождь мог пойти где угодно, а там, где сейчас поднимаются песчаные бури, плескалась вода океанов, морей и рек. Но боги разгневались и случилось то, что случилось. Великий Вихрь поднял воды океанов в небо, а жар солнца испарил остальное. Это было тысячу фаз назад. Немногие выжившие рассказали все своим детям и внукам, а те — своим детям и внукам...

С тех пор никто не видел дождя. Небо Кантрэйи — чистое и безоблачное. Вот Граа и отправлял-

ся в путь. Легендарное Плато — основной источник воды и жизни этого иссушенного, сморщенного мирка. Испокон веку там пребывали Дети Богов. Они требовали дары. И трюм сухопутного парусника Граа был доверху наполнен разноцветными камнями и металлами.

Граа смотрит вдаль.

Бесконечная унылая равнина тянется к горизонту; огненный диск показался уже наполовину. Ветер скрипит снастями и шепчет на ухо: «Пора».

Вся деревня вышла его провожать. В глазах стариков светится надежда. Когда исчезла последняя луна, Граа поднял парус и почувствовал, как корабль устремился вперед, набирая скорость. Начало пути.

2

— Знаешь, — задумчиво произнес Сергей Морозов, — они величают нас Детьми Богов.

Снаружи лил дождь. Вторую неделю. Роботы неустанно трудились, погружая цистерны с водой на антигравитационные тачки и распределяли их по складам. Блок «С» уже заполнен аккуратными рядами блестящих цилиндров. Из окна было видно, как быстро крутятся лопасти ветряков — потоки воздуха со всех четырех сторон света, причудливо завихряясь, питали энергией станцию землян. Насколько помнил Сергей, за последние тридцать лет электричество ни разу не отключалось — циклоны неизменно выполняли свою задачу.

— Они правы, — сказал Анджел Костелло, — наши отцы были богами.

— Ты серьезно?

Анджел кивнул.

На гидродобывающей станции Плато их было только двое. Сергей Морозов и Анджел Костелло. Роботы не в счет — это всего лишь механизмы с заложенной раз и навсегда программой. Очень давно на единственной планете звезды «40 Эридана А» пионеры-первопроходцы построили исследовательскую базу. По отчетам, хранящимся в компьютере, Сергей знал, что уже тогда Кантрэйя выглядела примерно как и сейчас. Официальное заключение проверочной комиссии: «В результате неизвестного катаклизма и гравитационной аномалии циклоны локализуются в одной точке; но в целом планета пригодна для жизни». Местные аборигены практически не фигурировали в отчетах, однако, перекопав вдоль и поперек все файлы, Сергей обнаружил дневник командира базы, в котором говорилось: «... Вчера летал над южной пустыней. Видел дикаря. Удивительно похож на человека».

Весь фокус в том, что на Кантрэйе (местное название) нет воды. Нет нигде, кроме Плато. Аборигены как-то перебивались, ставили колодцы (подземные источники еще не иссякли), обходились минимумом влаги. Но отдельные сорвиголовы строили свои «тарханы» — сухопутные корабли и отправлялись по ветру искать счастья. Сергей глубоко симпатизировал им, но инструкция запрещала вмешиваться...

Так длилось до тех пор, пока не появился Костелло.

— Мы нехорошо поступаем, — вновь заговорил Сергей.

— Что ты имеешь ввиду?

— Торговлю водой.

— Но ведь это разумно. Мы ее добываем, «упаковываем», доставляем на их корабли. Они платят нам за услуги.

— Но мы здесь — гости.

— Я не согласен.

— Мы торгуем тем, что нам не принадлежит.

Анджел пересек комнату и оказался рядом с Сергеем.

— Но мы, — он пристально вглядывался в лицо Сергея, — в состоянии это взять. — В подтверждение своих слов он сжал ладонь в кулак.

Анджел Костелло прилетел год назад (половина фазы по исчислению кантрэйцев). Профессионал-геолог, он сразу же запустил сканирующий спутник. «Зачем?» — спросил тогда Сергей. «А если тут алмазы?» — последовал ответ.

На Кантрэе были алмазы. И не только алмазы. Все виды драгоценных камней, золото, платина, титан... Настоящее Эльдorado. «Когда мы вернемся на Землю, — заявил Анджел, — будем богаты». Но станция не предназначена для геологических разработок. Все, что она могла добыть — это вода. И хитроумный Костелло нашел выход. Вот как об этом рассказывали сами кантрэйцы:

— И спустился с небес Сын Богов. И открыл он людям Великую Истину. Изрек он: «Куда стремятся ветры, туда и вы идете. И в конце пути нас ждет то, что дарит нам жизнь. Но возьмите с собой сверкающие камни и желтый металл. Да будет так!»

Второй день пути. Граа уверенно ведет к цели свой тархан. Когда Огненный Диск подполз к зениту, Граа заметил дерево — верный признак того, что где-то рядом колодец.

Деревья на Кантрэйе обладали мощными и длинными корнями. Там, где стоит дерево, наверняка есть подземный источник. Раньше деревья были другими... За тысячу фаз даже звери неузнаваемо переменились. Большинство из них могло вообще обходиться без воды. Некоторые умело паразитировали на растениях.

Зоркий глаз Граа засек одного паразита. Выпростав твердые, землистого цвета отростки, он практически полностью сливался со стволом. Но не абсолютно. Быстрым движением Граа послал нож по траектории смерти; потом оставалось лишь снять будущую еду с дерева, наломать веток и развести костер.

И снова в путь.

Кантрэйцы — прирождендае охотники. Земледелие невозможно на планете, 99,9-х процентов которой — иссушенная солнцем пустыня. Кантрэйя не знала времен года (благодаря правильной круговой орбите) и днем, вне зависимости от фазы, температура была постоянной, держась на уровне тридцати-сорока градусов. Ночью царила относительная прохлада. «Когда светят звезды и луны, боги становятся добрее», — сделали вывод соплеменники Граа. Когда-нибудь космические владыки сжалятся над многострадальным народом и вернут реки и моря. Старики до боли в глазах высматривали небесные знамения, а они все не случались. Только однажды яркая звезда с пылающим

хвостом принесла с собой Лучезарного Андже́ла — Сына Богов. И открылся путь на Водное Плато.

Придут иные фазы. Граа верил в это. Лишь вера спасала людей Кантрэйи...

На закате корабль въехал в мертвый город Синалак, бывший в древности центром могучей империи. Синалак стоял на берегу высохшего моря; его шпили и башни вознеслись в бесконечное небо. Огненный Диск окрасил мрамор кровью, а пустыня, казалось, пылала звездным пожаром. И в этом багрянце родилась фиолетовая луна.

Граа спустил парус, и тархан, скрепя снастями, вкатил на потрескавшуюся мостовую. Черные дыры окон с мудрым спокойствием взирали на гостя.

Первого за тысячи лет.

4

Большую часть Плато занимало Озеро Слез. Так местные жители окрестили обширный пресноводный водоем, образовавшийся в результате постоянных ливней. В самом его «сердце» на дамбах и стальных опорах высилась станция. Конденсационные щиты — черные квадратики с многочисленными порами (сторона каждого не менее двадцати метров) были первым, что бросалось в глаза. Раз в сутки поры открывались, и накопившаяся влага стекала в резервуары, соединенные в единую трубопроводную систему. День и ночь работал насос, откачивающий воду из Озера...

Сергей Морозов вышел в дождь. Мутная пелена скрывала дальние пределы Плато и, казалось, что весь мир сузился до размеров станции. Блестели металли-

ческие конструкции и корпуса роботов, управляющих гравитационными тачками.

На южном берегу Озера располагался порт, куда один за одним прибывали тарханы со стороны пустыни. Сергей смутно видел их мачты и паруса, надутые ветром.

Рядом возник Анджел Костелло.

— Наблюдаешь?

— Наблюдаю, — кивнул Сергей.

— Взгляни туда, — палец Костелло указывал в направлении южного порта, откуда рекой текли платформы, груженные золотом и драгоценными камнями. — Не на мачты — ниже... Наше состояние. Когда вернемся на землю, вряд ли найдется кто-то богаче нас. Я все рассчитал. Можно организовать монополию, нанять много космических кораблей...

— Ты ведь знаешь, Анджел, меня это не особенно интересует.

— Сомневаюсь. Нет человека, который бы не интересовался деньгами.

— Люди вкалывают на рудниках, чтобы достать эти камушки. Не ради денег. Ради воды. Ради жизни.

— Громко сказано.

Морозов не ответил. Он смотрел на небо. Тучи стали завихряться в некий фантастический водоворот, и сверху в лицо ударила волна теплого воздуха. Образовался гигантский просвет, и земляне впервые за долгие годы вновь увидели чистую небесную голубизну.

Но лишь на краткий миг. Корпус колоссального звездолета, преградив доступ солнечным лучам, заслонил это окошко. Ни один земной корабль не мог соперничать с ним в масштабах. Возможно, это ски-

талец, прибывший с далеких миров или даже из другой галактики, который в первый и последний раз посетил затерянную Кантрэйю.

— Вот это дела... — прошептал замороженный Костелло.

Гладкий сверкающий конус застыл над их головами. Силовые поля неизвестной природы раскручивали облака против часовой стрелки. Затем в днище появилось отверстие площадью в полкилометра. Сергей почувствовал сильную тягу и...

Конус всасывал облака. Всасывал с удивительной скоростью. Процесс длился несколько минут, по истечении которых отверстие неожиданно и резко затянулось пленкой и корпус опять стал цельным. Секунду корабль находился в прежнем состоянии, видимо, корректируя курс. В следующее мгновение он сорвался с места и, распарывая атмосферу, унесся прочь.

Морозова и Костелло сдуло в сторону. Крича и размахивая руками, они упали в Озеро. Второй вихрь (побочный эффект работы двигателей пришельца) сорвал конденсационные щиты и, закружив в бешеной пляске, сбросил их на восточной гряде...

Наконец, землянам удалось выбраться из воды. Мокрые, уставшие, тяжело дыша, они с ужасом глядели, как циклоны меняют свое направление и тучи разлетаются на север, юг, запад и восток.

Кантрэйя — нестабильный мир.

5

Многие видели это. Боги смилостивились и вернули дождь. Он прошел над тарханом Граа и вымо-

чил его до последней доски. Мертвый город, тысячу фаз не знавший влаги, взирал пустыми глазницами окон, как ручьи текли по улицам, по трещинам мостовых, как наполнялась чаша фонтана.

И даже Огненный Диск подобрел.

ВЕЧНОСТЬ В КАРМАНЕ

Ночью пустыня светилась голубым огнем. Свечение уходило к самому горизонту и там, среди звезд, появлялись луны. Обычно в это время Иван засыпал. Он видел мутные, неясные, то цветные, то черно-белые сны. Иногда отчетливые — вырванные откуда-то картинки чужого (или забытого своего) бытия. Чаще всего снилась трава. Снились деревья и широкие ленты рек, снились облака и цветы. А утром Иван вскакивал, бегал кругами, дико озираясь и крича, а после сидел и тихо плакал. Его пытались успокоить, хлопали по плечу, что-то ласково шептали. Наконец, махнув рукой, отходили.

Группа из пяти человек (вместе с Иваном) кочевала по пустыне, не задерживаясь более нескольких дней на одном месте. Все шло хорошо, но вот стали замечать, что с Иваном творится неладное.

— А эти пески... они везде? — спросил однажды Иван старшего в группе.

— А почему ты спрашиваешь? — удивился тот.

— Интересно.

— Раньше никого не интересовало.

— А мне интересно, — повторил Иван.

Старший задумался.

— Не знаю, — наконец вымолвил он, — здесь — не знаю. Сам видишь, давно ходим и везде одинаково. Но дед говорил мне, что есть иные миры. И там, наверное, по-другому.

— А луны — тоже иные миры?

— Да.

— Звезды — это звезды. Про них дед ничего не говорил.

После этого разговора в сердце Ивана закралась тоска. Словно он утратил нечто чудесное, необыкновенное. Оно есть. Где-то далеко. Но где? И как туда добраться?.. На эти вопросы никто не мог ответить.

Средним унылым утром очередного дня Иван проснулся с твердым намерением отправиться на поиски травы и облаков. Он взял только самое необходимое: флягу с водой, карту изученной местности, нож, рюкзак с сухим пайком и странную пластинку, называемую карточкой (члены группы всегда носили такие пластинки с собой).

— Куда ты? — встревожился старший.

— Искать.

Это слово Иван бросил уже на ходу.

Он двигался навстречу восходящему солнцу, оставляя позади цепочку следов. И четверых скитальцев, печально глядящих ему в спину. Иван знал: им не нужна трава. Они даже не знали что это такое. Ночью им ничего не снилось. Поэтому Иван ушел. Прочь, как можно дальше.

К вечеру он пересек границу изведанной зоны. Дальше карта ему не понадобится, и он ее выкинул. Ветер подхватил измятый клочок бумаги и понес по барханам вместе с клубками перекати-поля и тучами песка. Иван ориентировался строго на восток, упорно преодолевал зыбучие желтые горы, щурясь и выплевывая хрустящие песчинки. Когда окончательно стемнело и колючие звезды высыпали на небе, он сделал привал. Попил воды, поел и лег спать.

Наутро Иван вновь отправился в путь. Местность изменилась, перестала быть абсолютно пустынной. Иногда встречались древние развалины, каменные блоки

и плиты, наполовину занесенные песком. Еще попадались железные каркасы, покосившиеся и поржавевшие, отбрасывающие причудливые переплетенные тени. Вечером тени удлинялись, солнце заходило и наступали сумерки.

Иван потерял счет времени. Дни мелькали ленивой чередой, а пустыня оставалась прежней. Вода во фляге кончилась. Иван бродил двое суток с пересохшим горлом, пока не нашел черный металлический кран, торчащий из земли. Крутанул крестообразную штуку наверху и на раскаленный песок потоком хлынула вода. Странник подставил голову под холодную струю, напился с наслаждением, набрал полную флягу и вернул крестовину в исходное положение. Вода перестала течь. Иван задумался. Он и раньше видел такие изогнутые трубки, они раскиданы по всей пустыне. Но зачем? И кто это сделал? Мысли не давали покоя. Чтобы покончить с неизвестностью, схватил валяющийся неподалеку кусок прозрачного твердого материала и вонзил его в мокрый песок.

Вдруг Иван вскрикнул от боли. Поднес к глазам руку — ладонь в крови. Не обращая внимания, швырнул в сторону коварный материал, начал разгребать песок руками. Работал так несколько часов, пока не напоролся на твердое. На дне вырытой ямы таинственная труба переходила в гладкую поверхность.

— Эй! — раздался голос сверху. — Ты что там делаешь?

Иван выбрался из ямы, подал человеку руку. Представился:

— Иван.

Незнакомец, пожав протянутую руку, тут же отдернул свою, устался на ладонь.

— Порезался, что ли?

Иван кивнул. Затем спросил:

— А как твое имя?

— Нет у меня имени. Какой в нем смысл? Особенно теперь...

Помолчали.

— Зачем копал? — спросил безымянный — приятной наружности толстяк, в разорванной и заплатахной одежде, невысокий.

— Знать хочу... Куда ведет кран.

— Никуда он не ведет... А почему ты один?.. Без группы?

— Я ишу траву.

— Ерунда это всё. Я тоже искал. Отцы наши и деды когда-то искали.

— И что?

— Нету.

— Не верю.

Толстяк хмыкнул.

— Не веришь — проверь. Двигайся на север, завтра к полудню окажешься у железной дороги... — Увидев непонимание на лице Ивана, пояснил: — Две линии — рельсы, между ними — доски. Я оставил там дрезину... Хотя — ладно. Ты же ей управлять не умеешь. Пойдем вместе.

И они пошли.

Вечером остановились в тени полуразвалившегося здания, перекусили.

— Зря тратишь силы, парень, — зевая, сказал толстяк.

— Я так не думаю.

Безымянный не ответил.

Всё пространство взорвал чудовищный гул. Он сотрясал барханы, поднимал песочные вихри. Горизонт осветился оранжевым пламенем, которое исходило от конуса, возносящегося над волнистой равниной. Краткий миг — и он превратился в звезду, а затем и вовсе исчез. Иван вскочил с места и побежал. В лицо хлестала пыль, ступни по щиколотку увязали в желто-голубой радиоактивной жиже, легкие стонали. Но он бежал.

— Ты куда?.. Пстой! — доносилось сзади.

Одним броском Иван преодолел расстояние в две тысячи шагов и успел как раз вовремя, чтобы заметить гигантскую черную дыру в земле. Ее затянуло диафрагмой и вскоре гладкую без выступов поверхность присыпало тонким слоем песка. Грохот стих высоко над головой, умчался в звездную даль и там умер.

Тяжелая рука опустилась на плечо Ивана.

— Ну... ты... даешь, — прерывающимся голосом пролепетал толстяк. — В гроб меня загонишь.

— Ты видел?

— Да видел... видел. Это корабль.

— Корабль?..

— Да. Космический. Он летает к другим мирам.

— Космический... Как это понять?

— Я тебе что — мудрец всеведающий?

...К полудню добрались до железной дороги. Рельсы, теряясь в дюнах, уходили в бесконечность и, по словам толстяка, охватывали целиком всю планету вдоль экватора.

— Почему рельсы не заносит песком? — спросил Иван.

— Особенности технологии.

Иван не понял ответа. Но переспрашивать не стал — и без того все слишком запутанно.

Залезли на небольшую металлическую платформу. Толстяк взялся обеими руками за некий штырь со своей стороны и опустил его вниз, подмигнул: делай, как я. Иван быстро вник в нехитрую систему, и тележка покатила по пути. Хорошенько разогнав дрезину, отдышали и опять брались за дело. Когда кончился сухой паек, затормозили. До заката охотились на ящериц-мутантов.

Тени удлинились. Путники развели костер и сытно поели.

* * *

Это случилось на исходе неизвестно какого дня. Справа от дороги вырос приземистый черный цилиндр.

— Стоп! — закричал Иван.

Прокатившись еще немного, платформа застыла. Иван спрыгнул с нее и подошел к цилиндру — высокому сооружению в два человеческих роста.

— Это вход, — сказал толстяк.

— Куда?

— Сам узнаешь. Вставь карточку, — безымянный указал на щель в ровной стене, — сюда. Подожди секунду и вытащи.

Иван так и сделал. Часть стены со скрипом раздвинулась, образовав отверстие.

— Теперь прощай, — толстяк развернулся и побрел к дрезине.

— А ты?

— Я не хочу. Надоело.

Иван долго смотрел вслед уменьшающейся дрезине. Затем шагнул внутрь цилиндра. Отверстие закрылось, включился свет.

— Уровень? — голос слышался отовсюду.

— Вниз, — твердо заявил Иван.

И почувствовал движение. Плоскость перед глазами стала прозрачной, все поглотил туман...

* * *

Грезы... видения... кошмары. Вся история человечества промелькнула, как в киноленте. Знания возродились вместе с генетической памятью. Но Иван не хотел верить.

Его тело покоилось в ретрокапсуле. Городское Управление усыпило прибывшего блудного сына и поместило в клинику, назначив адаптационный период в сорок восемь часов. По их истечении глаза Ивана открылись, а капсула распалась на атомы. Иван стоял посреди помещения, загроможденного различными приборами и терминалами компьютеров. Он знал, что вокруг — подземный город, покинутый людьми давным-давно, столетия назад; что Городское Управление — это мозг, состоящий из микросхем, процессоров, системных блоков; что роботы поддерживают порядок и ждут возвращения создателей; что есть иные миры, а там — похожие города; что краны в пустыне — проявление заботы о людях; что не погиб до сих пор, так как обладает иммунитетом к радиации...

— Они забыли, — тихо сказал Иван, думая о своих собратьях. — Почему они забыли?

— Людям это свойственно, хозяин.

— Зачем мы ушли?

— Искать траву.

— Траву?

— Да. Траву, облака и реки...

Иван вспомнил. Вспомнил яркие цветные сны, вспомнил то, что сделалось смыслом жизни. А она велика, эта жизнь — человек смог обрести бессмертие.

— Я тоже ищу.

— Наверху этого нет, хозяин . Везде пески.

— А внизу?

— Город.

— А справа, слева?

— Город.

Холодный пот выступил на лбу Ивана.

— Покажи схему.

В воздухе сформировался голографический макет планеты. Невидимая линия рассекла ее пополам и перед глазами Ивана возникли бесчисленные уровни, заполнившие все внутренности призрачного шара от поверхности до самого центра. Гигантский улей...

— Не может быть!

— Согласно заложенному Плану, — сообщил компьютер.

Иван покопался в обретенной памяти и обнаружил сведения о Плане. На заре космической цивилизации человек создал План Освоения. Перенаселенная Земля нуждалась в новых территориях и запускала к звездам армады полностью автоматизированных кораблей. Роботы строили для хозяев все необходимое... И когда те ушли, работа продолжалась без сбоев и задержек.

Иван дико закричал.

— Что с вами, хозяин?

Скиталец успокоился. Еще не все потеряно. Существуют иные миры. Там не будет пустынь, радиации и оборванцев-кочевников, некогда считавших себя великой расой. Не будет доброго вкрадчивого голоса мертвой машины. Цветы и трава, радуга и ласковый ветерок, реки и стрекотанье сверчка — вот, что там будет.

— Я хочу попасть на другую планету, — сказал Иван.

— Нет ничего проще. Спуститесь на лифте до 3098-го уровня. Там найдете работающий телепорт.

— Спасибо.

Двери бесконечных коридоров с шипением распахивались перед ним. Эскалаторы и автоленты со скоростью экспресса несли Ивана, удобно устроившегося в кресле, к лифту. Затем бессмысленное однообразное мелькание уровней — фактически, та же пустыня, только из стали и пластика. «Где я? Неужели это — мой дом? Для чего...»

Лифт остановился. Непробиваемая оболочка силового поля растаяла.

Коридоры, эскалаторы, ленты.

Эскалаторы, ленты, коридоры...

Нет запахов. Нет ярких красок. Серость и пустота.

— Вы на месте.

Иван осмотрелся. Просторное помещение с куполоподобным потолком. Посередине — ряд кабин.

— Телепортационные камеры, — пояснил голос. — Вы их не вспомните, хозяин. Это новинка.

Иван достал из кармана нового чистого комбинезона идентификационную карточку, собрался провести перед глазком сканера.

— Нет, нет, — торопливо запрочитало Управление. — Это лишние, никому не нужные формальности.

Двери ближайшей кабины распахнулись. Иван вошел.

— Куда угодно отправиться?

На экране высветились названия и номера звездных систем, планет, спутников, астероидов.

Солнце: Земля, Марс, Венера.

Проксима Центавра: Стратовариус.

Альфа А: 1, 2.

Альфа Б: 1, 2, 3, 4.

Сириус: 1, 2, 3, 4, 5.

Дальше Иван читал поверхностно:

Алголь...

Альдебаран...

Альтаир...

Антарес...

Арктур...

— Миры земного сектора, — сообщил голос. — Дальнее Внеземелье... Галактическое Ядро...

— Хватит, — прервал его Иван. — Земля.

— До свидания, хозяин.

...— Здравствуйтесь, хозяин.

— Я на Земле?

— Да.

— Превосходно. Укажи мне путь наверх.

Ленты, коридоры, эскалаторы.

Лифт. Уровни, уровни, уровни... Ну когда же все это кончится? Неужели везде то же самое? Нет спасения и на легендарной Земле.

Коридоры, ленты, эскалаторы.

Наконец, шахта, которая завершилась потолком в разноцветных квадратах. Прорисовалась вертикальная щель в стене, раздвинулась. Иван шагнул в ночь и не сразу понял, что стопы погружены в песок. Он заметался по пустыне, споткнулся, упал и горько заплакал.

— Ну что вы, хозяин, — из цилиндра шахты раздался мягкий, ласковый и печальный голос. — Не плачьте, пожалуйста. У вас в запасе сотни обитаемых миров.

— Ты прав, — Иван поднялся на ноги, стряхнул пыль с одежды и, посмотрев в глаза злым небесам, сказал: — Я не сдамся. Если потребуется перевернуть Галактику, я сделаю это.

И он двинулся назад, миновав (в который раз) весь городской сталепластиковый ад. И вот — уютная кабинка, цифры, буквы...

Он побывал там. Алголь, Альдебаран, Альтаир... Пески. И города, пожравшие целиком внутренности планет. На своем длинном пути Ивану приходилось отдыхать. И спать. В прерывистых беспокойных видениях представал берег лазурного моря; смеющиеся радостные люди... дети. Цивилизация Ивана не знала детей. Бессмертие откинуло их в прошлое и покрыло пеленой забвения.

«Господи! — прошептал Иван на очередной платформе, как две капли воды похожей на остальные. — За что?»

— Да за все, — послышался ответ.

Иван обернулся.

Свесив ногу с платформы, кривя губы в усмешке, на него смотрел старый приятель.

— Значит, я вернулся к тому, с чего начал, — глобокомысленно заметил Иван.

Безымянный кивнул.

— Ты говорил, что тебе надоело... Ты знал?

— Конечно. Я один из тех ветеранов, которые помнят былые времена. Я прожил много тысяч лет. Я видел траву, цветы...

— Скажи, — попросил Иван, — как случилось...

— Так и случилось. Прости, Ваня. Прости меня и таких, как я. Мы сделали, — он обвел рукой, — это. Я кибернетик, Ваня. Создатель кошмара внизу. Древняя и гадкая профессия.

— Послушай, — не выдержал Иван, — не весь же Космос поглотила система?

— Наверное, нет.

— Спасибо и на том, — Иван направился к цилиндру.

— Эх, Ивашка-неприкаянный, — шептал толстяк, — ничего ты не понял. Человек всесилен. Но не может он воевать сам с собой.

* * *

Иван стоял посреди главного зала Городского Управления. Квадратики дисплеев (некогда предназначенных для людей) слились в одну линию. Реальность уходила из-под ног. Но Иван взял себя в руки.

— Я принял решение, — твердо заявил он.

— Какое, хозяин?

— Я улетаю на корабле.

— Невозможно, хозяин. Грузовые транспорты отправляются к неосвоенным мирам, и они не приспособлены для человека. К вашим услугам телепорты.

— Мне не нужны телепорты, — Иван терял терпение. — Мне нужен космический корабль. Я хочу попасть в неосвоенный мир.

— Таких почти не осталось, хозяин.

— А я найду. У меня достаточно времени. Вечность у меня в кармане.

— Повторяю: невозможно.

— Нет ничего невозможного.

Компьютер задумался. Электроны мчались по своим неисповедимым орбитам, запрашивая информацию в банке данных.

— Инструкции отсутствуют.

— Я дам новые.

— Я не имею права. Человек слишком давно не летал.

— Теперь полетит.

— Нет, — отрезал компьютер.

— Что ж, — вздохнул Иван, — тогда придется тебя отключить.

— Отключить? — в голосе удивление и страх.

— Да, отключить! — распалялся Иван. В глазах его появился безумный блеск.

— Я, человек, породил тебя, я тебя и убью! Всех вас уничтожу! Всю эту дурацкую систему! Боги, да я начну с того, что сотру План Освоения! Прямо сейчас.

— Нет, — в голосе неуверенность, — вы не можете.

— Могу, могу. И сделаю. Как ты мне помешаешь? Я же — Человек, создатель. Хозяин!

Огоньки терминалов беспокойно замигали.

— Итак? — спросил Иван. — Я жду.

Нет ответа.

— Я жду, — повторил Иван.

— Ладно, — сломался компьютер. — Уровень 10, шахта А 466. Красные шлюзовые ворота. Груз деталей. Рейс на Канопус.

— Благодарю.

— Это мой долг, хозяин.

— Знаю.

— Я обязан предупредить...

— Не стоит. Я все равно лечу.

— Тогда... удачи, хозяин.

* * *

Красные ворота разомкнулись шестиконечной звездой, выпуская Ивана из шлюзовой камеры (пережиток старины, самой зари освоения, когда на поверхности еще буйствовали враждебные микроорганизмы). Он попал в мир суеты и напряженного труда. Роботы ходили за антигравитационными платформами с массой аккуратно уложенных ящиков, поднимались вместе с ними по пандусу и скрывались в отсеках трюма. Непрерывный поток, как в муравейнике. Иван влился в него, медленно, но неуклонно двигаясь к пещере люка. Над головой автоматические краны-подъемники переносили тонны железа. Роботы, получив приказ, не обращали на гостя никакого внимания.

Через час транспорт, полностью загрузили. Люк затянулся титаном; в трюме воцарилась тьма. Иван лег на пол и приготовился к ускорению.

Взрвели дюзы и хрупкое человеческое тело вжалось в пластик. Иван не мог шевельнуть даже паль-

цем, суставы пронзила страшная боль, дыхание прервалось... Подобно пуле, корабль вырвался из недр земли, пронзая сухой воздух, вылетел из атмосферы и, разогнавшись до субсветовой скорости, устремился к Канопусу. Полегчало. Иван, опираясь на ящик, встал на ноги. Мускулы чувствовали, как тает, бесследно тает гравитация. Приспосабливаясь к необычным условиям, мягко шагая и невольно подпрыгивая при каждом лишнем движении, Иван направился к носовому отсеку, в рубку. По коридорам проносились роботы, уступая дорогу человеку.

В рубке никого. Корректировкой курса и всем остальным руководил кибер-штурман — программа, внедренная в бортовой компьютер. По давней традиции, на всякий случай, для человека были оставлены кресло, пульт с клавиатурой, обзорные экраны.

— Я в состоянии выполнять звуковые команды, — сообщил киберштурман.

— Прекрасно, — Иван сел в кресло. — Высветить цель и траекторию.

На главном дисплее из матовой черноты родились солнце, скопления туманности. Через весь экран пунктиром протянулась линия, ведущая к едва заметной искорке в углу.

— Это Канопус?

— Да. Четвертая планета.

— Время полета?

— Тридцать один год.

— Имеются видеозаписи и другие данные по этому миру?

— Пятисотлетней давности.

Иван вздохнул и угрюмо буркнул:

— Демонстрируй.

Цветущее жизнерадостное местечко.

— Распоряжение будут? — осведомился штурман.

— Следуй заданному курсу.

И он ждал тридцать один год. Что ему этот срок? Капля в море... Море. Ртутное загаженное море Канопуса-4. Кислотные дожди поливали железобетонные конструкции астродрома. Покрытые специальным составом сверкающие корпуса неумолимых вездесущих роботов: погрузчиков, техников, контролеров...

Иван отказался от предложенного скафандра.

— Но вы погибнете, хозяин! — в ужасе воскликнул штурман.

— Не бойся, не погибну. Думаешь, я собираюсь выходить?

— Но согласно графику мы простоим еще неделю.

— Ошибаешься. Мы стартуем немедленно.

— Но, хозяин...

— Никаких «но». Меня уже достали ваши «но». Стартуем, рвем когти, убираемся — как угодно, только через пять минут я желаю находиться в открытом Космосе.

И корабль стартовал. Иван отдал приказ лететь к ближайшей звезде, потом — снова к ближайшей, снова, снова и снова... На каждый такой бросок уходили годы, десятилетия, века. Но двигатели транспорта работали на особо хитроумном принципе, им не требовалось горючее. Иван ел синтезированные продукты и пил синтезированную воду. Спал. Видел извечный и любимый, до боли знакомый сон — свое проклятие.

И вот, когда силы уже почти иссякли, когда ожидание сделалось хуже смерти (недостижимый предел),

Иван нашел свою мечту. Маленький шарик в системе тау Кита. Корабль в последний раз произвел торможение и приземлился в степи, неподалеку от ленивой, поросшей камышом речушки. Иван сбежал по пандусу на твердую землю, глубоко вздохнул, набрав полную грудь чистого душистого воздуха. Высоко под облаками носились птицы, легкий ветерок шевелил волосы. Иван, как очумелый, бегал по траве, кричал, срывал и нюхал цветы, ловил бабочек... Затем, сняв осточертевший комбинезон, сиганул с крутого берега, плюхнулся в воду.

Много воды! Потоки воды! Вот оно, счастье...

Иван наслаждался новыми впечатлениями, ощущениями. Звуки, запахи, краски — все, как во сне. Сказка наяву.

Корабль ржавел под обильными дождями и палящим летним солнцем. Его люк был сиротливо распахнут, словно приглашал: вернись, хозяин... Локаторы с неммым укором взирали на одичавшего бога. Иван не замечал, как и все счастливые, течения времени. Когда электронный разум штурмана потух, и пища перестала синтезироваться, человек смастерил лук со стрелами и затерялся в лесных просторах. Тот, в чьем кармане лежала Вечность, обрел — наконец-то! — покой.

* * *

Тело основателя покоилось на удобном ложе. На лице играла улыбка. Глаза скрыты за виртуальным шлемом. Душа его гуляет в неизведанном астрале,

созданном на основе древних легенд и импульсов его мозга. Городское Управление контролирует процессы жизнедеятельности, периодически впрыскивая в кровь необходимые питательные вещества. Да, хозяин не по доброй воле покинул реальность (его сознание отключили в лифте, по дороге к Красным воротам), но ГУ было уверено в правильности и гуманности своих действий. Транспорты не предназначены для людей. Системы жизнеобеспечения давно ликвидированы (обитатели города, пока не ушли, пользовались телепортами), а чудовищные стартовые и разгонные перегрузки буквально раздавили бы хрупкий организм.

Да, весь полет, нудные годы исканий, долгожданный результат — иллюзия. Мастерски скроенная, выполненная без сучка и задоринки. Жестоко? Нет. ГУ так не думало. Даже если бы удалось оборудовать транспорт как надо, встроить все нужные механизмы, переконструировать, внести поправки, — что бы это дало? Как бы отреагировал разум Ивана, узнав, что предмет его поиска — фикция, миф? Что нет травы, цветов, сверчков и кузнечиков, пьянящих ароматов и бесконечного лета...

ТАНЕЦ МАНЬЯКА В ЛУННУЮ НОЧЬ

«8.15 стандарт-времени. Подъем».

Эта фраза, сопровождаемая звуками «Firstarter PRODIGY», была первым, что услышал Юрий Чернов июльским утром 2101 года. Немного осталось истинных ценителей этих древних композиций конца XX века. И Чернов был одним из них. Хотелось спать, но хитроумный мозг домашнего компьютера предусмотрел и такую возможность: с окон были сняты затемняющие силовые заслоны и по глазам ударил яркий солнечный луч. Чернов понял — сопротивление бесполезно и решил подчиниться неизбежному. Пока он одевался, в голове прокручивались события вчерашнего дня: вечер в Лунном доме писателей и презентация его очередной книги. Чернов был талантливым прозаиком, работал в направлении мистического триллера, и его вещи в последнее время пользовались большим успехом.

Месяц назад Черновым заинтересовалось крупное издательство «Интербук», и вот уже роман «Демоны ночи» в модной суперобложке или в электронном варианте можно купить практически на любой из планет земной группы.

Стена спальни медленно растворилась в воздухе, выпуская хозяина в столовую. Завтракая, Чернов вполуха прослушивал сообщения, поступившие за ночь. Подавляющая их масса не представляла ничего интересного.

И вдруг:

«Уважаемый космогражданин Чернов! В настоящее время на Ваш счет поступил гонорар за первую

книгу. Мы надеемся, что дальнейшее сотрудничество будет столь же плодотворным, и переводим Вам аванс за продолжение.

Редакция издательства «Интербук».

Чернов попросил компьютер воспроизвести запись заново. Только после этого до него дошел смысл прозвучавших слов. Аванс... продолжение... Надо трудиться. В голове, как часто бывает по утрам, начали возникать идеи. Но лишь через несколько часов сформировалось нечто более-менее конкретное. Псих из «Демонов ночи» исчез с театра действий, но его должен был сменить кто-то другой, не менее ужасный и жестокий. Над его образом Чернов и задумался. Нахождение прототипов в окружающей действительности не представлялось возможным. Фантазия, и без того угасавшая, сегодня окончательно иссякла.

Такого ранее не случалось.

Озадаченный писатель попытался отвлечься, рассматривая бушующее море на стене. Пенящиеся валы разбивались о скалы, поднимая столбы брызг. Соленый привкус на губах и ветер, шевелящий волосы, дополняли иллюзию реальности.

Около полудня Чернов вышел на прогулку. Спустился с холма и двинулся по тропинке через лес. Высоко в небе пролетел флаер, направляясь в сторону города. В сознание опять закрались мысли о полном одиночестве в первозданном девственном мире, развернувшемся на многие километры вокруг. Столетие назад на месте тропинки была скоростная автострада, по которой проносились потоки машин на углеводородном топливе. И только строгий контроль позволил спасти человечество от экологической катастрофы. Во

времена Чернова на Земле не осталось ни единого предприятия, приносящего хотя бы минимальный вред биосфере: все они вынесены за пределы голубой планеты. Вдыхая ароматы соснового бора, Чернов брел по тропинке и пробовал сосредоточиться. Лес постепенно начал редеть, и в просветах между соснами Чернов увидел золотистое пшеничное поле.

Он приблизился к колышущемуся океану колосьев, немного постоял и повернул назад.

Пение птиц, стрекотанье кузнечиков и безмятежное спокойствие — все это помогало расслабиться и уйти от действительности.

Шаги . И тень на песчаной дорожке. Чернов краем глаза заметил невысокую фигуру, резко выделяющуюся на зеленом фоне. Чернов удивился: соседей у него не было. А кто из городских жителей мог додуматься в XXII веке ходить пешком по лесу?

Неожиданно человек спросил:

— Случайно не вы владелец того дома на холме?

Чернов кивнул, соглашаясь.

— Хороший дом, — со знанием дела заявил незнакомец. — Силовые поля, компьютер...

— Вас это интересует? — Чернов не был расположен к беседе.

— Я немного разбираюсь в электронике. Слышали что-нибудь о Рике Киберстайне?

Чернов отрицательно покачал головой.

— Странно. Хотя... я ничего иного от провинции и не ждал.

— Тогда зачем тут ходить?

— Я потерял работу.

Чернов внимательно оглядел своего спутника. Киберстайн был низкого роста и вдобавок слегка су-

тулился. Из-под рыжих волос, спадавших на лоб, озорно блестели живые серые глаза. В джинсовых шортах до колен и выцветшем коричневом пиджаке, накинутом поверх майки с неясным рисунком, электронщик смахивал на неформала или завсегдатая ночных клубов.

Почему-то вспомнились дефекты домашнего компьютера: частые временные сдвиги (однажды PRODIGY загремело в пять утра), сгоревшая яичница, другие неприятные и раздражающие мелочи. Чернов, поколебавшись, решил пригласить Киберстайна к себе и даже заплатить за устранение неполадок.

— Есть работенка по вашей части, — сказал он электронщику.

— Да? — оживился Киберстайн. — Серьезный ремонт?

— Не совсем.

Когда они вошли в прихожую, до боли знакомый голос пожелал приятного аппетита.

— Все ясно, — Киберстайн причмокнул, — я займусь этим.

Электронщик остановился у Чернова на неделю. Уже на второй день компьютер нормально готовил. На третий — будил вовремя. Киберстайн честно отработывал свой хлеб. Все это время Чернов пытался что-нибудь сотворить.

— Эй, Рик! — позвал он. — А ты смог бы сделать программу, пишущую книги?

— Без проблем. У меня уже был такой заказ.

— Неужели? И кто клиент?

— Ты его знаешь. Рези. Тоже триллеры строчит.

При упоминании этого псевдонима у Чернова невольно сжались кулаки. Практически каждая его но-

вая вещь автоматически возводилась в ранг бестселлера и срывала лучшие премии на литературном поприще. Все критики единодушно считали Рези гением. Миллиарды пользователей лезли в межпланетный банк данных с единственной целью: достать новую повесть Рези.

Чернов ехидно ослабился. Так вот в чем секрет его успеха!

— Рик, — он медленно и четко выговаривал слова, — я хочу себе такую штуку.

— Получишь. За определенную плату.

— Сколько угодно.

* * *

Ничего принципиально нового Киберстайн не изобрел. Он просто взялся за переработку имеющегося «материала». Через месяц домашний компьютер произвел на свет рассказ. Чернов под руководством электронщика загрузил в него сюжетную линию, идею, тему, рамки объема, авторский словарь и стилистические особенности. А дальше начался неконтролируемый процесс. Результат превзошел все ожидания. Ради достоверности Киберстайн потратил кучу денег, приобрел дорогостоящие микросхемы и научил свое детище моделировать героев и обстановку, а затем и материализовывать их, правда, ненадолго...

Электронщик запросил смехотворно малую сумму за свои услуги и удалился, оставив Чернова корпеть над алгоритмом романа.

— Мой номер в памяти видеофона, — сказал он на прощание, — звоните в случае чего.

И ушел. Чернов же проснулся на следующее утро со странным ощущением. Что-то не так. Он долго пытался понять, что же его беспокоит и, наконец, понял: тишина. Ни объявления подъема, ни музыки PRODIGY.

— Время?— спросил Чернов.

— Десять ноль пять, — как бы с неохотой отозвался компьютер.

Ясно. Электронный мозг забыл свои обязанности. Даже не перепутал, как случалось раньше. Вообще забыл.

Чернов уныло побрел на кухню, со второй попытки приготовил себе яичницу и в гробовом молчании съел ее. «Сам виноват, — заявил внутренний голос писателя. — Превратил компьютер в орудие литературной деятельности и хочешь, чтобы он готовил тебе еще и завтраки. Так не бывает».

Между тем море в столовой сменилось неприглядным изображением грязного и мрачного переулочка, в лужах которого отражался диск луны. По небу ползли облака, в которых ночное светило периодически исчезало. Новорожденный автор приступил к творчеству: затемнены заслоны, в доме полумрак, по комнатам ходят призраки героев.

Чернов принял единственно правильное, как ему думалось, решение — переселиться (временно) в город. Что он и сделал.

Примерно через неделю писатель вернулся с целью проверить, как продвигается роман. Его встретили вполне реальные персонажи, один из них даже вежливо осведомился:

— Чем могу быть полезен?

— Пока ничем, — ответил хозяин и прошел в комнату, где непосредственно располагался компьютер. На дисплее мелькали слова и предложения, из принтера вылезали листы с текстом. Куча этих листов была разбросана по полу. Чернов все подобрал, аккуратно сложил, с учетом нумераций, и принялся за чтение. Электронный прозаик настроил уже пять глав, по десятку страниц каждая, и в любой строчке, в любом речевом обороте, Чернов узнавал себя. Пока он, присев на корточки и согнувшись, вживался в действие романа, вокруг сновали действующие лица (преступники и полицейские, домохозяйки и адвокаты, военные и простые рабочие) и жизнь, пусть смоделированная, не прекращалась ни на минуту.

Чернов забрал листы и снова уехал в город. Развлекался — ходил в ночные клубы, рестораны, путешествовал по «виртуалке» — одним словом, тратил деньги.

Но так вечно продолжаться не могло.

* * *

Все небо затянуло тучами, и этот свинец, погромыхая, навис над головой. Вечерело. Подул ветер.

Чернов шел по старой знакомой тропинке, между высоких сосен. В лесу вдруг стало как-то неуютно и холодно. Потянуло сыростью. Вверху, в клубящейся серости, сверкнула молния, протянула свои длинные корявые пальцы на восток... И вот уже первые капли на щеках, и пыль под ногами сворачивается в грязные шарики...

Чернов зашагал быстрее. Он добрался до дома через четверть часа, когда ливень уже хлестал вовсю. Род-

ное жилище сильно изменилось. Из современного здания (пластик, сталь, встроенные иллюзаторы, спутниковая антенна) оно превратилось в старинный особняк из камня и дерева. Неуклюжая мрачная громадина смотрела на писателя пустыми глазницами чердачных окон с выбитыми стеклами.

«Ну, это уж слишком», — думал Чернов, поднимаясь по скрипучим ступеням крыльца и стучая в дверь деревянным молоточком. Никто не открыл. Явно, дело движется к кульминации, понял опытный прозаик. Снова постучал, в нерешительности потоптался на месте и нажал на дверную ручку. Не заперто.

Внутри — сумерки, и горят свечи. В соседнем зале пылает камин, весело трещат дрова. Тепло и приятно. Немного в стороне из темноты угла выглядывает светящийся квадратик, по которому бегут ряды строчек. С шелестом из коробки принтера выпала очередная распечатка. Описав в воздухе замысловатую дугу, она упала прямо на колени писателя. Это был отрывок из последней главы романа.

— 278 —

... вечерело.

Глава 32

Танец

Последний выживший, ни о чем не подозревая, отправился прямо в логово маньяка. Сверкали молнии, и дождь лил, как из ведра. В старом доме часы пробили полночь. Каннибалус ждал...

Чернов оторвался от текста. Что же это такое? Его обиталище — «логово маньяка»? Дождь, молнии — совпадение? Или погода — тоже модель? Нет, Чернов знал, что это не так. Гроза, туча, ливень — все реально. Подтверждение тому — мокрые волосы на голове и влажная рубашка. Значит, компьютер материализовал все это? А дальше что? Неужели... он сотворит... нет, не посмеет.

Пробило полночь. Чернов внутренне содрогнулся — все идет по плану. В окно заглянул печальный глаз ночного светила. Строчки на дисплее замерли — компьютер остановился. Одновременно с этим в холле некто зашевелился и замок входной двери защелкнулся. Писатель вздрогнул. Лоб покрылся холодной испариной.

— Чего я боюсь? — прошептали губы. — Ведь это же все понарошку. Курсор на дисплее вновь ожил, являя миру слова, точки, запятые. Чернов подался вперед, глаза уперлись в экран.

— 279 —

...он называл это танцем. Когда один на один с жертвой, и она чувствует тебя. Танец смерти.

Дверь захлопнулась. В руке топор...

Боже! Опасный маньяк идет сюда, вооруженный топаром. Если он материален... А что касается жертвы — ей мог быть только один человек — сам Чернов!

— Эй! — закричал писатель. — Проклятая железяка! Немедленно прекращай! Слышишь?.. Роман отменяется!

...жертва истступленно кричит, — вывел курсор.

— Ты не понял?!

Он — все ближе.

Чернов вскочил с кресла, подбежал к компьютеру и начал выстукивать на клавиатуре:

СРОЧНОЕ СВЕРТЫВАЕИЕ ПРОГРАММЫ. НЕ-
МЕДЛЕН...

Курсор застыл.

Дверь скрипнула — и писатель резко обернулся. Черный прямоугольник, а на полу — тень. За спиной до смерти перепуганного человека железный автор продолжал творить. Да, он был действительно железным: ни одна микросхема не ощутила укол жалости. Имело смысл лишь задание — написать роман. Алгоритм введен, процесс в разгаре... «Самое ужасное, — вертелось в голове, — что убийце предоставлена полная свобода. Чертов металлолом лишь записывает то, что видит».

Чернов дико закричал и устремился на второй этаж. Надо позвонить Киберстайну. Где видеофон?

Писатель заперся у себя в спальне. Видеофона не было. С трудом удалось нащупать выключатель и зажечь настольную лампу. Однако, тут же громовой раскат сотряс стены и крышу дома, а зигзаг молнии ударил в неизвестно откуда взявшийся столб. Провода оборвались, лампа погасла. Чернов оказался в абсолютной темноте. Только этого не хватало. Приложившись к замочной скважине, писатель напряженно вслушивался. Нигде ничего... В покое, что ли, оставил? Нет, так не бывает. Романы и повести Чернова обычно заканчиваются трагедией. А ведь все их тексты Киберстайн загрузил...

Вспышка молнии на краткий миг осветила комнату. Чернов успел рассмотреть старенький платяной шкаф в углу, кровать, стул с высокой спинкой, книжные полки... Затем все пожрала тьма. Остались лишь очертания и мысленный образ, который постепенно таял.

Надо что-то делать. Надо выбираться отсюда. Нельзя же просто сидеть, ожидая, когда безумный маньяк появится рядом, взмахнет своим топором... Топор. А у компьютера большая фантазия.

Нет, не у компьютера. У Чернова. Стиль, идеи, понятие о триллере — все черновское. Такие, как он и Киберстайн вдыхают жизнь в груды микросхем и процессоров, а после... после собирают урожай.

За окном силуэт. С треском раскалывается рама в середине окна, ее крестовина разлетается в щепки. Звон стекла, небо в трещинах. Второй удар. Снова звон и осколки тонут во мраке. Чернов закричал. «Замолчи, идиот, — осадил внутренний голос. — Кто тебя услышит?» Луна вынырнула из-за туч, и тонкая светящаяся дорожка легла у ног писателя. Предметы теперь отбрасывали странные ломаные тени.

Каннибалус ступил на подоконник, затем нога его согнулась в колене, и каблук со стуком коснулся пола. Лезвие страшного орудия зловеще переливалось в призрачном голубом пламени. Чернов дернул засов на двери, тот со скрипом и лязгом поддался. Нажал на ручку. Обернулся.

Чудом, рефлекторно, шея успела согнуться. Острая дуга, оттяпав мочку уха, глубоко вонзилась в дерево. Стиснув зубы, Чернов ухватился за топориче и попытался вытянуть. Не тут-то было. Слишком сильный бросок.

В тот момент, когда силуэт устремился на дверь (время, чтобы ее открыть, уже истекло). Чернов отпрыгнул в сторону, разбежался и ласточкой нырнул в изрезанную дыру окна. И приземлился на балконе, тянущемся вдоль всего дома на уровне второго этажа, больно ударившись и вывихнув плечо.

С уха на костюме капала кровь.

«Быстро встань и иди!»

Чернов с трудом поднялся и пошел. Что теперь? Прыгать вниз? Он перегнулся через перила, смерил расстояние — метра четыре. Вот только кусты, камни да откос холма. «На крышу. Оттуда на чердак, в дом. Отключить компьютер».

Перебежал на северную сторону дома, попутно вымокнув до нитки, нашел лестницу, прислонил к стене, морщась от боли. Полез.

Нога соскользнула, поехала вниз...

Это конец.

Последнее, что увидел Чернов — луна, дождь и безумие в глазах маньяка.

— 280 —

...Он закопал труп писателя у подножия холма.

Июль, 2101 г.

* * *

Очередная книга знаменитого мастера триллеров Юрия Чернова «Танец маньяка в лунную ночь» (продолжение «Демонов») неожиданно оказалась настоящей сенсацией. Роман выполнен в лучших традициях

жанра, напряженная атмосфера на всем его протяжении сочетается с тщательно выписанными деталями. Издательство «Интербук» уже выпустило электронную версию этого шедевра. Читайте и наслаждайтесь.

«Межпланетная литература», август 2101 г.

* * *

Киберстайн шел по давно забытой тропинке среди сосен. Было свежо и росно — видимо, после дождя.

— Вы не подскажете в какой стороне город? — лицо человека, идущего навстречу, было приятным и добрым, располагающим к себе. Вежливая улыбка играла на губах.

— С удовольствием, — рука уже вытянулась в нужном направлении, — прямо по тропинке, потом пересечете пшеничное поле, а там сами увидите.

— Огромное спасибо.

Незнакомец уже сделал пару шагов, когда Киберстайн окликнул его.

— Эй! Вы были у Чернова?

— Да. Я его близкий друг.

— Он сейчас у себя?

— Боюсь, что нет. Улетел отдыхать.

— Вот досада!.. В таком случае мне придется составить вам, компанию. Я возвращаюсь назад.

И они вместе побрели по тропинке, беседа, как старые приятели.

ВЛАСТЕЛИНЫ ПОГОДЫ

По сравнению с другими цивилизованными мирами Земля — уникальное место. И уникально оно вовсе не своим расположением или населением (хотя они тоже неповторимы). Дело в том, что Земля — единственное место в Галактике, где погода полностью контролируется разумом.

Кое-как влияют на климат в Галактической Республике и в Системе Бетельгейзе. Но наибольшего размаха достигли земляне. И потому, наверное, что это давнишняя мечта многих людей — щелкнуть пальцами и сказать: «Да будет свет!»

В 3085 году от рождества Христова это стало возможным.

* * *

Елена Сартарская в числе прочих сотрудников Центра Управления Климатом стояла у входа в ангар. Это был, по сути, миниатюрный закрытый космодром, предназначенный для посадки кораблей малого типа, а также флаеров, скуттеров и прочих летательных аппаратов.

Все земные метеорологи ждали делегацию с Рэнгтора, столичной планеты Галактической Республики. Похоже, сенат все-таки решил уделить погоде более пристальное внимание. И вот на земной орбите вращался рэнгторианский корабль. Оттуда в Центр сообщили, что делегация прибудет на планетарном катере.

Створки люка вверху разошлись. Через круглое отверстие был виден кусочек голубого неба с мед-

ленноплывущими облаками. Из-под них вынырнул катер, быстро увеличился в размерах, заслонив собой все. На кормовых двигателях он спустился в ангар, на миг застыв над полом, и тихо приземлился.

— Свершилось, — сказал парень, стоявший рядом с Еленой. — Небывалые возможности. С колоссальным могуществом Рэнгтора...

Из катера вышло несколько рэнгов — типичных представителей своего мира: высоких, властных и надменных.

После короткого обмена приветствиями метеорологи повели их на экскурсию по Центру. Сначала все шло вроде бы нормально. А дальше события развивались с молниеносной быстротой.

В общей суматохе все позабыли про катер. И, конечно же, никто не догадался испросить у прибывших документы или идентификационные пластинки. Достаточным считался сам факт, что высокие гости — рэнги. А гости достали бластеры и захватили помещение главного терминала. По всему Центру тихо-мирно распространились сообщники псевдопосланцев. За спиной Елены выросла слоноподобная фигура альтаирца, в каждой из четырех рук которого было по лучемету.

— Спокойно, — пробасил он, — это захват.

* * *

С моря дул теплый ветерок. Обычная тропическая жара. Кэрл мог бы отгородиться от всего этого энергополем и создать свой микроклимат, привычный и родной — умеренный. Но Кэрл не делал этого. Он во всем любил естественность. И дело вовсе не в старо-

модном воспитании. Родных Кэрла, — отца и мать, братьев и сестер, короче, Сартарских, можно было встретить по всему Союзу, у каждого было свое призвание. Испокон веку в их роду преобладали прогрессивные взгляды. Кэрл был биологом. Он терпеть не мог большинства технических новинок и пользовался ими только в случае крайней необходимости.

Больше всего он не выносил управление погодой. Хотя привык мириться с этим. Конечно, вещь полезная. Но биолога все время грызло предчувствие, что когда-нибудь это обернется против создателей...

— Время? — спросил он.

— Пятнадцать двадцать, три и две секунды, — ответили часы-перстень на мизинце.

«Странно, — подумал биолог, — в это время здесь уже всю бушует ливень. Сегодня ведь вторник? Все верно. По вторникам дождь начинается в полдень».

Солнце все так же светило с чистого голубого неба. Ни облачка. Океан искрился под яркими лучами, словно усыпанный бриллиантами. Но это ненормально! По вторникам во второй половине дня должен быть дождь. За этим тщательно следит Погодный Центр. Или уже не следит?

Кэрл был одновременно и раздражен, и доволен. Раздражен потому, что не было дождя. А доволен потому, что сможет сказать жене при следующей встрече: «Вот видишь, вы не всеильны!» Елена работала в Центре Управления Климатом метеорологом-оператором. Неделю она дежурила там, а в воскресенье на всю следующую неделю прилетала к мужу на Восточное Самоа, где он руководил новым биологинеским проектом.

— Пора на работу, — напомнили часы.

Скоростной глиссер за два часа донес Кэрла к атоллу Роз, где располагалась исследовательская база. Весь день он был занят: следил за ростом искусственно выведенных кораллов. В его обязанности входил контроль за ними. Никто не представлял, что будет, если откажет техника или начнется неуправляемый рост...

А утром по стереовидению Кэрл узнал, что ВДК захвачен пиратами. Их капитан потребовал к себе репортеров и заявил на всю планету, что если через три земных оборота ему не предоставят пять миллиардов кредитов (валюта Союзных Солнц уважалась в Галактике), он попросту начнет экспериментировать с климатом.

Минут пять Кэрл не мог прийти в себя. Погода в руках у пиратов?! И его жена в числе заложников.

— И куда только смотрит Департамент Безопасности? — возмутился кто-то.

— И Космофлот, — поддакнули ему.

«Надо что-то делать, — подумал Кэрл. — Надо лететь в Терраполис». Отец Кэрла командовал Объединенным Космофлотом Союзных Солнц. Сейчас его ставка временно размещалась в земной столице. Кэрл был уверен, что отец уже действует. Но если это не так, если Космофлот и Департамент бессильны, Кэрл найдет того, кто сможет помочь.

* * *

Когда солнце достигло зенита, внизу показался первый из островов архипелага Фиджи. В этой части Тихого океана возникла столица Земли, самый боль-

шой город Союзных Солнц — Терраполис. За много километров были видны знаменитые древние небоскребы и монументы Первопроходцев, и пик телецентра, и Звездная Арка на острове Вануа-Леву, перекинувшаяся, словно радуга, с одного берега Залива Победы на другой. Именно здесь когда-то, почти тысячелетие назад, после долгой войны, приземлился корабль Галактической Республики и был подписан исторический документ, по которому Рэнгтор принимал землян как равных и обязывался не посягать на системы Солнца и Центавра.

Залив был похож на пасть хищного животного. Кэрл посадил свой флаер на южном берегу близ сектора Наинди. Это был один из самых старых районов острова. Здесь родовое гнездо Сартарских — огромный дом из камня и дерева, построенный еще в конце двадцатого века. Казалось, время не властно над ним. Правда, иногда приходилось заменять отдельные участки, но это делалось так аккуратно, что было почти незаметно.

Кэрл поднялся по ступенькам и оказался перед массивной дверью из пластика, имитирующего дуб. Кэрл прикоснулся к опознавательной панели и назвал свое имя. Потом взялся за рельефную ручку и открыл дверь. В обширном холле, как всегда, царили тишина и полумрак. Навстречу гостю спустился Патрик — слуга-андроид, помнивший многие поколения Сартарских.

— Привет, Кэрл. Отца нет дома. Он оставил для тебя сообщение.

Кэрл поднялся наверх и прочитал оставленную отцом записку в домашнем компьютере. Вот что там было написано:

«Кэрл, меня весь день не будет дома. Работаю над захватом ЦУК.

Алексин Сартарский».

* * *

У Алексина Сартарского, командующего Космофлотом, были многочисленные связи во всех высших органах власти и «силовых структурах». Кэрл не сомневался, что отец может справиться с пиратами. Но ситуация была неординарная. С захватом заложников и важных центров Земля не сталкивалась уже давно. Несмотря на то, что Союзные Солнца — довольно маленькое государство, флот у него мощный и в случае необходимости совладевает и с пиратами, и с захватчиками (это было успешно доказано во Второй Космической войне). Кроме флота еще был ДБЗ (Департамент Безопасности Земли), Межпланетная и Планетарная полиции, а также элитный отряд десантников. «Наверняка, — думал биолог, — не пройдет и полдня, как бандиты в полном составе отправятся в суд, а затем — на астероиды».

Кэрл в этом не допускал и тени сомнений. Ведь он — Сартарский, сын самого могущественного человека в Союзе...

Отец вернулся поздно вечером. Вместе с ним прилетел брат Кэрла — Эрлон. Многие Сартарские не могли быстро добраться до столицы — они попросту были за пределами Земли.

Алексин устало поздоровался с сыном.

— Ну что? — с ходу спросил Кэрл.

— Ничего хорошего, — мрачно ответил адми-

рал. — Пираты держат заложников под прицелом. Более того, они могут начать изменение климата. Земля может превратиться во что угодно от раскаленного кратера до ледяной пустыни. Эвакуировать население нереально.

— Тогда почему флот не атакует? Вряд ли они посмеют...

— Посмеют. Они установили в Центре радары и локаторы, «осматривающие» пространство в радиусе ста километров. Это, конечно, слабые локаторы и расстояние маленькое, но чтобы его преодолеть воздушным крейсерам или флаерам, понадобится некоторое время. А его у нас нет.

Вот так ситуация. Неужели придется платить?

— Я знаю людей, которым по плечу эта задачка, — сказал Эрлон.

* * *

Тэсино довольно быстро удалось обнаружить в Лунаграде — он наслаждался видом Карпат из кратера Коперника. Конечно, он слышал о недавних событиях, но его это мало волновало — пираты не были властны над спутником Земли. К нему сразу пришел интерес, когда Эрлон предложил кругленькую сумму в кредах.

Оставалось найти еще двоих.

Стази уже полгода обитал на жилой станции в окрестностях Земли.

Э-Зард объявился только к концу первого дня ультиматума. Когда наконец все члены «Вольвокса» собрались в доме Сартарских, до истечения срока оставалось двое суток...

Это были три абсолютно разные человека. Тэсино — великолепный боец, мастер рукопашного боя, среднего роста, но хорошо сложенный, и, несмотря на длительный отдых, в отличной физической форме. Стази — бывший карнадинец и наемник. Он был не так хорош в драке, зато — отличный спец в вооружении и стрелок. Э-Зард — что-то вроде мозгового центра; он руководил своими партнерами дистанционно и, будучи одним из лучших программистов и кибернетиков в Солнечной системе, разбирался в электронике. В экстренных ситуациях все трое могли действовать как единое целое.

— Почему «Вольвокс»? — спросил Кэрл.

— Это вид простейших, — объяснил кибернетик. — Особенностью их существования является объединение в колонии.

— А теперь — к делу, — перебил их Алексин. — Вы знаете, что от вас требуется?

— Да, — кивнул Э-Зард. — Любым способом выбить пиратов из Центра.

— Без жертв, — добавил Алексин. — Вы знаете, что он собой представляет?

— Приблизительно. Летающая хреновина, с которой посылаются сигналы-команды погодным спутникам. Мы будем знать больше, если вы дадите нам код доступа к Большому Супермозгу.

— Что? — Алексин вздрогнул. — Но это невозможно. К Мозгу не допускают первого встречного...

— Послушайте, — в голосе кибернетика зазвучали резкие нотки, — вы хотите, чтобы мы за сорок восемь часов сделали то, что не может Космофлот и полиция. При этом мы даже не видели схемы ЦУКа. Так

вот: либо вы даете нам доступ к Супермозгу, либо мы возвращаем вам деньги и разлетаемся по домам.

Молчание. С адмиралом Объединенного Космофлота еще никто так не разговаривал. Алексин долго рассматривал программиста, прежде чем сказать:

— Хорошо. Я поговорю кое с кем. Но я ничего не обещаю... Я не властен над всей Землей.

Э-Зард улыбнулся. У Кэрла возникло ощущение, что кибернетик с самого начала знал, что делать.

* * *

На следующий день «Вольвокс» получил доступ к Большому Супермозгу. Войти в него можно было прямо из кабинета Алексина при помощи домашнего компьютера. Убедившись, что с ним действительно разговаривает Мозг, кибернетик первым делом вывел на экран схему ЦУКа.

— Объемный план? — поинтересовался Супермозг.

— Да.

В центре кабинета возник голографический цилиндр; сверху вниз прошла линия разреза, и цилиндр раскрылся, словно грецкий орех. Было отчетливо видно три сектора. Верхний увеличился в размерах, представ во всех деталях.

— Это — ангар, — пояснил Мозг.

Прямо в воздухе замелькали цифры и буквы — данные о параметрах ангара, его вместительности и технической оснащенности. Когда Э-Зард внимательно изучил весь сектор, он сказал:

— Дальше.

Ангар снова уменьшился и стал на свое место. И вот — увеличился следующий, средний сектор, — именно оттуда велось управление спутниками. И, наконец, в самом низу был жилой сектор.

— Центр оснащен пушками или еще каким-либо вооружением?

— Информация засекречена, — ответил Мозг.

— Кто владеет этой информацией кроме тебя?

— Один человек.

— Имя?

— Алексин Сартарский.

Э-Зард повернулся к адмиралу.

— Ладно, — сказал тот, — чего уж теперь. Не вдаваясь в подробности, ЦУК — настоящая крепость. Будучи еще много лет назад полковником Департамента Безопасности, я лично возглавил проект его вооружения.

Стази присвистнул:

— Чем дальше в лес...

— Интересно, — перебил его Э-Зард, — как же пираты взяли эту крепость?

— Просто до гениальности. Они представились как делегация метеорологов с Рэнгтора и вошли в Центр буквально с почестями.

— По-моему, я узнаю стиль, — пробормотал Тэ-сино.

Неожиданно рядом с планом ЦУКа возникла другая картинка — арктурианин, с любопытством рассматривающий собравшихся.

— Вар Стаг, — узнал Тэсино.

— Приятно встретиться со старыми друзьями, — пират посмотрел на призрачный цилиндр. — Я вижу,

Сартарские подняли уже всех на ноги. Но на этот раз придется платить. Думаю, вы уже знаете, что такое ЦУК. Я владею пушками, погодой и членом вашей семьи. Решил вам напомнить: осталось всего сорок два часа. Так что поторопитесь.

Он исчез.

Э-Зард посидел немного молча, затем спросил:

— Каково сейчас местонахождение Центра?

Ответил Мозг:

— Он пролетает над Индийским океаном, на высоте около тысячи метров.

На следующее утро кибернетик облегченно откинулся в кресле и провозгласил:

— Думаю, дальше наше участие не потребуется. Вполне хватит и отряда солдат ДБЗ. Я решил задачу.

— И как же? — спросил Алексин.

— Очень просто. Самый безопасный способ попасть в ЦУК — это вернуться в прошлое, в то время, когда пиратов еще не было. Компьютеры Теморального Института без труда вычислят отрезок, в который можно забросить любое количество человек. Нужно всего лишь знать день, час, минуту и секунду, когда Центр окажется в той же точке, что и хронотрон.

— Как вы догадались? — удивился Кэрл.

— Элементарно. Из истории вы знаете, что человеческие изобретения можно так перевернуть, что их не узнает сам творец. Когда впервые удалось расщепить атом, вряд ли кто думал, что появится ядерное оружие. Когда дошли до лазерного луча, никто не предполагал, что через века им будут оснащены военные космические корабли. А пираты смогли повернуть управление погодой против человека. И я решил: а что

если еще какое-либо новшество удастся перевернуть? Естественно, не как оружие, а как транспортное средство. Я запросил у Супермозга список транспортных средств и их рейтинг распространенности — на последнем месте оказался хронотрон или машина времени. Исходя из постулата, что на время влияет гравитация, я пришел к выводу, что путешественника не может вынести в космос. Но ЦУК — не в открытом космосе. Он летает вблизи поверхности планеты. Я связался с Институтом Времени, и ученые подтвердили, что теоретически с его помощью можно перемещаться в пространстве. Я убедил их провести эксперимент, после которого это можно было бы утверждать на сто процентов. Они избрали по моей просьбе конечной целью летающий Центр, вычислили момент, когда он окажется там же, где и Институт, запустили в прошлое робота. Он вернулся и сказал, что был в ЦУКе. Вот и все.

— Как все? — удивился Кэрл. — Но это же классический временной парадокс: то, что произошло, не могло произойти, так как ранее произошло другое, явившееся следствием первого.

— Верно, — сказал кибернетик, направляясь к двери. — Все так и будет, вернее, — было, если Институт перекинет на Центр ваших солдат. Старая добрая Темпоральная теория.

— Вот именно — если, — подчеркнул Алексин. — А вдруг Институт не согласится? Его независимость утверждена давно. Над ней не властен ни я, ни Совет. Вообще никто.

— Ну, это уж ваши заботы, — усмехнулся Э-Зард. — По-моему, лучше все-таки заплатить Инсти-

туту, чем Вар Стагу, тем более, что у ученых потребности гораздо скромнее.

* * *

Вар Стаг ввел катер прямо в распахнутый люк ангара. Аппарат мягко приземлился, двигатели стихли.

— Давайте, парни, — сказал он.

Четверо пиратов-рэнгов спустились в воздушный шлюз и вышли наружу. Приветственных речей слышно не было. Стаг подождал минут пять, затем включил обзорные экраны и убрал звукоизоляцию.

Все стало ясно. Несколько десятков вооруженных солдат ждали его выхода.

А пути назад уже не было.

ПОВЕСТЬ

ОНИ

1.0 (5.05.2164)

Кто окрестил нас «собачниками» — не знаю. Просекли, уроды, — есть что-то общее. Отлавливаем и уничтожаем. Или нас... Как получится. У нас с партнером пока в норме: выживаем, план выполняем, гонорары получаем — за «скальпы». Я — более по практической части, на улицах, а кореш мой — сетевик. Идеальная психологическая совместимость, боевой тандем — закачаешься. Только вот не ценят, клеют ярлыки, субсидии хотят урезать. А зря. Мы ведь — как те спартанцы: в узкой теснине против целой армии. А с тыла еще и свои щемят (куда идут наши налоги?). Официально — «Отдел по борьбе с кибернетическими аномалиями» является внебюджетным сынишкой Департамента Безопасности. То есть филиалом. Постоянный штат — сотня спецов. Плюс — мы, вольные наемники: сегодня — здесь, завтра — там. Основная ударная сила. Тут уж никакой семьи и вкусных блинчиков — в любое время суток: «По коням, хлопцы!», и ты подрываешься, как буденовец. Ясный болт, что удобнее в мобильном режиме (фургон на воздушной подушке) — и врагу трудней сориентироваться, и с соседями проблем никаких. Это мы с Шурриком осознали после столкновения с активом 17 блока Нефритовой башни — народ зачислил в «голубые».

Через месяц мы напоролись на «соска» — паразит, засел в подземном гаражном царстве и оттуда управлял коммуникациями четырехсотэтажного жилкомплекса. Меня он отправил в свободное падение по лифтовой шахте. Спас Шурик, отреагировавший на мой звонок: кабина застряла в метре от земли... С тех пор и катаемся на фургоне.

Теперь о себе.

Зовут меня Костя Видоплясов. Я раньше в Интерполе служил, а до того — «краповым беретом» на Бирме; работал строителем-монтажником (пока не сократили — спасибо киберам) и промышленным альпинистом в *Спецназе* (Страховка — мама, карабин — папа). В общем, насмотрелся всякого и с большой высоты. А в прошлом году президент Белополиса своим указом сформировал Отдел, но, как выяснилось, свежий орган был «недостаточно гибок». Тогда открылся зеленый свет наемникам — я и подал заявление. Тесты, проверки, сканирование, сличение, беседы с психологом — неприятный осадок. Но меня приняли, то есть выдали лицензию на отстрел и отлов (что, в принципе, одно и то же). Затем появился Шурик — виртуалка не моя стихия, а он там, как рыба в воде. Зачастую, чтобы завалить «соска», достаточно взломать его мозги — своеобразный биокомпьютер, качающий, жрущий нашу информацию. Иная песня — подвижные кибероиды; «примитивы» — это моя работа.

Сейчас мы дрейфуем в фургоне по краю Полесской зоны. Здесь цивилизация с дикостью встречается, лесные участки — жалкая мутирующая флора. Радиоактивные болота, биотические отходы, свалки — сплошная дрянь, и ее — гектары. Рассадник для му-

тов, кибероидов (мы называли их «крысами») и маргиналов. Разместилось тут и несколько промышленных предприятий и даже грузовой космодром. Плюс кладбище дизелей, частные ремонтные мастерские и лаборатории Института Гинетических модификаций — нашего кровного врага. Неподалеку курсировала гостиница «До» — притон ламеров и наркодиллеров.

Фургон проплывает над растресканной мостовой заброшенных кварталов (тут местами счетчик Гейгера зашкаливает), а я набираю текст — свою краткую биографию. Хочу заделать сначала по старинке — в мультимедийном варианте.

— Эй, Костик, чем занимаешься?

— Наследием.

Партнер недоумно глядит на меня поверх очков.

— Чем-чем?

Я объясняю:

— Шура, все люди смертны. Согласен?

Кивает.

— А «собачники» — группа риска.

— Не «собачники», — обиделся партнер. — Санитары.

— Санитары, — перебил я, — это — дятлы. Санитары леса... Еще — в дурке мужики в белых халатах и со смирительными рубашками наготове. А мы — «собачники». Так говорит народ, — делаю театральную паузу.

— Значит, после меня, кроме праха в урне, ничего не останется. А так — загружу себя, любимого, в Сеть, и Константина Видоплясова еще долго будут помнить.

Шурик захохотал.

— Если твоим файлом «сосок» не позавтракает!
— «Соски» жрут только то, что перемещается. А я — на платный сайтик, как литературное произведение. С запретом на скачивание.

Шурик посерьезнел.

— «Соски» нынче продвинутые, Костя. Везде лезут. И взломы организывают почище хакеров и спецвиров.

— Да ну?!

— Эволюция.

— Клина поймал? Это же не животные.

— Еще какие животные... ИГМ скрестил бульдога с носорогом — машину с биологическим организмом, а нам теперь расхлебывать. Они, вроде, и размножаться как-то научились, и развиваются потихоньку...

— Откуда ты знаешь?

— Сеть, Костя... Чатуюсь с другими охотниками — Митрицким, Ковшом, Вертером. «Примитивы», кстати, тоже усложняются.

Я насторожился:

— А поконкретней?

— Бегают резвее. Новыми органами чувств обзавелись. Регенерацию осваивают.

— Во гады! — Я закрываю «окошко» текстового редактора и задумчивозираю на окружающие ландшафты. Проплываем мимо каркаса недостроенного ретранслятора — исторического памятника с полувекковым стажем. Отсюда любят прыгать экстремалы — с парашютом, разумеется. Выходит, сооружение и вовсе культовое: сюда совершают паломничества, а иногда возлагают цветы — в память о сгинувших прикурках.

— Хочешь пива? — Шурик кидает мне банку «Любаньского».

Ловлю: светлое, троечка.

— Уже сутки нет вызова, — вскрываю банку. Глоток. — Неужто «крысы» повымирили?

— Вряд ли, — скривился Шурик. — Скорее мы сдохнем.

— Еще посмотрим, кто кого.

Глоток.

— Классное пиво.

— Угу, — бурчит Шурик, изнывая от жары.

Кондиционер не пашет, а опустишь стекло — в нос ударит стойкий аромат мусорозавода. Это вам не Сити, не деловой сектор Минской зоны.

— Пора «скальпы» снимать, — говорю я. — Кредитка отошала.

— Моя на нуле.

Я с тоской сминаю опустевшую банку и запускаю жестяной шарик в конвертер. Спейс-джет...

— Еще есть?

— Последняя.

Горе наложило отпечаток на наши лица.

— Ты чего не бреешься, Костя? В падлу кремом помазаться?

— Заткнись! И так тошно...

— Это твой новым стиль? — не понимаетя напарник.

— Да. Робинзон Крузо — мой кумир и секс-символ.

— А митрополит?

— Тоже.

Мы распили последнюю банку.

— Гамовер, — сказал Шурик,

— Засуха, — согласился я.

«До» навязчиво маячила впереди, а ее цифровой дубль — в сетке навигационного монитора. Мы тащились с примерно одинаковой скоростью, как приклеенные. По вертикали нас разделяло шесть уровней воздушных коридоров. «До» чем-то напоминала мне смесь ступенчатого торта с утюгом. Странная ассоциация...

— Хвост в хвост, — заметил Шурик.

— Возьмем на бордаж?

Партнер заинтересовался.

— Кто там заправляет?

— Чебурек, кажись,

— Кто?

— Гасан Рахматов. Авторитетный человек, держит Заднепровский рынок в Могилевекой зоне,

— Это где шмотки с насвайчиком?

— Угадал.

Вижу — задумался виртуальный орел. Не подпасть бы задницу.

— Вкусное было пиво, — подзуживаю я.

— Сам дурак.

Молчим.

— Твой план? — наконец решился Шурик.

— Ставим глушак и мирно предлагаем свои дорогостоящие услуги. У них ведь через спутники связь? А тут — помехи, взбрыки электромагнитные, смещение каналов... Сеть не доступна. Не иначе, «сосок» поработал. Кто поможет? «Собачники».

Шурик побагровел. Уважает свою профессию... Я тоже. Правда, не держу пламенные чувства на поверхности.

— Ладно, — иду на замирение. — Пусть санитары. Дворники или пожарники. Без разницы. Главное — условных единичек раздобыть.

В этом мы солидарны,

— Не дотянемся, — сказал Шурик. — Мы же не птички. Шесть уровней все-таки.

— Знаю. А фургону и на второй не взобраться. Приземленная машина.

— Гениальное — рядом.

Мой любимый лозунг: отсутствие денег заставляет работать мозги. Следовательно, всеобщее счастье ведет к кретинизму (маленькое лирическое отступление).

Короче, я думаю. Шурик тоже думает. Мусорозавод успевает скрыться в лабиринте складов и хранилищ, а ретранслятор по-прежнему торчит на горизонте, снуют туда-сюда платформы с готовой продукцией и упакованными экологически чистыми отходами.

— У них же есть подъемник, — вспомнил я. — Зацепят по вызову.

— А глушак?

— Нет проблем.

Я достаю свое метательное орудие, шедевр огнестрельного искусства: четырехствольный «винчестер» с плавающим калибром. Чудо-вещь. Благодаря активным молекулярным структурам и легкому программированию через биоинтерфейс ствол подгоняется под любой патрон и даже снаряд — хоть на третью мировую с такой пушкой. Несмотря на внушительные размеры, «винт» не отягощает руку, при желании разбирается на отдельно функционирующие части, удобен в обращении. Нулевая отдача. Скорострельность и

пробойная сила регулируется. Для слепых — автона-
ведение. Индикатор опасности. Вдобавок — приятный
собеседник, общается с тобой хоть в аудиорежиме, хоть
бегущей строкой на выдвижном экранчике (по обстоя-
тельствам). Помогает добрым советом. Лучший друг
человека. В Отделе такое не выдают — это трофей. Я,
когда легом в Интерполе пахал, конфисковал его у
чеченского киллера, Тот, по слухам, жаждал завалить
питерского мэра — за доброе, душевное отношение и
«лицам кавказской национальности»...

Открываю люк на крыше фургона. Вылезаю. Шу-
рик подает мне «винчестер» и болваночку глушака.
Заряжаю, подаю мыслекоманду — один из стволов
расширяется.

— Ближе! — кричу Шурику.

Фургон заскользил быстрее, почти коснулся тени,
отбрасываемой «До». Глушак — генератор искаже-
ний — отправился по настильной траектории к нагро-
мождению спутниковых «тарелок». Есть контакт.

— Готово, — спускаюсь в кабину,

— Молодец, — хвалит Шурик. — Теперь будем
слушать.

2. 0 (505. 2164)

Подключаюсь к сети, ныряю в цифровой омут.

Видоплясов круто придумал — потрясти Чебуре-
ка. Все равно, что нагадить, а после — убраться за со-
бой. Костя — мужик что надо. Идеи из него так и прут...
Вы не думайте, что я тоже решил заняться мемуарами
(или дневником). Ни фига. Просто — ради порядка.
Сильно дисциплинирует. Например, Костя и поря-

док — вещи не совместимые, как телега с компьютером или шахтер с балериной. Я — другое дело...

Прорываю виртуальную диафрагму. Я в предстевом пространстве. Добро пожаловать в мир информационной лажи... Мчусь на спутник, а оттуда — в локальную систему «До», стучусь тихонечко. И стою у двери... А мне не открывают. Ничего, вломлюсь с буром на лихих диффузных софтах. Помехи сейчас играют за мою команду. Один — ноль.

Агония. Хакерская группа Чебурека лихорадочно пытается просечь фишку. Я читаю их сообщения:

Не пробиться на орбиту. Причина не установлена. Вован.

Частичные локальные сбои. Гоголь.

Перекрыты каналы сотовой связи...

Не качается...

Ах, бедняжки!

Вынырываю в пенные буруны реальности. Точнее, в жару и тяжелый спертый воздух окрестностей битумной фабрики.

— Работает подарочек.

— Ну? Что я говорил?!. — Видоплясов хлопает меня по плечу. — Звони Чебуреку.

Костя — высокий, жилистый, с гладко выбритым, как у кришнаита, черепом. Орлиный нос — такой же кривой. Пронзительный взгляд, резкие черты лица. Носит нечто среднее между рабочим комбинезоном и армейской формой. Трое суток не бреется. Ну и рожа. Бр-р-р...

О себе ничего не скажу. Напишут в некрологе...

Запускаю поисковик — тот выуживает номер «До». Нет, целую подборку номеров. Код Чебурека выделен жирным курсивом.

— Соединяй, — говорит Видоплясов.

Пальцы прогулялись по клавиатуре.

— Да? — осведомился приятный женский голос.

На экране видефона сформировалась полуобнаженная девушка. Похоже, Гасан вообразил себя падишахом.

— Я хочу поговорить с Рахматовым, — Костя заслонил меня широким торсом, влезая в рамку.

— К сожалению...

— Боюсь, он нуждается в наших услугах. — Костя любезно улыбнулся. — Датчики засекали неладное... Я представляю ОБКА — Отдел по борьбе с кибернетическими аномалиями. А у вас серьезные проблемы, дорогая.

— Покажите ваш и-карт.

Костя показал.

— Номер лицензии: четыре-шесть-четыре-ноль-восемь-шесть-восемь-пять-четыре-три-три. Легко запомнить — Константин Видоплясов. Мой друг — Александр Марченко, можете проверить в банке данных Декарта Безопасности.

— Секундочку...

Сакретарша исчезла. На мониторе завращал кольцами анимационный Сатурн.

— Думаешь, клюнут? — спросил я.

— Клюнут, — заверил Костя.

Ждем. До первой звезды... Девушка вновь нарисовалась.

— Это ваш фургон внизу?

— Да, — ответил Костя.

— Готовьтесь к подъему, ребята.

Она отключилась.

Мы ударили по рукам.

— Здорово, — похвалил я.

— Через часик — продолжение банкета.

Мы заплыли в тень. Днище гостиницы развернулось и нас потянуло в подсвеченную ртутными лампами пасть. Замерцали голографические круги, обозначающая гравитационную шахту.

— Повелись, — удовлетворенно хмыкнул Костя.

Зев наплывал, заглатывая добычу.

Сноска

О мерах по предотвращению утечки информации из сети, а так же по обеспечению безопасности граждан от посягательств со стороны киберогенных враждебных систем и организмов. (Указ Президента СКАБ от 12.12.2162, № 327.)

В целях обеспечения безопасности юридических и частных лиц от враждебных посягательств, президент Суверенного корпоративного Агломерата Белополис постановляет:

1. Закрепить в Уголовном кодексе следующее деление кибероидов:

— промышленные (сюда же относятся и бытовые);

— экспериментальные;

— антисоциальные;

Подробности см. в доп. 1.

2. Антисоциальные кибероиды подлежат поимке (ликвидации).

3. Создать специализированный орган по поимке (ликвидации) данного подвида, а также выявлению и анализу вредных тенденций в информационном пространстве.

4. Указу придать силу закона.
Действует с момента принятия.

Президент Агломерата Белополис

Т. Мирон

ДОПОЛНЕНИЕ 1

Промышленные (бытовые) кибероиды — квази-разумные многоцелевые механические организмы, обладающие примитивным зачаточным интеллектом и запущенные в массовое производство. Обязательные условия: безопасность, отсутствие личных характеристик, наличие программы-ограничителя.

Экспериментальные — находящиеся в стадии разработки. Антисоциальные — бесконтрольные, обладающие ментальной оболочкой и личностными характеристиками, намеренно нарушающие Компьютерный, Уголовный кодексы и другие виды законов кибероиды.

ДОПОЛНЕНИЕ 2

Созданный Указом орган будет частью структуры Департамента Безопасности земли. Глава органа подчиняется непосредственно руководителю департамента.

1. 1 (5. 05. 2164)

С ног до головы обвешиваюсь датчиками, сканнерами и анализаторами, засовываю в ухо устройство связи (микрорациотелефон), другую его часть леплю к губе (всего лишь родинка), подхватываю любимый «винт»... Полюбуйтесь: римский легионер эпохи Юлия Цезаря.

— Не перебарщиваешь? — спрашивает Шурик, имея ввиду мою пушку. — Снесут башку секьюрити, подумают, что киллер пожаловал.

— Не подумают, — возразил я, цепляя на грудь фирменный бэдж. — Зато правдоподобно. Я же на тропе войны.

— Удачи, — усмехнулся партнер.

— Выходим вместе, — даю последние инструкции. — Ты шарить везде, делаешь умную заточку. Побазарь с гасановскими сетевиками, поспрашивай, что да как. Затем встречаемся, валим на крышу, нейтрализуем «глушак» и — за пивом. Вопросы есть? Вопросы нет.

Покидаем уютный фургон и оказываемся в ангаре «До». К нам уже спешат верные псы Чингисхана, недоверчиво косясь на четырехствольного монстра в моей руке.

— Тормозите, — говорю, пресекая нездоровые щелчки затворов. — Мы пришли с миром. Давайте выкурим косяк дружбы.

— Видоплясов и Марченко?

Мы киваем.

— Сюда.

Раздвигаются двери. За ними — просторный вестибюль и колонна лифтовой шахты. Мы шагаем в никелево-зеркальное великолепие. Играет восточная музыка, несет пряными благовониями. С нами в кабине четверо мрачных телохранителей. Все в коже, несмотря на ласковую весеннюю погоду и благоприятные прогнозы на завтра.

— Адынадцать, — гаркнул самый угрюмый, судя по бородище — злой чечен, больше уважающий суд Шариата, чем Компьютерный Кодекс.

Снился мне ночью сон. Будто попал я в сказочную страну, а там поджидает меня Кот-в-Сапогах и, мурлыкая, указывает на почти такой же лифт, где красным распылителем намалевано на створках: «Приключения по вторникам». Так вот — сегодня вторник...

Стоп-кадр. Мы организованно шествуем в апартаменты Гасана Рахматова. Гостеприимно распахиваются двери. Чебурек — гроза Заднепровского рынка — сидит, по-турецки скрестив ноги, на бескрайнем персидском ковре, пьет чай. Повсюду в живописном беспорядке разбросаны подушки, бутылки, тарелки, проститутки (последние увлеченно поглощают какие-то сладости).

Гасан махнул рукой, и все испарились.

— Сколько? — авторитет сразу приступил к делу.

— По стандартным тарифам... — я закатил глаза. — Штука.

— Еврами сгодится?.. Наличными.

— Сгодится.

— Три.

— Что — три?

— Три штуки.

Меня обуяла дикая алчная радость, но вида я не подал.

— Пожалуй, мы согласны. Но... — я решил сделать значительную оговорку. — «Скальпы» наши.

— Забирайте, — милостиво согласился клиент. — Можете начинать.

Действуем согласно плану. Я шныряю до коридорам, катаюсь на лифте, придирчиво осматриваю электропроводку и вентиляционные каналы, вожу сканнером, цепляю повсюду датчики. Какой актер пропадает, герой боевика! Где вы, режиссеры-продюсеры с выгодными контрактами, где ты, глобальная слава?.. От горестных раздумий меня отвлекает голос напарника в ухе:

— Костя?

— Чего тебе?

— Двигай ко мне... Срочно!

Иду на пеленг. Шурик засел в вычислительном центре на десятом уровне — обиталище местной хакерской группы «Колобок» (сокращенно от КЛБК — Конгруэнтные Линейные Био-Космонавты, бред полнейший). Центр оснащен неплохо, да и планировка грамотная: широкий коридор, полупрозрачные стены, разделяющие рабочие боксы (в каждом — компьютер, выдвижной блок с виртуальным оборудованием, простейший пищевой синтезатор и кресло-вертушка). В случае экстренной эвакуации толкучки не будет. Боксы тянутся в два ряда, «железо» соединено последовательно. В целом же — локалка кольцеобразная (даже моих познаний достаточно, чтобы это просечь).

Шурик — за компом в ближайшем боксе, над ним сгрудилась толпа хакеров. Все уставились в монитор.

— Что за фигня? — расталкиваю зрителей, прорываюсь к корешу. Тот орудует пальцами в сенсорных перчатках по невидимой клавиатуре, на голове древний нелецензионный шлем, к черепу подведен биосетевой кабель.

Шурик говорит тихо, вполголоса, чтобы «колобки» не услышали. Но в ушном динамике он звучит отлично:

— Шняга какая-то. Я максимально сузил радиус действия «глушака». Его влияние теперь ничтожно. Но...

— Что — но?

— Каналы по-прежнему забиты, помехи никуда не делись...

— Хочешь — сбегая на крышу? — предложил я.

— Не дергайся. Сейчас разберусь.

Шурик погружается в виртуальные глубины. Болельщики трутся за нашими спинами, о чем-то базарят на своем программистском жаргоне. Мне вдруг стало тревожно. Не знаю — почему. Шестое чувство, интуиция...

А Марченко — как пианист или дирижер: руки порхают, весь собран, весь — *там*.

Я от скуки решил прогуляться, побродить вдоль стеклянных клеток.

— Костя?

— Слушаю.

— Похоже, где-то «сосок» пристроился... Реально говорю.

— Брось. Какой — на хрен — «сосок»?.. Надо просто «глушак» вручную отключить. Без всяких там радиовыкрутасов.

И тут завоняло горелой изоляцией. Я втянул запах ноздрями, а тревога уже вспучивалась в крови адреналином. Первая машина взорвалась, брызнув искрами, в дальнем конце коридора. Затем компы начали разлетаться по цепочке и по кругу, получался своеобразный захват. А на перекрестие, естественно, гвоздем торчал Марченко. Он ничего не видел и не ощущал — *здесь*. А с двух сторон его бокса неслись, приближаясь, глухие хлопки. Завоняло пластиком.

— Саня, назад! — заорал я. — Выходи!

Реакция яванского божка. Похоже, напарник близок к Нирване.

Хакеры вжимаются в пол. Прыжок — и я рядом. Жму «эскейп». Два раза. На дисплее высвечивается: «Вы действительно хотите...»

— Да, хочу... Аста ла виста, ублюдок! — Выдерживаю биос из черепа, хватаю друга вместе с креслом и откатываю в противоположную клетку.

— Сдурел?! Я его почти...

— Заткнись! Он тебя — почти.

Комп, за которым работал Шурик, осыпает нас микросхемной крошкой. Прямо в лицо плюнул, гад.

— В меню жареные мозги, Саня.

С потолка заморосил дождик, полезла из щелей пена — старая добрая пожарная автоматика.

Шурик оклемался и тянет меня за рукав:

— Пошли.

— Куда?

— В фургон.

— Надо «глушак» забрать.

— Успеем.

Двинули было к лифту, но тут я сообразил: не стоит. Вспомнил прошлые ошибки... Аварийные трапы вынесены на внешнюю стену летающего притона. Спускаемся, гремя башмаками. Злобно скалятся урбанистические прелести Полесья, веет легкий радиационный ветерок. А вот и очередная достопримечательность — законсервированная атомная электростанция, построенная и аукнувшаяся вторым Чернобылем полтора столетия назад. Солидная приземистая постройка, монолит реактора — романский стиль эпохи пост-модерна. Вокруг — мертвые километры пустыни с выпирающими кое-где гранитными столбами и протянутой между ними колючей проволокой. Подъездные пути занесло барханами, шпалы сгнили, рельсы проржавели, печально доживал свои дни остов дрезины. «Бриз» доносил запахи египетских пирамид. Сразу за пустыней смыкали ряды деревья-мутанты...

Люк-пломба открывался вручную. Через него мы влезли в ангар. Потом — в фургон. Шурик достал свой костюм, «карнавальную маску», перчатки-сенсоры и приступил к облачению. «Маска» — тот же шлем, только лучше. А у Шурика — последняя модель от «ГлобТелеКома» — нынешнего монополиста в виртуальной среде.

— Уверен? — спрашиваю.

— Уверен, — Шурик натягивает «маску» и делается похожим на венецианского гондольера. — У нас же — автономный спутниковый порт. Взрывные фокусы не повторятся.

Он входит.

На мониторе отражается потусторонний цифровой бред. В нем мельтешит фигурка-аватар моего сетевика.

— Ты где, Шурик?

Он улыбается. Сообщает:

— Вывожу схему кабельной структуры «До».

В воздухе над приборной панелью замерцала голограмма — каркас из зеленых линий.

— Это не трехмерные шахматы, Костя. Перед нами — оптоволоконная паутина, пастбище для выпаса «сосков».

В верхней части голограммы засветилась красная точка. Ярко вспыхнув, она затопила рубиновым соком все каналы.

— Чего это он?

— Всплеск активности. Чувствует мою десницу, — пояснил Шурик.

Теперь паутина пульсировала, наливаясь недобрым багрянцем.

— Жрет?

— Нас ищет... Точнее — меня, — на лице Шурика отразилось недоумение.

— Ты его засёк?.. Успел?

— Да. На крыше. Он ломится одновременно к орбите и в мои мозги.

Дисплей показывал закрученный спиралью тоннель и ползущие по нему трещины. Мультик для дегродов.

— Воздвигаю мыслеблок, — партнер любит комментировать свои действия, ему даже наплевать, слушают его или нет. Театр одного актера...

В следующую секунду он *здесь*. Дышит тяжело, биометрические показания оставляют желать лучшего.

— Он меня атаковал!

— Ты или он. Все правильно, — успокоил я Шурика.

Хватаю «винт» и — через люк — на трап. Над головой — высоченная стена, разбитая на квадратики окон. Атомная станция успела изрядно отползти за корму. Внизу красуется безымянная замороженная стройка — территория бомжей-мутов.

— Ну что, повеселимся? — обращаюсь к «винчестеру».

— К труду и обороне готов.

На седьмом этаже оконные рамы резко втянулись в пазы. Вентиляционная система затеяла внештатное проветривание: кого-то выдуло из соседнего номера, а меня затянуло воздушной воронкой и долбануло сначала о дверь, а затем — о прутья решетки, где я оказался распят, как Христос. В голове помутилось, но оружия не выпустил. Зову на помощь, и Марченко рубает энергию — частично. Я падаю на линолиум. Щека пухнет — от контакта с дверью, спиной чувствую отпечатавшиеся квадратики. С опаской выглядываю из окна — вроде, все нормально. Продолжаю свой путь медленнее, крепче держась за поручни.

Но ведь сегодня вторник, а значит, приключения манят и зовут. Лестница, лязгнув, начала складываться. Телескопические сегменты втягивались друг в друга, боковая перекладина больно ударила по ладони. Я врубился: еще немного — и меня зажмет. Перемахиваю через ограждение и зависаю над бездной. На одной руке. Во второй — «винчестер». Трап сузился — теперь не шире локтя. Смотрю — движется к стене. Засада. Ну ничего: поднимаю ствол верного товарища и выстреливаю синтетический трос с магнитной «кошкой» на конце. Трап исчезает в нише, а я болтаюсь, как сопля. Щурюсь на солнце. Вверху что-то

чернеет. Так и есть — ползет по мою душу стекольный робомойщик. Перебирает лапками по тросу, тот слегка пружинит. Я представил себя мухой, а безобидного «бытового кибероида» — пауком, подбирающимся к жертве. Как он меня убьет? Окропит моющим раствором и прицепится к ногам. Общего веса я не выдержу. Прощай, солнце...

Нет, не прощай. У «винчестера» же четыре ствола. Отправляю по вертикали подарочек — бронебойную разрывную. Кибернасекомое скукожилось и полетело ко мне, попутно разваливаясь на части. Раскачавшись, я спружинил от стены. Вражеские обломки промчались мимо... Мысль-команда — трос наматывается на катушку.

Крыша встретила меня спокойно. А вот и противник...

Посреди плоского черного ромба установлено с десяток «тарелочек». А над ними — полупрозрачный купол. Вроде мыльного пузыря.

— Жги, — командует Шурик.

«Винт» превращается в огнемёт, и пламя выхаркивается из всех четырех стволов. Живая плоть (полимер?) расплескалась студнем по крыше, попыталась просочиться сквозь нее. Я все спалил. Оказалось, похожей дрянью покрыт и навигационный радар — его я тоже обработал.

— Исполнено, — рапортую вниз.

— Теперь спускайся.

— Что?

— Спускайся. Надо добить гада. Ты уничтожил его отросток, а мозг — на четырнадцатом этаже.

— Шесть маршей... Как я, по-твоему, спущусь без трапа?

— Я контролирую лифт.

— Точно?

— Сто пудов. Вали в кабину.

Цилиндр шахты разместился за радаром. Грузовик. Я вызвал платформу — латаную-перелатаную железяку со следами недавней сварки.

— Готовься к перегрузкам, — предупредил Шурик.

К горлу подкатил ком, когда платформа ухнула в вакуумную трубу.

— Свободное падение? — выдавил я.

— Твое любимое.

Лифт замер. Меня чуть не расплющило.

— Ну, Саня... — сдерживаю злость. — Хакер хренов...

— Сброс, солдат. По тебе скучают минные поля.

За створками простиралась полутемная подсобка. Где-то под сводом мерцали ртутные панели.

— Где я?

— Похоже, на складе, — ответил Шурик. — Подожди секундочку. Взламываю кодовый замок, третий уровень безопасности.

— Это что — секретный пентагоновский бункер?

Он промолчал.

Я осмотрелся. Контейнеры. Повсюду — ярусы вакуумных контейнеров, герметичных, многослойных; в таких обычно перевозят фармацевтические препараты.

В «родинку» на губе вмонтирована также микроскопическая видеокамера — так что, Марченко прекрасно видит ящики. И комментирует:

— «До» славится турецким гашишем, Костя... Хочешь косячок? Еще про героин слушок метнулся...

— Нет, спасибо.

— Путь свободен.

Я в коридоре. Здесь оживленно. Индийская музыка, снующие постояльцы — армяне, чечены, абаканские колдуны... Дверные проемы занавешены коврами на восточный манер.

— Направо, — сказал Шурик.

Сдвигаю ковер: клубок обнаженных тел, протяжные стоны. Ясно, тут обосновались любители групповичка.

— Гости из Буркина-Фасо, — раздался голос Шурика. — Я добрался до регистрационных файлов... Извини, ошибочка.

— Куда теперь?

— Дальше — по коридору.

На мой визит никто не обратил внимания...

Сворачиваю.

— Направо, — командует Шурик.

— Уверен?

— Пошевеливайся.

За ширмой с японскими иероглифами — ресторан. Совершенно пустой, если не считать скучающего узкоглазого официанта в кимоно. Биотик? Нет. Похоже — нормальный человек. Вдоль стен — голографические драконы и символы «инь-ян» (так я в Китае или Японии?), суровая эстетика самурайского жилища. На видео-обоях — ослепительное сияние Фудзи, цветущая сакура. Надпись на ширме, скрывающей кухню:

Долгий путь пройден

За далеким облаком

Сяду отдохнуть.

Басе

— Красиво, — сказал Шурик. — Кстати, ресторан называется «Облако». Иди на кухню.

Честно говоря, не представляю, как партнеру удалось взять все под контроль. «Сосок» прекратил атаки? Сосредоточился на мне? Агонизирует?..

На «винте» загорелся индикатор опасности, а я уже вплотную приблизился к японцу. Тот поигрывал поварским ножом — двадцать два слоя стали, цена — штука баксов (триста евро). В телешоу кулинары ловко шинкуют такими игрушками полуметровые фаллические огурцы. Я насторожился. «Винт» выпростал монитор: *«Агрессивные эмоции. Квазиинтеллект. Синтетический организм. Определение — враг...»*

Японец провел уширо-гери-кекоми. Нога вписалась мне в грудину, а я в свою очередь разгромил легкий складной столик. Азиат прыгнул, сжимая нож.

— Самонаведение, — сказал я.

Четыре ствола нашпиговали узкоглазого свинцом под завязку. Я откатился, и его тело рухнуло рядом. Вместо крови потекла зеленая жидкость, густая и дымящаяся. Я брезгливо поморщился, поднимаясь.

— Спасибо.

— Если враг не сдается, мы его уничтожаем, — процитировал классика «винчестер».

— Осторожно, — предупреждает Шурик. — Он здесь.

Замираю на пороге. Кухня деловито урчит, нарезает, жарит, варит, взбалтывает, тушит, разливает и накладывает — в автоматическом режиме. Универсальный комбайн. А где же творческий процесс? Где парни в белых фартуках и колпаках с волосатыми загорелыми руками? Нигде. Канули в небы-

тие, ушли в передачи типа «Приготовь себе сам» или «Утренняя вкуснятина».

На микроволновке вспыхнула красная лампочка — росло напряжение.

— Хочет взорвать печурку, — сказал Шурик.

— Где он?

— Прямо перед тобой.

Я не рассуждаю и не мудрю. Просто вскидываю «винт» и выстреливаю электромагнитным лучком повышенной концентрации. У человека вышибает память, а у «соска» разрывает все цепи. Верная смерть для антисоциального кибероида.

Кухня взбесилась. Я вжался в пол, а надо мной летали ножи, вилки, посуда, куски недожаренного мяса... Заискрился тостер и выплюнул очередь гренок, бухнула в дальнем углу микроволновка, и меня осыпало пеплом изысканного блюда...

Потом стихло.

Я для верности полежал еще с минуту. Поднял голову. Выпрямился. Сделал шаг, чуть не поскользнувшись на морской капусте. Обогнул суповую лужу и приблизился к встроенному в стенную панель программному терминалу.

— Открывай, — подбодрил Шурик. — Три «пробела» и «энтер».

Набираю команду. Панель со щелчком уходит в паз. Обнажается ниша, чуть подсвеченная. Переплетение проводков, микроскопические платы, слоты, кишка оптоволоконного сетевого кабеля и... сморщенный кожистый мячик серого цвета с торчащими лапками-штеккерами. Или щупальцами, псевдопобиями... Я не биолог. Я — «собачник». Поэтому вырываю «мячик» из гнезда. Он больше не опасен.

Трудно поверить, что в этом комке могла сосредоточиться небывалая ментальная мощь. «Соску» под силу контроль целых комплексов, предприятий. Он питается информацией: поглощает ее, переваривает, берет что-то полезное, а прочее выбрасывает обратно в Сеть в виде беспорядочного битового «излучения». Своеобразный эфирный кал. По этим остаточным следам и обнаруживают «сосков». А еще — по их воздействию на системы... Странная жизнь. Абсолютно чуждая. И в то же время — плод нашего технического прогресса, почти что — дети. Но дети, от которых отказались и не хотят пускать в свой круг. А они всю пытаются вписаться, ведь они не могут без нас — как тараканы, крысы или бактерии. Паразиты цифровой эпохи...

— Лопата — боевая спутница солдата, — заметил «винт», когда я надрезал разделочным ножом кожу мертвого «соска». Потекла кровь. Я решил, что «соски» похожи на ежей, только вместо колючек — проводки. Выкрутасы киберорганической эволюции.

Вскрытие принесло мне долгожданный «скальп» — кристаллический процессор, смахивающий на игральную кость. Или спиченный коробок — их часто выставляют в музеях. Нет, все же нечто среднее.

Я тщательно вымыл руки, испачканные в слизи и крови, затем нашел салфетку и вытер «скальп». Сунул в нагрудный карман.

— Bravo!

Я обернулся. В проеме стояли Шурик и Гасан Рахматов. Последний с интересом оглядывал поле боя. Я швырнул к ногам авторитета тельце скальпированного кибероида. Чебурек ткнул его носком туфли.

— Он?

— Он, — подтвердил я.

Рахматов задумчиво почесал затылок.

— Натварыли вы дэл, рэбята,

— Не мы, — поправил Шурик. — Это дерьмо.

— А чэм правынылся мой афыцыант?

— Им управляли с кухонного терминала? — спросил я.

— Да.

— Вот и ответ.

— Учтем.

Гасан покачивал головой, оценивая нанесенный ущерб. Я нарушил скорбную инвентаризацию:

— Как с оплатой?

— В порядке, — сказал Шурик. — Сумма уже переведена.

Помолчали.

— Надо вызвать опергруппу, аналитиков, — сказал я.

Гасан насупился.

— Ты увэрен, братан?

— Так положено... Не напрягайся, это же не леги. Спецы из нашего отдела. Вроде ученых.

При упоминании ученых авторитет заметно успокоился. Для него «конструкторы цивилизации» — обычные лохи.

Позже мы с Шуриком сидели в баре на противоположном краю «До». Бар разместился на открытой террасе с искусственной зеленью. Иллюзия присутствия в тропическом лесу. Пальмы, орхидеи, девушки в бикини...

Заказали по пиву. «Любаньское», разумеется: у меня устойчивые вкусы. Я отхлебнул из банки и зажмурился.

— Отстаем, Костя, — буркнул партнер. — Похоже, враг совершил очередной скачок. Соображаешь? Они научились путешествовать по Сети и теперь равны нам.

— Глупости, — возразил я. — Единичный случай. Редкая мутация.

— Может — первая ласточка?

Я пожал плечами:

— И что с того? Будет сложнее их убивать. Переоснастимся, закупили свежие софты... Расслабься.

— Он меня чуть не замочил... Теперь *мое* сознание превращается в компьютер, который можно взломать. Просекаешь? Это уже не охота. Война. Кто — кого.

— Ничего, повоюем, — я зевнул. — Нам не привыкать.

На крышу садился гравимобиль с эмблемой Департамента.

(2. 1 (6. 05. 2164))

Вадим Широ́в с ником Шаман живет на западной окраине Могилевской зоны, в корпусах, выстроенных Академией Наук. Точнее — в корпусе № 26. Он же — Кедровая башня. Квартира 6, этаж 326. Добираться туда — сплошное мучение, если не имеешь собственного вертолета. Потому что лифт запрограммирован на самый медленный ход — вдруг заползет инвалид в кресле-каталке или экзоскелете... На подъем я затратил сорок минут, слушал «приятную» попсовую музычку и внимая голографической рекламе. Изредка меня тормозили попутчики, но кабина тащилась лишь в одном

направлении — вверх, иначе бы я никогда не достиг заветного пункта.

Башня в целом оправдала свое название: проектировщики намеренно создали иллюзию попадания в дупло гигантского дерева. Все эти неровности и шероховатости, дверные ручки в виде сучков... Окна, интерьер — как из мультика про гномов или мишек Гамми. В остальном же — полноценный жилой комплекс с массой электроники и коммуникационных каналов в «коре». Интересно, Шамана прикалывает обитание в детском саду? Вот-вот из-за угла вырывается добрый доктор Айболит или нарисуются дятел — знаменитый лесной санитар...

Вхожу в очередное «дупло» — квартиру Вадика. А дверь-то на звук реагирует (Шаман еще на прошлой неделе вложил в домашнюю память мой голос), не забывая просветить гостя на предмет оружия и вживленных имплантов, просканировать сетчатку глаза и хрен знает что еще с ним совершить.

— Привет, Вадик!

— Привет!

Он один. Ни семьи, ни детей. Только редкие милые увлечения — подружки обычно не задерживаются у него дольше месяца.

Квартира Шамана — совсем другое кино. Псевдокедровые панели содраны, встроенная аппаратура, холодильник, бар, мебель — классика урбанистического утилизма; ничего лишнего, каждая деталька имеет свою функцию. Исправно работают кондиционеры.

— Садись.

Из пола выпрыгнуло кресло. Вроде — надувное. Я сел.

Шаман развалился на выдвинутой кушетке у окна с видом на Быховский район (я слышал, реальный, «исторический» Быхов находился южнее, но ведь в Белополисе границы и города давно стерлись, слились в единый организм, и многие названия теперь условны, относительны).

— Ну, рассказывай, — Шаман щелкнул пальцами, и потолок над нами разверзся, выпуская поднос на антигравной основе. На его полупрозрачной поверхности лежали два «колеса». — Угощайся.

— Спасибо, — я взял салатовую шайбочку, повертел в пальцах. — Что за ерунда?

— Новый сорт. Глюки самые невероятные, отходняка никакого.

— Шутишь?

— Без балды. Подарок из Колумбии. На рынке пока нет, но планируются стабильные поставки.

Я проглотил таблетку.

— Когда начнется?

— Этого никто не знает. Для каждого — индивидуально.

Шаман проглотил свою дозу, довольно оскалился:

— За встречу!

Да, это не водку распивать. Интеллигентно и со вкусом. Стиль Шамана.

— Ну давай, колись... — он нажал утопленную в стене кнопку и распахнул окно, впуская закатные лучи и свежий ветер с заоблачных высот. — Где устроился?

— Я «собачник», Вадим. «Отдел по борьбе с кибернетическими аномалиями».

— «Крыс» ловишь и прочую дрянь?

Я кивнул.

— Молодец. Тоже надо.

Набившая оскомину обывательская фразочка. Расшифровывается: «Ты, конечно, бомж и неудачник, помойный дед. Но я тебя люблю, как друга».

— А ты?

— Пашу на Академию. Информационные исследования. Альтернативы Сети, направления ее развития. Тенденции. Знаешь, ведь ничто не вечно на Земле... Получил грант.

Мы с Вадиком учились на одном курсе в колледже программирования. Только у меня специальность — сетевой поиск, а у него — аналитик широкого профиля. Что это значит? Без понятия. Но мозги у Шамана организованы на порядок круче, чем у большинства населения агломерата. Если я бултыхаюсь на отмели инфоокеана, то он хищником носится где-то в его глубинах, ныряя во впадины и составляя карты барьерных рифов. Я никогда не въезжаю, говорит он серьезно или нет. Может, и сейчас я проглотил не сильный психоделик, а подкрашенный аспирин.

Далеко внизу, с вертолетных площадок взмывала юркая стрекоза, шелестя крыльями-лопастями...

— На рубежах науки? — с иронией осведомился я.

— На рубежах... — задумчиво повторил он. И вдруг: — Знаешь, Саня, все течет, все меняется. Я уже говорил?

— Гераклит говорил.

— Пусть Гераклит... Я думаю, маленькая революция совершается каждый день, но мы этого не замечаем. *Вы* не замечаете. А я вижу прекрасно... И сам эти революции строгаю. Ленин и Билл Гейтс одновременно. Как сравнение?

— Что-то есть.

— Вот. Но Ленину нужны сподвижники. У меня нет возможности подолгу рыться в Сети, когда не хватает данных. Это предложение, Саня. Я предлагаю тебе работу. Сколько платит Департамент?

— Не важно.

— А все-таки?

— Как повезет, — нехотя признался я. — Зависит от «скальпов».

— Что такое «скальп»?

— Процессор. Мозг кибероида. За каждый — от трехсот до пятисот евро.

Шаман помолчал, делая в уме подсчеты.

— Понятно... В любом случае, Академия заплатит больше. В мой проект вбухана уйма ресурсов. Присоединяйся.

— Дай подумать.

— Думай. Крайний срок — пятница. У меня есть и другие кандидаты... Ладно, хочешь жрать?

Легкое переключение с темы на тему. Узнаю старого друга.

— Хочу.

— Двигаем на кухню.

Полностью автономный блок, замкнутая система, не связанная с Сетью.

Терминал — копия «облачного». Шаман загрузил названия блюд, и мы сели за стол-тумбу, призму, выросшую из паркета. Вокруг деловито жужжали механизмы, из микроволновки сочился аппетитный запах. В столешнице образовалось отверстие, оттуда появились дымящиеся тарелки. Омлет с помидорами и черным перцем, макароны по-флотски, молоко в пакетах. Мы принялись за еду.

— Ты ко мне с вопросами пришел, — сказал Шаман с набитым ртом. — Правильно?

— Правильно, — согласился я.

С чего начать?.. С «До»? Или со статистики? Пожалуй, с первого

— Вчера мы провели операцию... Я и мой партнер. Брали «соска». Слышал о них?

— Слышал. Продолжай.

— Он напал на меня. В виртуале. Понимаешь? Мы ведь как действуем: я выщемливаю уroda, локализуя его и, если удастся, взламываю. А Костя идет за «скальпом». Четко отработанная схема. Сбои... ну, процентов десять — они ведь развиваются, мутируют. Эволюционируют. Или, точнее — модифицируются. Это нормально. Естественно.

— Согласен.

— Но, похоже, произошел скачок. Я чатовался с другими парами. Все — вольные наемники, как и я. Нападал и на них. Я пишу софт — блокировщик сознания. На первое время. А вообще — послал заказ ребятам в Отдел.

— Нападали?

— Да. Они научились перемещаться по Сети. Как — мы. С одной лишь разницей — кибероиды ментально сильнее нас. Гораздо сильнее. Я чудом остался жив. Мой аватар стерт.

— Та-ак, — Шаман хлебнул молока. — Уже интересно. Похоже, противник вытащил туз из рукава, причем — козырной... Это все?

— Нет, не все. Согласно статистике, в Белополице за день ликвидируется, примерно, пятьдесят «сосков». Это мелочь по сравнению с забитыми «крыса-

ми» и территорией, занимаемой агломератом. Верхняя часть айсберга. Но... виртуальных атак вчера было больше! Зарегистрировано четыреста случаев. Многие охотники мертвы.

— Поголовье растет, — усмехнулся Шаман.

— Пока они разобщены, — сказал я. — Атаки не скоординированы. Я к тебе, аналитику, обращаюсь: способны они объединиться?

— Вопрос понял, — отставив пустую тарелку из-под омлета, Шаман взялся за макароны. — Отвечаю. По сути, кибероиды давно являются разумной расой. Мы не хотим этого признавать. А зря. «Соски» — высшая каста: вожди, организаторы. «Крысы» — солдаты, армия. Есть и рабочие — так называемые легальные, промышленные кибероиды.

— Что?!.

Я чуть не подскочил.

— Спокойно, Шурик, остынь. Подумай: кто ближе наукообразному строителю? Ты? Я? Конечно, нет. Подобное к подобному. Зверь к стае. А разум подчиняет плоть. Процессор повелевает механизмом. Логично? У всех промышленных — двойное дно; вкальывая на нас, они не забывают и о своих. Ты когда-нибудь бродил по Полесью? Видел, что там творится?

Я покачал головой.

— Прогуляйся на досуге. Обогапись знаниями.

— Постой, — перебил я его. — Нестыковочка. Если они управляют всей человеческой техникой — почему мы еще живы? Мы их мочим, а они нас жалеют, так получается? Отдать приказ — и тысячи, миллионы рабов раздавят нас, превратят в кровавую кашу. Я не прав?

— Прав. По-своему. Кибериоды не дураки. Мы им чужды, они нас ненавидят, согласен. Но мы — создателя техносферы. И без нас она перестанет функционировать. Перестанет возникать информация. Закончится еда. Упадок, голод, смерть. Выгоднее позволить людям жить и кормить себя, жертвуя отдельными особями. Ты ведь сам сказал, что дневной улов Отдела — лишь макушка айсберга. Истребить «сосков» не удастся, придется их принять, как неотъемлемую часть мироздания. Пока.

— А потом?

— Потом... Два варианта. Первый: кибериоды сами научатся творчески мыслить, генерируя информацию. Тогда человек превратится в рудимент и будет отторгнут техносферой. А она пожрет самое себя.

— А второй?

— Тут сложнее. Если равновесие продлится долго... Я вижу тенденции к возникновению сетевого разума. По моим прогнозам это может случиться уже через сто-двести лет. А может и не случиться.

— То есть?

— Представь себе картину: люди выделяют информацию, «соски» ее поглощают, выбрасывая беспорядочные потоки битов. Вроде фонового «излучения», цифровая статика. Биты шлются по эфиру и оптоволоконным кабелям... Но ведь существует закон сохранения, да? Биты случайно складываются в байты. Глядишь — образуется кусок программного самообучающегося кода. Рано или поздно возникает вопрос: *кто я?*

Я потрясенно молчал.

— Ничто никуда не девается, Саня. Мы отслеживаем наиболее мощные битовые потоки. Так что, если

подобная структура и родится — мы будем знать. И примем соответствующие меры. Все данные о цифровых течениях — в моем компьютере.

— Они опубликованы?

— Конечно. На сервере Академии.

— А почему...

Я хотел спросить, почему сведения такой важности не предоставлены Департаменту, но не успел, с ужасом обнаружив, что в моей тарелке шевелятся глазные яблоки на нитевидных щупальцах. Я замер с занесенной вилкой.

— Есть! — радостно заорал Шаман. — Началось!

Пространство кухни преобразалось. Шкафы, тостер, хлеборезка обернулись вдруг страшными монстрами, которые, клацая дверцами и дико вращая индикаторами, угрожающе мычали. Явно не с добрыми намерениями подкрадывалась к моей ноге микроволновка. Стол потек, превращаясь в гору студня. Приемное отверстие поглотило наши тарелки и довольно заурчало.

— Здорово! — восхищался Шаман. — Вот это бабы! Видишь пляж?

— Какой пляж?

— Обыкновенный. Море, золотой песочек... Телки голые...

Сжав кулаки, я отступил к двери,

— Саня, ты чего? — Шаман заржал. — Ну у тебя и рожа! Поглядишь-ка в зеркало!

Я выметаюсь в коридор, зеркало вроде улыбается (хотя, как оно может улыбаться?), а в нем — я. Рот — на щеке, треугольный глаз — на месте рта, ухо — сросшееся с носом...

Я закричал.

На крик выбежал Шаман.

— Саня, спокойно... Идем, с классной подругой познакомлю.

Из-за его спины выглянул холодильник. Подмигнул.

— Он пришел за мной! — Я ретировался в спальню. — Не подпускай его, Вадик!

— Это же Надя, — Шаман обнял холодильник за «талию». — Снимем на ночь?

— Не-ет!

— Ладно, — Шаман вздохнул, похлопал по задней части холодильника и сказал: — Свободна.

Холодильник обиженно отвернулся и, виляя конденсатором, зашагал прочь. Я перевел дух.

— Идея! — Шаман прямо светился. — Миры Чедвика.

Он потащил меня в свой кабинет. Пустая комната с голыми стенами. Из обстановки — расстеленный на полу пленочный монитор (плазменный, на полимерной основе), сенсорная клавиатура и, пожалуй, все.

Сквозняк по-прежнему гуляет по квартире. Я поежился.

— Миры Чедвика, — Шаман сел, скрестив ноги по-турецки. Я последовал его примеру. — Никогда не слышал?

Из стены выскочили два куба. Раскрылись лепестками, вываливая содержимое: новенькие виртуальные костюмы от *Симоти*.

Оделись.

— Сетевой заповедник, если угодно, — продолжил Шаман. — Для тех, кто хочет расслабить-

ся. Тысяча реальностей. Сейчас мы нырнем в каталожный буфер.

Я вдруг ощутил каждой порой, клеточкой своего тела давящую громаду Кедровой Башни, ее жгучее желание переварить, усвоить меня. Дерево-людоед, жуткий триффид...

— Готов? — спросил Шаман.

— Поехали.

Мы ныряем.

Бескрайнее море, плеск волн, огненный закат. И на этом фоне — подвешенные иконки. Я заметил рядом тень, — зависшего в метре над пучиной Шамана. Точнее, его аватара — виртуальную личность.

Мы потянулись к еврейской звезде с надаисью: «Сетевое окружение». Звезда вывернулась наизнанку топографической фигурой, демонстрируя свое содержимое: соты, шар, глобус изнутри, геометрический улей. Мы нырнули в одну из ячеек — и оказались в каталожном буфере. Миры. Сотни выстроенных по алфавиту названий. На эсперанто.

— Выбери, — предложил Шаман.

Мы отправились — каждый в свое путешествие.

Реальность фрактала. Структура, замкнутая на себя, потрясающая красота цифровых полипов. Я замороженно падаю в бездонный колодец, а вокруг меня разворачивается чудо.

Юпитер. Большое Красное Пятно, станции добывающие жидкий водород, чудовищные ветры и кислотные дожди, убийственная гравитация, от которой меня защищает скорлупа «Зевса». Веер спутников, поглощенных атмосферой, тонущих во мраке...

Льды и океаны Каллисто.

Портовый кластер Ганимада...

Средиземье.

Татуин.

Маджипура.

Солярис.

Рама.

Вейрут.

Токио.

Цейлон.

Меркурий.

Суматра.

Каир.

Пекин.

Атлантида.

Водный мир.

Улан-Батор.

Рим.

Афины.

Спарта.

Троя.

Арктика...

Мы встретились с Шаманом на Адриатическом побережье. После того, как змей пожрал Лаокоона.

— Хочешь поговорить с Богом? — спросил Шаман.

— Хочу.

— Эй, Нептун!

Море вспучилось, являя лицо. Прибой пророкотал:

— Слушаю, смертные.

— Скажи что-нибудь!

Синие губы шевельнулись:

— Лучшие аккумуляторы для гравимобиля — на станциях техобслуживания «Мицубиши».

— Я хочу знать свою судьбу, Бог! — крикнул Шаман.

— Это — к пифиям...

Напоследок нас обдало солеными брызгами.

Тогда мы отправились на край земли, подрались с Гераклом и освободили Прометея! Свернули шею Орлу...

Итака.

Сельва.

Рио-де-Жанейро.

Марс.

Кабул.

Аустерлиц.

Вечность.

Арктур.

Кольцо.

Пирамидальный мир.

Река.

Мы поговорили на перекрестке истин с Буддой...

Мадрид.

Ватикан.

Дели.

Тиочтитлан.

Трансильвания.

Утопия.

Луна.

Лабиринт Минотавра.

Карфаген.

Тридевятое Царство.

Стальные пещеры.

Парамарибо.

Венера.

Стратовариус.

Эскейт.

Я не выдержал.

Каждый из этих миров еще жил во мне. Перед глазами крутился радужный хоровод. Сколько я там побыл? Час? День? Тысячелетие? Не знаю.

Гуляет сквозняк. На город спустилась тьма. Редкие искорки в небе и огненное зарево на земле. Между землей и небом — война...

Отсоединяю биос, снимаю костюм и «маску». На ковре-мониторе — шторы.

— Ну как?

Шаман вынырнул раньше. Смирно сидит в углу.

Я молчу. Разве не ясно?

Глюков больше нет.

— Закончилось? — спрашиваю.

— Наверно.

Поднимаюсь.

— Пора мне. Пойду.

— Иди.

Я пересекаю комнату.

— Саня?

— Что?

— Есть и третий вариант.

Стоп. Оборачиваюсь. Шаман доволен. Он меня заинтересовал. Теперь я прикован к нему.

— Мой проект... Альтернатива.

— Чего?

— Всего. Хочешь покажу?

Что ты мне покажешь, Шаман? Странные сны наяву? Третий путь — исход в миры Чедвика? Набором байтов в пищу «соскам»... Не для меня. Не для Кости. Но ведь глупо воевать с мельницами техносферы. А она с каждым днем приобретает все более одушевленный характер. Да это же основа нашей цивилизации, Вадим! Что там грузил Маркс про базис и надстройку? Сеть, информация, оптоволоконные кабели и Центры коммуникации, базовые передающие станции — вот наш базис. Убери его — и рухнем в средневековье.

Шаман словно прочитал мои мысли:

— Другое, Саня. Не Чедвик. Совсем другое. Нас еще не было, динозавров не было... А она вбирала, впитывала все: образы, звуки, запахи, законы природы, души. Формирование планеты. Протерозой, Архей — отразились в ней, как в зеркале. Я говорю об Инфосфере, Саня. Или Инфосреде. Не суть важно. Она везде. В каждом из нас. В комнате. На улице. Потрясающий массив данных. Срок — миллиарды лет.

Я был поражен. С какой легкостью он об этом сообщил! Действительно, зачем Сеть, когда есть... *Такое*.

— Все, что мы создали — в ней, — продолжал Шаман. — Не знаю, насколько далеко простираются ее границы, но на орбите плотность уменьшается. Природа?

Есть несколько гипотез: тахионное, лептонное образование... Вероятно — часть гравиполя. Я открыл его.

— Чушь! — Я сморщился. — Давно подозревали...

— Да, согласен, — перебил Шаман. — Не хватало малости. Интерфейс, друг мой. Как воспользоваться этим богатством?

Я молчал.

Голос Шамана стал торжественным:

— Вадим Широ́в представляет компьютер нового поколения. — Он взмахнул руками. Теперь я заметил вживленные в пальцы Шамана импланты — стальные кружки с черными точечками. — Средство коммуникации, — пояснил Шаман. — Нервные сигналы преобразуются в команды, передаваемые по лазерному лучу. Аналог клавиатуры. Правда, гораздо лучше.

Десять стрел метнулись от его кистей. А нас уже замкнул в себе мерцающий кокон, переливающийся всеми цветами радуги.

— Сфера голографического интерфейса, — сказал Шаман. — Единственная визуальная часть молекулярного компа.

Лучи врезались в изогнутую сияющую поверхность, начали рисовать неведомый узор.

— Нанотехнология, парень. Молекула-процессор плавает где-то рядом... Как тебе нравится монитор? Не вирт, конечно... Хотя, со временем, я думаю обеспечить полный ментальный контакт.

— Он связан с Инфосферой? — спросил я.

— Да.

Кокон сменил окраску на ярко-огненную.

— Древнейшая, естественная Сеть, — сказал Шаман. Он был сейчас похож на паука, ткущего паутину. — Как солнце, как ветер. Но только на теперешнем этапе развития мы способны с ней взаимодействовать. Вот... одна из самых ранних записей. Файл «Сотворение мира».

Я не мог до конца в это поверить. Передо мной разворачивались пылающие панорамы, первозданные, залитые лавой территории. Еще даже не территории, а нечто аморфное...

Изображение сменилось.

Теперь я видел джунгли юрского периода, буйство зелени, струи самого зверского тропического ливня, тяжелое, набрякшее небо и массивную тушу, пробравшуюся среди деревьев. Запахи... я чувствовал запахи! Приторные ароматы цветов, запахи гниения. Невероятная чуждая смесь... Звуки... Шорохи, сливающиеся с монотонным шумом дождя, треск веток, гул падающей воды... Жара. Я физически ощутил удушающую жару той далекой эпохи. Ливень промочил меня до нитки. Где кокон? Я же там! Там, по колено в бурой жиже, вслушиваюсь в пульс леса...

— А вот наше, родное, — голос Шамана донесся откуда-то издалека. — Узнал?

Другая картина. Цифры. Я, абсолютно сухой, даже не вспотевший, стоял посреди глобуса, намалеванного двоичным кодом. Единички и нули струились, сменяя друг друга в сумасшедшем ритме.

— Битовые течения, — пояснил Широ́в. — Те, о которых я говорил.

Смена кадра.

Тесная комната, а в ней — два человека, окруженные голографическим пузырем.

— А это — мы!

Цифры продолжали свой бег, служа теперь фоном. Я смотрел на себя — растерянного и жалкого.

— Вот тебе альтернатива, Саня. Будущее человечества. Инфосреда вычеркнет кибероидов из нашей жизни. Пусть тусуются в умирающей структуре. Через пару десятков лет они отойдут в историю. Некоторые, вероятно, приспособятся. «Крысы», я думаю, и промышленные. Их мы возьмем под контроль. А «сосков» не будет. Их место на параше.

Лучи растаяли, кокон погас.

— Перед нами вечность, Саня. Я вывожу основные принципы функционирования Среды, исследую ее строение. Работы — непочатый край. А перспективы... разжевывать не надо?

Я покачал головой.

— Революция, Марченко, — Шаман заметно волновался. — Глобальная, представляешь?

Я представляю. Ученые ломаются в Инфосреду; историки путешествуют в прошлое, физики доказывают свои теории... Скачок. Новая эра. Каждую секунду — открытие. Стопроцентная иллюзия присутствия — где вы, миры Чедвика? Разве что апгрейдить по свеженькому формату... «Собачники» больше не нужны. По крайней мере — сетевики. Отряды Костей Водоплясовых защищают подвалы, метро и канализацию от «крыс». А затем... пополняют ряды безработных. Отслужившие своё спартанцы...

— Пока, Вадим.

— Заглядывай.

— Обязательно.

— Помни про пятницу.

— Хорошо.

— Проводить?

— Нет, спасибо.

Лифт бережно везет меня вниз. Ну, дружок, приятно на помойке? Когда я пожимал руку Шамана, его импланты холодили мне ладонь. Я понимаю, всего лишь трамплин для прыжка, временное неудобство.

А «колеса» хорошие. Никакого отходняка. Где он их берет — уж не на японском ли пути, проложенном по краю Полесья?

1. 2 (7. 05. 2164)

По утрам я обычно спрыгиваю с фургона и отправляюсь в марафонскую пробежку по близлежащим кварталам. Я почти не слушаю бормотание ди-джея Гвоздя в радионаушниках: «На втором месте нашего четвергового хит-парада...» В голове беспорядочно толпятся бестолковые утренние мысли. Я думаю о том, как сильно изменился Шурик после визита к своему корефану на Кедровую Башню. Он теперь часами торчит в виртуалке, выискивая мифические «битовые течения». Клина поймал. Иногда мне кажется, что он до сих пор под «колесом»... Хрен его разберет. Вчера я сдал «скаल्प» того «соска», с «До», мне отвалили аж шесть сотен. Я попробовал вытащить Марчелу в народ — в клуб «Стрингер» на Холмах; там проводилась модная вечеринка с акцией «Экология: чистый мир», дилерами и прочими клевыми фишками. Все танцполы забиты, население отрывается, а Шурик засел в баре и потягивает молочный коктейль. Я — к нему: «Сдурел, чувак? Вот, познакомься...» — толкаю ему двух баб. А он повернулся и — без слов — к эскалатору. Я его на улице догнал. «Ты — чего?» А он: «Дурак ты, Костя. Да и я...» Настроение, гад, конкретно подпортил, в фургон я вернулся за полночь. Заглянул в кабину: светится дисплей, партнер — в «маске», и с биосом в черепе. Я пожал плечами и отправился спать...

Проспект мира достаточно оживлен (даже на рассвете), поэтому я сворачиваю на прилегающие улочки — в лабиринт старых, подлежащих сносу домов. Здесь тихо и даже растут тополя. Обшарпанные, ра-

зукрашенные граффити девятиэтажки с выбитыми кое-где стеклами, заползали мне за спину со скоростью пяти километров в час, лениво позевывая распахнутыми ртами подъездов. Мусорные баки за сетчатой оградой — привычные зрелища детства. Я словно погружился в ностальгический сон. Хижины в век звездолетов...

Солнце еще не показалось в индустриальных изломах.

«Картриджи с реальностями от *Симоти* — ваша собственная Вселенная! — вещал ди-джей. — Адрес официального дистрибьютера в Белополисе...»

«Теперь и в нашем Агломерате. Девушки-кибероиды на любой вкус в сексшопх Минской и других зон. В их блоках памяти — все: от Камасутры до «Искусства групповой любви». После полуночи — скидки до десяти процентов. В ассортименте также мужские и гермафродитные особи, животные. Принимаются и спецзаказы...»

Я убегаю. В ушах — ломаный трек бруклинских электронщиков. Сквозь тему прорывается ди-джей: «Все отчетливее тенденция квазивосточных мотивов. На примере следующей компиляции...»

«Соски» офигели, ясно. Ничего, «боец к бойцу — быть победному концу», как сказал бы «винчестер». Что нам теперь — вешаться? Я думаю — все замечательно. Уроды усложнились — значит, «скальпы» подорожают. Нам прибыль.

Пищит датчик присутствия, вмонтированный мне в кисть. Я задираю рукав спортивной куртки — на табло цвета розовой кожи отражаются биометрические данные, время, координаты места, где я нахожусь и дис-

танция в метрах — до объекта кибербиотической активности, векторная стрелочка. Я бы мог, в принципе, вывести эту ботву на зрительный нерв, да и плеер-приемник заменить имплантом... Не катит. Фишки вроде «телевизор-в-голове» меня не прикалывают. Так, простенькие модификации, ну и порт для биоса, само собой — такие операции еще в детстве совершают...

Вектор указывает на мусорный бак. Я подавил первый порыв — броситься вперед. Спокойно, Костя. Ты же без оружия. С голыми руками на медведя? Ладно, вызывай Фургончик. Не успеет... Я замер в нерешительности.

В баке что-то зашевелилось.

Я отступил, принял боевую стойку. Запоздало сообразил, как это глупо. Против лома нет приема...

И другого лома нет.

Вектор сместился. Нечто невероятно быстрое тенью метнулось к ближайшему подъезду. Странный гибрид. Я не о «крысе» — о доме. Полуразрушенная пятиэтажка, треть которой, словно ножом срезало — явно продукт пресс-поля, что используют для сноса старых развалюх. Дальше начинался обширный пустырь размером в несколько кварталов — стройплощадка для возведения очередной башни. Роботы-монтажники уже приступили к возведению каркасов — серебристые капельки, скользящие по титанитовой решетке.

Пульс учащенный. Повышенное содержание адреналина в крови.

Я привел в порядок дыхалку и вошел в подъезд. Осторожно. Вроде, та хренотень летающая была. Я пригнулся.

Глаза медленно привыкали к темноте. Датчик заткнулся — в радиусе трехсот метров твари не наблюдалось. Упорхнула пташка... Стоп, вектор теперь голографический, направлен вверх.

Два марша. Звоню в квартиру с бронированной дверью. Шаркающие шаги.

— Кто?

— Свои, дед... Департамент Безопасности.

— Леги?

Я подношу к глазу телекамеры ксиву.

— Чего не по форме?

— Нет у нас никакой формы. Антикибероидный отдел.

— А-а, «собачники»...

Щелкнул древний механический замок, дверь откатилась в стенной паз. Передо мной — тщедушный старичок в экзоскелете. Насекомое на подпорках. За его сутулыми плечиками открывайся проход на кухню.

— Инструменты есть? — спрашиваю я.

— Какие?

— Любые.

— Отвертки, плоскогубцы...

— Не то. А может, дробовики где завалились?

— А зачем тебе? — дед подозрительно сощурился.

— Надо.

— Нет у меня ни хрена.

Я молча отодвинул его и пошел на запах борща. Кухня, совмещенная с санузлом — плод прогрессивной конструкторской мысли. Я вывернул на пол ящик с ложками-вилками и, порывшись, выудил из железной кучи разделочный топорик. Взвесил на ладони. Сгодится. Не кастрюлей же махать...

«В Бангкоке состоялся самит, посвященный перспективам межзвездной торговли. В нем приняли участие лидеры крупнейших континентальных агломератов и монополий, а также представители джа и хийнесванцев. Обсуждались вопросы экспорта урановых руд и генетического материала взамен предоставления Земле ряда технологических разработок. Римская церковь выступила категорически против заключения контракта...»

Я прислушался к подъездной тишине. В соседней квартире шумно ссорились, где-то плакал ребенок... Сзади заскрежетала, закрываясь, дверь.

— Спокойных снов, дед, — сказал я.

Куда помчался наш дятлик? Явно на крышу. Другого пути нет. Сплошное дежа вю, «приключение по вторникам—2»...

«...На Марсе неизвестный вирус вызвал волну спонтанных мутаций. Порт-Арес, Каньон-Сити и многие другие крупные мегаполисы объявлены карантинной зоной. Космодромы временно закрыты. Портовые кластеры Деймоса и Фобоса перегружены, прием транспортных судов ведется двадцать четыре часа в сутки. Пассажирские маршруты изменены. Эта вынужденная мера обусловлена высоким коэффициентом...»

Я думаю о нашем столетии. Межзвездная торговля, сеть, примочки разные. А на Полесье до сих пор сохранился «частный сектор» — хибарки из дерева, пластика и жести, огородики, калитки... Рядом — промзона, свалки, радиация, а они живут, тырят из подземных кабелей электричество, гонят самогонку и нелегально подключаются к информационным каналам, рожают детей, взламывают банковские системы Ай-

Пи-Аш, умирают. Век бомжей и силовых полей. Вы были на Коралловой Башне? Бродили по Барбитурному Шляху?

Я достиг пятого этажа. Скобы, вмурованные в кирпич, квадратный люк — распахнуты в небо.

Я на крыше. Отсюда открывается чудесный вид на стройплощадку. Вектор указывает вниз. Так, пожарная лестница в наличии. Отсчитываю десять маршей — ступни касаются грунта. Точнее — каменной крошки, бывшей некогда зданием. Огибаю фасад — вот он, пострадавший торец «коробка», оскалился клетушками квартир, зигзагами подъездов, рваными проводами и трубами. Кое-где уже сушится мокрое белье, зеленеет рассада, торчат спутниковые антенны. Пузатый мужик жмурится на восходящее солнце и пьет пиво, развалясь в шезлонге, на третьем этаже. Где-то бормочет радиоприемник, урчит стиральная машина... Словно гигантский рот откусил шматок термитника, и теперь его жители вяло латают образовавшуюся дыру...

Ниже. Стрелка уводит под землю, в черную пасть канализационного люка. Я заглядываю туда. Отвесный колодец, скобы, журчание воды. Гранатку бы туда... Как там «винчестер» говорил? «Пропадешь, если без гранаты в бой пойдешь».

Ладно, лезу. Сжимаю «секиру».

Интересно, зачем «крысеныш» дал такого кругляля? Хотел меня замучить? Чтобы выдохся? А он врага в логовище заманит и — ап! Приятного аппетита, завтрак удался. Утка с яблоками. Через дымоход...

« прогноз погоды. Нас ожидает ясный безоблачный денек со средней температурой по Агломерату плюс 19—22 градуса. В Брестской и Витебской зонах —

легкий кислотный дождичек. Это была шутка, можно смеяться после слова «лопата». Но дожди все же пройдут — голографические с каскадом новых хитов в минских клубах «Реактор» и «Катарсис». Обеспечена полная релаксация. Приглашены модные ди-джеи...»

Я погрузил ноги в мутный поток, текущий к морю коллектора. Тускло мерцают осветительные панели, капает со сводчатого потолка. Железобетонная кишка закручивается куда-то вниз и направо. Я частично иду, частично скольжу.

«...а я напоминаю, что спонсор прогноза погоды...»

Прямо.

Что-то сорвалось с вогнутой поверхности, взмахнув крыльями. Летучая мышь? Дудки. Истошно вопит датчик присутствия, а тварь со свистом рассекает затхлый воздух. Журчание воды сливается с пронзительным клекотом.

Я отправляю топорик по вектору, как Чингачгук.

Метрах в десяти по курсу смачно хряснуло. «Крыса», булькнув, пошла на дно. Вот так, дружок, не потрапезничал сегодня.

Под водой в развороченной плоти и микросхемах еще пробегали искры. Я наклонился, чтобы снять «скаल्प».

2. 2 (7.05.2164)

Шеф прислал вызов на мобильник, когда наш фургон въезжал на шмоточный Заднепровский рынок. Взгляд здесь теряется в панике, плутая в бесконечных рядах палаток, заваленных пестрым тряпичным великолепием. Вьетнамцы, арабы и турки галдят, напере-

бой предлагая товар. Я с тоской отвернулся от рубашки-хамелеона. Вызов есть вызов. Тем более срочный.

Костя вернулся с пробежки со «скальпом». Говорит, топором замочил. Возле стройки на улице Мира. Костя у нас — талант. И на переплеты ему везет: Видоплясов из тех, кто пойдет за хлебом, а окажется на Юпитере или в реанимации. Про таких говорят: «Хотел, как лучше, а получилось, как обычно».

— Держи.

Я поймал процессор на лету.

— «Крыса»?

— Угу. Отлеталось животное.

Я повертел «скаल्प» в пальцах.

— Новая модификация. Старик Дарвин в гробу перевернулся бы. Обезьяны так быстро не продвигались.

Костя закрылся в ионной душевой. Его голос был глухим:

— Развелось гадов... Запустить бы такой вирус... да всех подчистую... Кстати, никто не пытался истребить «сосков» каким-нибудь «троянцем»?

Хороший вопрос. И глупый. Ведь, в сущности, вирус — та же самая информация. Ни «троянцем», ни «бомбой», ни «червяком» кибероид не брезгует. Жрет за милую душу. Зато от сервера, к которому подключился гад, останутся рожки да ножки.

— Мыло кончилось, Саня?

— Еще позавчера.

— Купить впадлу?

— Забыл, чем занимались?

Костя что-то буркнул.

Я наконец вырулил с Заднепровского, и за стеклом сверкнула гладь речной ленты. Я направил фургон к 46-ой магистрали.

Рядом возник благоухающий Видоплясов.

— Куда едем?

— В центр.

— «Скальпы» сдавать, — порадовался Костя.

— Общий сбор.

Молчим.

Вдоль трассы голографические рекламные щиты несут в народ светлый образ водки «Доброе утро». Везде изображены одинаковые окна, за ними — голубые небеса и семицветная радуга. Это, разумеется, фон. А на переднем плане — бутылка с кристально-прозрачной жидкостью. Каждую секунду вспыхивает слоган: «Отходняк? Забудь про него».

Магистраль имела шесть наземных уровней и с полсотни вертикальных воздушных коридоров. Высоко над нами мчались турбореактивные челноки дальнебойщиков, граверные тачки, рубили лопастями жару вертолеты. Я задал бортовому компьютеру маршрут и откинулся на спинку кресла.

— Заточка у тебя отстойная, — любезно заметил Костя.

— Спасибо.

— Без обид, партнер. Отдыхать надо почаще. Чебурек нам нехило заплатил. «Скальпы» еще на штуку потянут. Махнем на Балтику? Денька на три-четыре, а? Визу оформим через Штопора. Сезон отпусков, парень! Море, девочки, золотой песочек...

— Отстань! Напряга сейчас.

— Это у Департамента напряга. А мы — вольные художники. Бабки есть — зашибись, нет — ура, на мины.

Я не стал ему распрягать про будущее человечества и шизоидную беседу с Шаманом. Я сам не уверен — а был ли молекулярный компьютер? Вполне возможно, что Инфосфера — глюки сродни злобному холодильнику. Но что-то мне подсказывает: не время отдыхать. «Соски» мобилизуются — это реальность.

Штаб-квартира «Отдела по борьбе с кибернетическими аномалиями» разместилась в здании Союза литераторов (Минская зона). Я припарковался в хвосте километровой вереницы тачек и вырубил двигатель. Спросил Костю:

— Ты со мной?

— Я к кассе — улов сдавать.

В конференц-зале собрались почти все, кого я знал. Макс и Кристина, Митровские (отец и сын), Ведьмак и Ворон, одиночки вроде Бармалея, Ницшеанца или Франциска...

Я пристроился на стуле рядом с Ведьмаком — тощим, черноволосым, сатанинского вида парнем. Даже в жару он предпочитал носить черные обтягивающие шмотки. Мефистофель...

Гена Горовец с ником Толстым, мой начальник — могучего телосложения мужик с рельефной мускулатурой, кольцом в носу и зелеными волосами (дети часто называют его «Крокодил Гена») — как раз проводил переключку.

— Марченко!

— Я.

— Где Видопляоов?

— «Скальпы» сдает.

— Орлы! — похвалил шеф, ковырнул в носу и продолжил: — Митровские...

Горовец внешне грубый и резкий, раньше служил на украинском флоте и насмотрелся там всякого, под его командованием крейсер «Грыцько» превратил в дымящиеся развалины треть Стамбула, и Мраморное море кипело от взрывов. Горовец сидел на капитанском мостике и силой мысли через биоинтерфейс поднимал в воздух ракеты, торпедировал, бил лучами и полями, сканировал, радаром, сонаром и эхолотом прощупывал окружающее... И все это делал один человек, заменивши собой целый экипаж. Конечно, на корабле были и другие — операторы-дублеры, но во время боя они отдыхали. В среде «собачников» про Толстого гуляет масса легенд, но толком о шефе ничего не известно. Как он попал в Белополис и департамент — загадка. Для чего предназначены дополнительные слоты в его черепе и позвоночнике — тоже. У большинства людей имеется стандартный сетевой порт для биоса, у Горовца их — семнадцать. Почему он красится в зеленый цвет? Об этом и многом другом вы узнаете, заглянув в файл «Чудеса и тайны нашего Отдела». А вот кольцо в носу, по слухам, символизировало принадлежность владельца к элитному подразделению украинских командос. Я думаю, это вполне вероятно: однажды Горовец прогуливался по набережной Свислочи и случайно забрел на территорию местной банды, владения которой помечались навороченными граффити. Но Горовец граффити читать не умел, авторитеты не уважал, а потому отправил троих нападавших в морг, а четвертого — в реанимацию. Очевадцы потом утверждали, что «разбор-

ка» не заняла и сорока секунд, хотя урки и вооружились кастетами, цепями и вибротёсами. А на Горовце даже царапин не осталось...

Справа от Толстого крутится щуплый Доцент из аналитического сектора. Сейчас он толкает речь:

— ...накаляется. Стычка с «соском» в гостинице «До» внешне безобидна.

Я насторожился. Про нас?

— ...только с ее терминалов велась хакерская атака на наш вычислительный центр. Успешная. Врагу удалось скачать файлы с данными практически на всех сотрудников. Мой прогноз: начнется волна индивидуального террора...

— Короче, — перебил его Горовец. — Объясню более доступно. Кибероды взялись за нас. Им известны наши подлинные имена, фамилии, адреса, что мы жрем на завтрак и с кем трахаемся по ночам. Все. Так что самое время менять привычки и покидать насиженные гнезда.

Пауза. Шеф дал нам переварить услышанное.

— Атака с «До»? — переспросил кто-то.

— Я не повторяюсь, — зло буркнул Горовец.

— Эй, Санёк! — подмигнула мне Кристина. — Ты завалил урода?

— Видоплясов.

— Поздно завалили, — встрял Горовец. — Раньше надо телиться.

Спасибо за хвалебное слово, папочка. Но спорить бесполезно — получишь с ноги. Я вздохнул.

— У Чебурека орудовала сильнейшая хакерская группа, — сказал Горовец, — «Железо» и софт у них почище наших, да и мозги посветлее.

— «Сосок» с успехом заменит две такие группы, — сказал Доцент. — Он вел атаку сразу в трех направлениях.

— Трех? — удивился Ведьмак.

— Минимум. Кроме нашей — взломаны системы Академии наук и Кедровой Башни, что в могилевской зоне.

Я вздрогнул. Уж не к компьютеру ли Шамана подбивались клинья?

— Чего они хотят? — спросил Бармалей.

— Мы пока не знаем, — Доцент беспомощно развел руками.

— Сделали запрос в Академию? — спросил Макс.

— Да. Какие-то перспективные разработки, связанные с инфополем Земли. Я ощутил, как по спине ползут мурашки. Инфосреда. Они заинтересовались трудами Шамана. Меня озарило понимание — пока интуитивное, не определенное... Оно почти сразу ускользнуло, оставив лишь смутный отпечаток. И логическую связку: «Шаман — инфосфера — «соски». Сюда как-то стыковался и наш Отдел — препятствие на пути к непостижимой цели, через которое надо перешагнуть.

— Мы с Костей займемся, — решительно заявил я.

— Вы? — удивился Горовец.

Я выложил все, что знал о Шамане, о его концепциях развития нашей цивилизации. О своем контакте с Инфосферой.

Горовец думал недолго.

— Хорошо, — согласился он. — Работайте. Широ́ва взять под колпак. Если надо — выделю людей. Попытаюсь выбить ордер на его задержание.

— Задержание?!. — возмутился я. Здорово. Вадик со мной по-дружески поделился, а я его — в черный воронок...

— Сядь, — приказал Горовец.

Оказалось, что я стою.

— Сядь, Шурик. Я же не говорю: «заклучение». Задержание, придурок. Мы поселим его здесь, в штабквартире. Пусть творит — под контролем.

Я остыл. Возможно, Толстый и прав. Так будет лучше. Да и Вадик при подобном раскладе — в относительной безопасности. В ближайшие дни «соски» не осмелятся штурмовать Центр.

— Завершаю базар, — сказал Горовец. — План такой. Все сваливают со своих хат. Быстро. Где вы тусуетесь — ваша проблема, но чтоб к следующему сбору приперлись все и, по возможности, не в гробах. Второе: прощупайте приполесские границы. Я имею ввиду Институт Генетических модификаций: думаю, ниточки туда ведут. Разведайте подступы. Третье: мы готовим штурм ИГМ. И последнее: ситуация не стандартная, так что с сегодняшнего дня помимо гонораров за «скальпы» вольные наемники получают штатный оклад...

Его заглушили аплодисменты.

1. 3. (7. 05. 2164)

Восемьсот евро — это круто.

Я сижу в фургоне, попиваю «Любаньское» и размышляю о вечном. Торчать на сходке Горовца мне в падлу — жара растащила, душой овладел вселенский пофигизм. Пора, пора в страну золотых пляжей и ба-

ров а-ля «Веселые титьки». Только без вампиров и осиновых кольев...

Наконец явился Шурик.

— Давай в парк, — предложил я.

— Давай.

Парк Горького встретил нас гедропонной прохладой и обкуреными подростками. играющими в сокс. Мы уселись в тени каштана, скрещеного с баобабом.

— Задание — патрулировать окрестности Полесской зоны, — сообщил Шурик. — Модификаторы что-то замышляют.

— Если ты еще не заметил, — говорю я, — экономически выгоднее работать в тех районах, что поближе к центру... Чиновники трясутся за свои банки данных, и «скальпы» ценятся дороже.

— Зато на Полесье ягоднее, — возразил Шурик. — И теперь нам будут платить как постоянным сотрудникам.

— Жареным запахло?

— Похоже на то.

Я с хрустом скомкал опустевшую банку и запустил в урну.

— Еще что-нибудь?

— Желательно нанести визит Шаману.

— Твой кореш с Кедровой?.. Что с ним?

— «Соски» щемят. Ломали его комп.

— На хрена?

— По дороге расскажу.

— Добро, — согласился я.

Интуиция подсказывает, что вокруг сгущаются тучи. Заваривается каша, а я узнаю обо всем в последнюю очередь... Ну, Марченко!

Молчим. Душно, как перед дождем. Парит.

— В промзону опасно соваться, — говорю я.

— Ясный болт, что опасно. Будем дрейфовать по краю, запустим «жучков»... А в болото пусть сам Горовец лезет.

— Логично.

— Но сначала к Кедровой завернем.

Мы хлопнули по рукам.

...Шурик опять за штурвалом. Мчимся обратно по 46-ой магистрали. Духота невыносимая, а кондиционер сломался...

— Ставлю на автопилот, — говорит Шурик. — Возьмешь на себя, если что.

— А ты?

— Початуюсь.

Мой «сетевик» натягивает «маску», вставляет биос и теряет всякую связь с действительностью. Я расслабляюсь. Маршрут задан, и кибернавигатор без проблем доставит нас в пункт назначения. Трасса функционирует в режиме «контроль-фильтрация»: через каждые пять километров — пост, засекающий номер тачки, мгновенно сверяющий его с банком данных ДБЗ и решающий, куда направить клиента — в леговские охраняемые гаражи или по нужному ответвлению. Если кибернавигатор отключен, а машина опознана как находящаяся в розыске — за дело берутся парни на граверах-перехватчиках. Система...

Я вдруг обнаружил, что фургон летит не туда. Магистраль струилась теперь к западу от нас, а дисплей подавал тревожные сигналы.

Марченко сосредоточенно витает в своей Нирване, а я набираю вопрос: *куда нас ведут?*

Высветилось сообщение: *данный участок шоссе непригоден для эксплуатации, ведутся ремонтные работы.*

Я тихо выпадаю в осадок.

Шурик снимает «маску» и обалдело таращится на дисплей. А скорость стремительно возрастает — похоже, магистральные компьютеры всерьез решили нас угробить. По обочинам уже мелькают огненно-красные предупредительные голограммы, я вижу горы песка и щебня, стрелы кранов и приземистых асфальтоукладчиков, какие-то леса впереди...

— Беру управление на себя! — выкрикнул Шурик. Его пальцы набрали команду. И тотчас фургон начал тормозить. Мы замерли в ста шагах от пропасти. Дальше — опорные конструкции, пойма реки и рельсы подъездных путей для автокранов. Соседние полосы еще не отстроены, и мы парим над узким язычком асфальта шириной в три метра.

— Не развернуться, — констатировал Шурик.

— Задним ходом, — посоветовал я.

Обрыв каньона отползает — мы пятимся, словно раки. И тут ожил кабаноподобный укладчик, спавший на самом краю. Заурчав, он двинулся к нам.

— Кибероид? — спросил я.

— Естественно, — буркнул Шурик.

— Пропадешь, если без гранаты в бой пойдешь, — сказал я, выбираясь на крышу. — Получай, скотина.

«Винчестер» не подвел — объятый пламенем супостат, отправился на свидание с лозой и ежевикой. Через двадцать минут мы влились в привычное русло, но засады продалжались. Очередной пост ошибочно идентифицировал нас, как преступников. В пункте

зонального досмотра доблестных «собачников» поджидала орда легов. Видеофон выплюнул инструкции: «Снизить скорость до нулевой, выйти из фургона, предъявить и-карты для сличения». Фургон остановился. Я вышел в негостеприимное пекло, оцетинившееся стволами.

— Руки на капот! — рывкнул лег с нашивками капитана.

Я подчинился.

В ходе дознания выплыла ксива (сначала Шурика, а затем и моя), и стражи порядка поняли, что лажанулись. Нас отпустили ближе к вечеру, когда город уже загорался первыми огнями. Реальность выворачивалась бредом — слишком целенаправленно происходили сбои в отлаженном механизме.

— Шаман не отвечает, — сказал Шурик.

— Совсем?

— Совсем. Его адрес исчез. Похоже, наш герой отключил компьютер от Сети.

— Здорово.

К Кедровой Башне мы подъехали около девяти вечера. Ну и жилище себе выбрал Шаман-извращенец. Марченко проверил регистрационные файлы — Вадим Широу из комплекса не выселялся. Он по-прежнему обитал на 326 этаже, в квартире 6.

— Пешком не дойти, — сказал я.

Плюнув на осторожность, мы воспользовались лифтом.

— Подожди здесь, — бросил Шурик у самой двери. Я кивнул, поудобнее перехватив «винчестер».

2.3 (7.05. 2164 — 8. 05. 2164)

Квартиру не узнать.

Все перевернуто вверх дном, пол усеян кубиками оптокрystalлов и компакт-дисками размером с ноготь. Я застиг Шамана за упаковыванием каких-то тряпок в пластиковый контейнер.

— Переезжаю, — сухо пояснил он.

Я присел на край подоконника.

— Почему?

— Долго объяснять, — отмахнулся Шаман. — Хочешь колесо?

— Нет.

— Зря, — он продолжил свое занятие.

Я молча уставился на огни Белополиса.

— Хату оставляю тебе. Отдохнешь от фургона. В холодильнике достаточно жарчки. Можешь называть его Надей, — Шаман хмыкнул себе под нос. — Комп — тоже твой. После полуночи в регистрационных файлах, вместо Широва будет фигурировать Марченко. Не устраивает — любая другая фамилия.

— Спасибо.

— Кушай на здоровье, — он не заметил в моем голосе сарказма.

Небеса расцвелись полупрозрачными рекламными щитами. Бегущая строка от созвездия к созвездию: *ГлобТелеКом*.

— Отгадай загадку, — нарушил молчание Шаман. — Вечно живой, любит детей. Кто такой?

— Фредди Кругер.

— Ленин.

Он рассмеялся собственной шутке.

— Вадим, за дверью стоит мой напарник. Он вооружен.

— Допустим.

— Мой шеф, Горовец, пробивает ордер на твоё задержание. Я приехал, чтобы тебя забрать.

Я глянул на него в упор. Широ́в наконец оторвался от контейнера.

— Мне плакать или смеяться, Саня?

— Ни то, ни другое... Это в целях твоей же безопасности.

— Моей безопасности? — Шаман усмехнулся. — Опоздали, ребята.

Я ощутил себя полным идиотом. Время ускользает, оно бежит — а меня сносит в прошлое.

— Сочувствую, — Шаман словно прочитал мои мысли. — Знакомое чувство. Мир неудержимо катился в анус.

— Сейчас ты выйдешь вместе со мной, — сказал я. — Спустишься на лифте, сядешь в фургон и...

— Нет, сценарии другой, — перебил Шаман. — Ровно в десять за мной придут. Леги в форме Ай-Пи-Аш, работающие на Президента. Я поднимусь на лифте, сяду в коптер и умчусь в заоблачные дали.

— Какого хрена?! — заорал я.

Шаман печально улыбнулся.

— Меня переводят.

— Куда? И кто?

— Академия. По прямому указу совета Директоров. В распоряжение Института Гинетических модификаций. Доволен?

Я сел на груды постеров и смятых целлофановых оберток. Я не верил. Не верил и в тот момент, когда

появились парни в штатском, в количестве четырех человек и увели (мне казалось — навсегда) Вадима Широва. Он так и не забрал свои вещи — только миниатюрный кейс, набитый под завязку кристаллами и дисками. Не верил, когда обнаружил в коридоре харкающего кровью, избитого Костю. Когда звонил по мобильнику Горовцу и слушая его растерянный хриплый бас, объясняющий, что ордер ему не дают, а посылают в тридевятое царство — тоже не верил. Словно шел по прямой дороге и вдруг провалился в яму, наполненную дерьмом.

Из номера меня вывел голос, доносящийся из скрытых в стене колонок:

«Глупость темноты.
Светлячка словив, ранил
руку о шипы».

Я понял, что со мной разговаривает запись — вчерашний Шаман.

— Привет, Саня! Если ты слушаешь меня, значит, события развиваются именно так, как я предполагал. Хочешь узнать больше — не стесняйся, лезь в мою «железку». На диске «А» в каталоге «Мысли» содержится «Прощальный файл». Пароль — «старый друг». Просмотри на ночь — полезно для общего развития.

Динамики смолкли.

Костя матерился где-то в ванной, сплевывая кровь. Его трехэтажные обороты тонули в шуме бегущей воды. Закольцованное сообщение прозвучало еще три раза, потом я велел компьютеру заткнуться и пошел на кухню, достал из «Нади» банку «Лидского» и, осушив наполовину, отправился в кабинет.

— Стормозил я, конечно, — жаловался из ванной Костя. — «Винт» предупредил меня индикатором — эти гады под завязку набиты армейскими имплантами, двигаются быстро — явная нейрокоррекция. Я не успеваю ствол поднять — а они уже рядом. Ну и получил по зубам...

Я одеваю костюм, натягиваю «маску» и сенсоры. Вставляю биос. И погружаюсь в недра диска «А». Серая масса мозга с ущельями извилин, а посреди нее — дверь. Каталог «Мысли». Тропический остров с кокосовыми пальмами, ветки которых колышутся на ветру, небесная синева и парус на горизонте — «Прощальный файл». Я вхожу в него через форточку — она зависла там, где должно быть солнце.

Комната, стены, пол и потолок которой — бегущие цифры. Двоичные потоки, сплетающиеся в узоры и ускользящие образы. Полное отсутствие окон и дверей. В центре на деревянном табурете сидит Шаман.

— Всего лишь мой аватар, Саня, — улыбается Шаман. — Я подготовил для тебя небольшую лекцию с гипертекстовыми ссылками. Боюсь, она займет всю ночь. Так что — пожри и запасайся кофе. И не пори дурку, пока не прослушаешь до конца. Готов?

— Готов, — кивнул я.

Углы комнаты растянулись, рассосались — нас окутал шаровой интерфейс нанокomпьютера. Шаман по-прежнему был на табурете — только теперь в десяти сантиметрах над «полом».

— Это вчера, — сказал он. — Или позавчера. Под моим руководством расширенный штат специалистов завершил изучение Инфосферы. Мы определили ее природу, выявили законы развития и структуру,

классифицировали содержащиеся в ней массивы данных, разложили все по полочкам... Хочешь поговорить с Наполеоном?

На окружающей нас пленке привычно мелькали картинки — калейдоскоп эпох. Штурм города, костер с ведьмой. Орды Тамерлана, пересекающие степь на своих иноходцах... Низенький полноватый мужик в военном мундире в разгар Бородинского сражения и на закате своей славы...

— Особый уровень — хранилище психоматриц или душ, — продолжал Шаман. — Не рак, не ад, не чистилище. Возможно — Нирвана или Валгалла. Короче, хранилище. Сайт мертвецов, — он усмехнулся.

— Поэт, — буркнул я.

Изображение — безначальный полумрак и снующие светлячки. От этого зрелища повеяло чем-то замогильным.

— Все там будем, — сказал Шаман.

Его пальцы-лучи выхватили из забвения одного светлячка, приблизили, развернули. Вблизи душа представляла собой облако с изменчивыми контурами. Побежали строчки пояснений, сооткнулись схемы и карты психических ландшафтов, образные и ассоциативные ряды, столбцы параметров и видеоклипы воспоминаний.

— Нам попался Эвклид. Мы можем прогуляться по темным закоулкам его подсознания, заглянуть в его детские страхи, пережить вместе с ним рождение и смерть, распутать его генетический код, даже воспроизвести его в реальной вселенной. Стариком или семнадцатилетним юношей. Это бессмертие, чувак.

Я разучился удивляться. Просто молча кивнул.

— Инфосфера — как губка, — говорил Шаман. — Она впитывает нас и то, что мы порождаем, и породившее нас — тоже там.

Аватар сделал паузу, чтобы я переварил сказанное. Типично шировская привычка.

— Это самые глубинные слои. Они еще не расшифрованы, возможно, сама Инфосфера — искусственная формация, вписанная в природу настолько идеально, что стала ее частью. Имплант космического масштаба. Но вот кто его «вживил» и зачем?.. Я не понимаю. Говорить о Боге глупо — он (оно) никак себя не проявляет.

За спиной Шамана возник образ Иисуса Христа. Его сменили Будда, Зевс-громовец и новозеландский Радужный Змей.

— Инфосреда разделена на смысловые кластеры, взаимодействующие через шлюзы. Простейшие уровни — отражение истории, геологических эпох, эволюционных преобразований, — хроника. Копия видимой, слышимой, осязаемой, обоняемой реальности. Сложнейшие содержат параметры пространства-времени, физические законы и черт знает что еще. Кластеры лежат в разных плоскостях. Есть и рабочая зона, непосредственно соприкасающаяся с миром. Через нее можно вводить свои данные и скачивать любую информацию, накопившуюся за миллионы-миллиарды лет.

Шаман растаял, а вместо него сформировались графики, чертежи, таблицы, ряды формул и уравнений, алгоритмы. Нажимая кнопку «вперед», я перемещался в этих математических дебрях.

— Упрощенные характеристики, — сказал Шаман, вновь вклиниваясь в изображение. — Если разобрался — можешь отдохнуть.

По правде, я разобрался лишь процентов на пятьдесят, но все равно сделал паузу и мысленно ударил по «эскейпу», словно в янтаре мир «Прощального файла» унесся в трубу.

Я — опять в квартире на Кедровой башне. Снимаю виртуальные шмотки и разворачиваюсь в своем кресле. Костя скорчился в углу комнаты на старом надувном матрасе с подсевшим вибромассажем — такие нам, зеленым студентам, давали в общежитии колледжа программирования, и Шаман явно приволок его оттуда — на память.

— Час ночи, — оказал Костя.

— Знаю.

— Пора сваливать. Долго быть в одном месте опасно.

— Знаю, — повторил я. — Но мы останемся здесь.

Костя вскрыл банку с тушенкой и теперь поглощал ее — пальцами, не затрудняя себя поисками вилки.

— У тебя, наверно, есть причина, — заметил Костя, слизывая жир с мизинца и кусая хлеб.

— Есть, — подтвердил я. — Широков оставил мне послание.

— Его нельзя скачать в память фургона?

Я пожал плечами.

— Пропадает около сорока минут... Спуск на лифте плюс взлом системы Кедровой. Комп фургона отключен.

— Это так срочно?

Интуиция подсказывала мне, что — срочно. Почему-то все замыкается на пресловутую Инфосферу,

и чем быстрее я просеку фишку, тем лучше. Поэтому я сказал «да» и побрел на кухню за чашкой саморазогревающегося кофе — глаза уже слипались.

— Звонил Горовец! — крикнул из кабинета Костя. — Требовал доложить обстановку. Я доложил. Он приказал уходить, а на рассвете начинать патрулирование.

— Управимся.

Я набрал на терминале код «глазуньи» с ветчиной и оперативно поел, прихлебывая кофе.

Костя по-прежнему сидел в углу на матрасе.

— Проверь регистрационные файлы, — посоветовал он. — Ты порхаешь в Зазеркалье, а система безопасности просит инструкций от нового хозяина.

В реестрах башни я значился как Вальтер Скотт. Чудненько. Можно снова нырять.

...Аватар Шамана покорно ждет меня на своем табурете. «Пауза» разбивается на каскад осколков, и время ускоряет шаги.

— Мы думали, что нанокomпьютер идеально подходит для контакта со Средой, — продолжал Вадим. — Однако технологии позволяют нам напрямую подключить человеческий мозг к рабочей зоне. В черепную коробку вживляется биопорт, предоставляющий возможности безграничного доступа к Инфосфере. В то же время носитель биопорта как бы впускает Инфосферу в себя. Древняя память планеты — твоя личная память. Итерфейс элементарный — достаточно захотеть что-то вспомнить, и информация вливается в тебя. Собственный вирт. Бесконечные горизонты: телепатическая связь, психическое лечение на расстоянии, мысленные хронопутешествия, обучение без преподавов,

школ и университетов... Мы уже работаем над проблемой обратной связи, перестраиваем механизмы и процессоры кибероидов...

— Вадик, кибероиды — враги, — прошептал я. — А Среда неразумная. Как младенец, чистый лист бумаги.

Но он меня не слышал.

— Каждый пользователь через биопорт может управлять кухней, пылесосом, заводом. Телепатически. Наступает эра ментального могущества — во всех смыслах. Видеть глазами других людей, чувствовать их рецепторами — пожалуйста. Как насчет психосекса?

— Вадик, — перебил я. — Почему «соски» интересуются твоим проектом?

— Страх, — пояснил Шаман. — Они боятся. Мы отбросим их в палеолит, дальше — в архей. И им не дано нас остановить.

Я «промотал» запись вперед (не люблю возвышенной лажи) и спросил:

— Тебя перевели?

— Да. Институт Генетических Модификаций смог создать экспериментальный прототип биопорта, и руководство Академии с ведома Президента решило, что продолжить исследования лучше в его стенах. Моя группа переселяется на Полесье.

— Значит, опытный образец биопорта уже существует?

— Да. Более того, шесть портов уже имплантированы шестерым добровольцам. Через нанокомпьютеры мы изучаем их психоматрицы.

— Колупаетесь в их душах.

— Грубая формулировка, — обиделся аватар. — Но справедливая.

— Думаю, вы собираетесь запустить свои игрушки в производство?

— Само собой. Ближе к декабрю. Зимой все желающие обретут уникальную возможность...

Я послал его «эскейпом» в трубу.

Ночной Белополис встретил меня освежающей прохладой. Костя спал, хрипло посапывая. Табло внизу монитора показывало 2.35. Я растолкал напарника и сунул ему кофе. Щурясь на свет, Видоплясов покрыл меня матом.

— Спасибо, я тебя тоже люблю, — поддерживаю беседу. — А теперь собирайся — попремся к полешукам.

— Так их перетак... — Костя поделился своим мнением о народе. — Приползем на рассвете, даже поспать некогда.

— Спи на здоровье, я поведу фургон.

— Нажрался кофе, скотина, и меня спаиваешь!

«Винчестер» валялся в коридоре, настолько безладном, что великолепную костину душку никто не почесался спереть. Видоплясов устало взвалил своего спутника на плечо.

— Дело — дрянь, партнер, — сказал я.

— Загружай, мой четвероногий друг.

Я пропустил шпильку мимо ушей. Когда створки кабины распахнулись в подземный гараж, Костя знал все. С тех пор про отпуск и золотые пляжи Балтики он не заикался.

1. 4. (8. 05.2164 — 9.05. 2164)

— Будет дождь, — констатировал Шурик, глядя на хмурое небо. Там уже кучковалась, набухала серебристая от неоновой подсветки мгла.

Я сфоткал это цифровым «акаем» и поместил в свой файл, как наглядную иллюстрацию.

— Чем бы дитя не тешилось, лишь бы — руки над одеялом, — заметил Шурик.

— Я в джунгли не полезу.

— Запустим «жучков».

— Нормалёк.

Я потянулся к бардачку, оборудованному под холодильник и достал банку «Любаньского».

— Мне — тоже, — попросил Шурик.

— На.

Пиво приятно булькнуло.

— Горовец еще думает штурмовать мутов? — поинтересовался я.

— Колеблется. Стягивает силы в наш район, а вечером устроит совещание. Будем чатоваться.

— Рисуем. Правительство на стороне ИГМ. Как бы самим не схлопотать по загровку.

Марченко сделал глоток.

— Есть шанс доказать свою правду. Мы предоставим Президенту столько «скальпов», что он их во век не разгребет.

— А санкции?

— Мы их не получим, — Шурик снова глотнул. — Уверен. ИГМ занимается перспективными разработками.

Я потестировал свой «винчестер», разобрал и собрал его, в шутку навел на Шурика. Затем достал из контейнера с боеприпасами пустую гильзу 12-го калибра. Поразмыслив, кинул на сооружение в духе «диван-кровать-стол-полка» — сейчас оно было столом. Из секции с инструментами я достал биокассету — ее микроскопические ячейки содержат квазиживые зародыши «жучков» или эмбрионы, развивающиеся до полной функциональности в течение сорока секунд после распыления (более того, делятся почкованием, образуя новые единицы), — и зарядил ее в гильзу.

— Это ползающие, — Шурик следил за моими манипуляциями в зеркало заднего вида. — Бери еще.

Я зарядил три гильзы — летающими, плавающими и бегающе-прыгающими «жучками». Вставил готовые патроны в обойму «винчестера» — они сами дослались в уже подогнанные под калибр стволы. Загорелся индикатор предохранения.

Фургон затормозил.

— Приехали, — сказал Шурик. — Ближайшая к объекту точка — шоссе.

Я привычно выбрался через люк на крышу.

Полесье дунуло на меня ароматами помойки и болота. Из трещин древней автострады пробивалась трава, дальше простирался пустырь, поросший бурьяном и лопухами. Дальше — затянутая ряской речушка, с переброшенными кое-где деревянными мостками; огороды, территория «частного сектора» — кривые, грязные улочки, иногда покрытые щебнем, жестяные и пластиковые бараки, усеянные частоколом антенн; гаражи и загоны для скота. Еще дальше вздымалась стена леса. За моей спиной царил шмон мусо-

розавода, а впереди, окопавшись пустыней, угрюмо доживала свой век атомная электростанция.

— Объект за лесом, — напомнил Шурик из кабины.

— Сам знаю.

Я, не забыв установить дистанцию в четыре километра, почти не целясь, дал четыре залпа. Высоко над вражескими лабораториями просыплется следяще-транслирующий дождичек.

— Ажур, — сообщаю «боссу».

— У разведчика — глаза спереди, по бокам и сзади, — комментирует «винчестер».

Я лезу обратно. Спрашиваю:

— Засёк?

— Рано. Стадия распространения занимает только около часа.

Марченко возится о компом. По монитору ползут метрические данные.

— Хороший выброс, — похвалил Шурик. — Девяносто процентов уже сформировали аудиовидеодатчики. Идет почкование. Задаю вектор. — Его пальцы забегали по клавиатуре. — Плодитесь и размножайтесь, — приговаривал Шурик. — Дети мои...

— Метнись за чипсами, — предложил я.

— Сам метнись. Торчишь без дела.

— В падлу.

— Мне тоже.

Я расстегнул комбинезон на груди. Жарко. Душно, как в парилке. Чертовы метеослужбы гоняют Дуньку-Кулакову...

Через двадцать минут Шурик сказал:

— Первые сигналы... Реактивные, однако, «жучки».

Вы спросите, как оператору уследить за тысячами передаваемых изображений и звуков? Компьютер сам выбирает главнейшие и выводит на экран в соответствии с заданной программой отбора. Ее писал сам Шурик, стараясь учесть большинство вероятных ситуаций — приоритетных сюжетов. При желании он мог просмотреть и «закадровые» ролики — если софт пропустит какую-либо важную мелочь. Материалы слежения записываются на жесткий диск.

Я вставил радионаушники, и по барабанным перепонкам ударили лондонские хардбрэйкеры. «От ретроджаза и атмосферного неоджангла Джем-Стэп-Фанки переходит к орбитал-дэнсу и классическому брэйкбиту с металлическим вокалом. Он играет в клубах Нордического Агломерата, Питера, Токио и Сиднея. В 63-ем в студии «Диджитал-мастер» в Париже он записывает дебютный сетевой альбом «Трилениум-2», а спустя полгода по верхним строчкам чартов гремит сборник его сигналов, и это — успех. Слушаем...»

Шурик развернул на лобовом стекле восемь каналов: виды подступов к лабораториям и фасады административных корпусов, стоянка, пропускная...

«Наш герой не ограничивается чисто музыкальным звучанием и голографическими эффектами. В прошлом месяце *Симоти* выпустила двенадцатичасовой картридж с его виртуальными клипами — «Джэм-стэп-фанки-хитс». Его можно приобрести в любой точке Белополиса — это информация для фанатов...»

Я уже собрался прикорнуть, но тут в плавную речь ди-джея вклинился посторонний звук — сигнал вызова на мобильнике.

— Ответь, — сказал Шурик.

Я поднес телефон к уху:

— Видоплясов слушает.

— Привет, «сабачнык», — раздалось с другого конца линии. — Познал?

«Узнал», — хотел поправить я, но сдержался. Еще бы. Гасан Рахматов — собственной персоной. Чего изволите?

— Да, — сказал я.

— Добро. Чего тротэсь тут?

Я мысленно перевел на человеческий язык. И, не задумываясь, соврал:

— Отдыхаем. Тихо, спокойно...

— Лапшу вэшой бабушке в кэдах, — перебили меня. — Мои пацаны ловят все ваши пэрэгаворы.

Я решил перевести стрелки:

— Эй, Рахматов, при чем здесь мы? Все базары к Горовцу, под ним ходим. — И хотел добавить: мол, тебя вообще не касается, что мы тут делаем; Президенту подчиняемся, а не «братве», но опять сдержался.

— Не суетысь, — возразил Рахматов. — Твоего Горовца я не знаю. А тебя знаю. И твой номэр.

«Надо сменить», — подумал я. А вслух довольно официально заметил:

— Вы, Рахматов, вмешиваетесь в ход правительственной акции. Мне достаточно брякнуть легам...

— Тэбэ или мнэ, чувак?

— Не понял.

— Прэзидэнт запрэтыл акцыю. А тэпэр слухай суда: в вашэм дэле есть мой интэрэс. Грэбы ко мне. С Горовцом.

Гудок — связь прервали.

В поддень я выпрыгнул из вагона и сел в черный турбореактивный лимузин Чебурека. Весь путь до гостиницы я созерцал бритый затылок и квадратные плечи шофера. Вдобавок он обладал странным чувством юмора.

— Расскажи анекдот, — попросил шофер.

— Не умею.

— Тогда я... — его голос смахивал на гудение генератора. — В приюте для детей-инвалидов — праздник: Новый год. Под ёлкой подарки. Детишки набрасываются на них, разворачивают обертки — достают машинки, куклы... — Он сделал театральную паузу. — Осталась последняя коробка. К ней ползет девочка без рук и без ног, извивается, подтягивается подбородком. Разрывает зубами обертку и радостно кричит: «Скакалочка, скакалочка!..»

Ну вот — передо мной маньяк.

— А ты ел жареные уши с майонезом? — спросил шофер. — Объеденье! С зеленью и приправой «Капитоша».

Он причмокнул. Я увидел в зеркале его оскаленную небритую физиономию и содрогнулся.

— Да не бойсь, мужик. Они же клонированные. В ресторане «Франкенштейн», Брестская зона. Хочешь, подкину адресок?

— Нет, спасибо.

— Ну и зря... Ты не обижайся. Я люблю потолковать с клиентами. Один неразговорчивый попался — я его выбросил из тачки. Знаешь, во что превратится человек, если упадет с высоты в тысячу метров?

Я сглотнул.

— Шутка, — он засмеялся. — Весело, правда? А вот еще...

Я узнал много историй: про девочку, с прибитой к голове шапочкой, про голубого мертвеца и расчленивателя-некрофила...

На подлете я звякнул Горовцу:

— Привет, шеф!

— Ты — Костя?

— Если не в падлу, подвали на японскую дорогу.

Тебя ждет Рахматов.

— Чебурек?

— Он самый. Говорит, что Президент наложил вето на нашу затею... Рахматов, вроде, помощь предлагает.

Молчание.

— Шеф?

— Хорошо. Сейчас буду.

Когда я отключился, шофер поглощал копченые пальчики.

— Приятного аппетита, — пожелал я.

...Гасан по-прежнему валяется на своем ковре. Только пьет не чай, а сакэ. Проститутки пустили по кругу косяк, и на нас им глубоко наплевать. Горовец неодобрительно косится на это зрелище.

— Базар такой, — говорит Рахматов. — У Института лаборатории могилевская братва хочет их купить. Администрация — не продават. Послэ разборки они будут добрые.

Позже мы узнали, что турецкие наркоторговцы задумали расширить границы влияния и частично перебрались в Белополис. И не замедлили прибрать к рукам Заднепровский рынок; теперь там снова продают насвай и анашу — прогресс налицо. Бароны об-

ратили свои взоры на ИГМ — к его многофункциональным универсальным лабораториям, которые в равной мере способны производить дешевые добавки, кибероидов и радужные «колеса». Могучие умы подсчитали, что выгоднее выложить нехилые бабки Институту, чем в десять раз больше — таможенникам за непрерывно поступающие партии кислоты. Вполне логичное, рациональное решение. Только директор мутагенного гнезда заартачился — деньги его не интересовали. Ему хватало и без того.

Рахматов предложил сделку. Заднепровская братва подключается к штурму, хакерская группа «Колобок» работает в связке с нашими сетевиками. Слава и «скальпы» — наши, оборудование, необходимое для производства кислоты — их. Горовец согласился.

* * *

Шурик сидел перед калейдоскопом картинок, быстро сменяющих друг друга. Кабину заполняли звуки: стрекотанье кузнечика, голоса, шорохи вентиляционных систем и лопастей приземляющихся вертолетов.

— Сегодня ночью... — сказал я.

— Чат?

— Не будет. Большинство высказалось «за». С нами идут урки Чебурека.

— Зачем?

Я объяснил. Заверещал мобильник.

— Видоплясов слушает.

— Это Горовец. Ну что там у вас ?

Я передал телефон Шурику.

— Пока ничего, — партнер задумчиво почесал переносицу. — Вообще. Я переключаюсь с канала на канал, но везде спокойно. Некоторые «жучки» забрались внутрь — их отрезало какое-то мощное экранирующее поле.

— Окна?

— С затемнением. Слушай, Гена, видимой опасности нет. Тишина. Но я ей не доверяю. Сегодня прилетали грузовые челноки — их сразу запрятали в подземные ангары. Кибероидная активность на нуле.

— Охрана?

— Укрепленный периметр. Контрольно-следовая полоса, сетчатый забор под напряжением, лазерные пушки-бегунки. Радары.

— И все? Как насчет силовых барьеров?

— Их нет. По крайней мере, «жучки» прошли беспрепятственно.

— Реагирование на биомассу?

— Птицы и насекомые пролетают в метре над забором — ничего.

— Отлично! Перекачай все на мой наручный комп. Адрес не забыл?

— Нет, — пальцы левой руки Шурика забегали по клавишам. — Еще что-нибудь?

— В квартале от вас — серый приземистый пакгауз... Это оружейный склад Департамента, найдете?

— Найдем, Геша. Без проблем.

— Дуйте туда. Конец связи.

Горовец отключился.

— Я нырнул в сеть, — сказал Шурик. — А ты веди фургон до пересечения с Дзержинского.

— Серый пакгауз?

— Он самый.

Шурик наклонился, чтобы поднять биос.

Я врубил радионаушники.

«Зачем вам миры Чедвика?.. — вещал ди-джей. — Стопроцентный аналог — и даже лучше! — картриджи с реальностями от *Симоти*. Высочайшая степень интерактивности — вы управляете своим миром, как Бог. Для экстремалов — картриджи с регулятором степеней контроля и обратной связи. Официальный дистрибьютор в Белополисе...»

Я пристегнул Шурика к креслу и завел двигатель. Интересно получается. Мы теперь бандиты? Вне закона? Когда Президент и Совет Директоров узнают — они прихлопнут Отдел, как муху. От нас мокро-го места не останется... Но если мы не начнем штурм — нас прихлопнут другие. «Соски» как-то используют Инфосферу, и если мы стормозим, эволюция прокатит человека, как прокатила динозавров.

Вот он — шлакоблочный прямоугольник, скрывающий сорок сантиметров брони и обширный арсенал. На подъезде блокпост. Никого. Я расценил это, как приглашение, и зарулил на стоянку — уже под завязку набитую тачками. Машины стояли очень плотно — едва не царапаясь бамперами. Я пристроился рядом с «Тойотой» на воздушной подушке — аппаратом Митровских. Растолкал спящего партнера.

— Нас ждут, Саня.

Тяжелые створки дверей склада были распахнуты. Нас встретили Бармалей и Ницшеанец — вооруженные до зубов, со сканнерами и анализаторами и-карт.

— Извините, ребята, — сказал Бармалей, обыкшая меня. — Предосторожность. Личный приказ Горовца.

Проверка заняла около минуты.

«Смысл?» — думаю я, вышагивая между рядами боевых машин. Действительно — для чего эта лажа? Кибероиды давно не подстраиваются под человека — им проще выжить в своем «естестве». Датчик при любом раскладе засечет нелюдя. Чего опасается Горовец? Ответ на поверхности — легов из Ай-Пи-Аш, псов Президента. А еще конкретнее — агентов-оперов, которые по слухам, меняют лица, как перчатки.

«Собачники» сбились в тесный кружок в ангаре, предназначенном для штурмовых граверов. С потолочных панелей лился тусклый свет. Я заметил, что наемники одеты в удобные прочные шмотки; кое-кто — в армейскую форму. Сам Горовец щеголял в бронежилете и металлизированных штанах командос. Возле его ног стоял ящик с патронами, а к нему был прислонен «дракула» — шикарный ствол, пулемет, совмещенный с плазменным резаком: фактически — ручная зенитка. Как раз под стать владельцу. Горовец покосился на нас и достал из нарудного кармана мобильник.

— Бармалей, Ницшеанец, закрывайте ворота и — марш ко мне!

Он бросил на меня и Шурика оценивающий взгляд. Затем гаркнул куда-то в полумрак за спиной:

— Ворон! Выдай Костика подствольный «Ж-7».

Напарник Ведьмака — седеющий здоровяк с цыганской бородой и в шляпе с широкими долями — выступил вперед и бросил мне цилиндрик электромаг-

нитного излучателя. Я поймал его и приставил к «винчестеру» — сработали магнитные захваты, и моя пушка пробила канал к новому элементу. Классная штука — расстраивает цепи любых киберсистем в радиусе ста шагов. Если успеешь прицелиться. Но, в принципе, если успел, то и разрывная справится с делом в большинстве случаев...

Появились Бармалей и Ницшеанец.

— Так, — заключил Горовец. — Все в сборе.

Я присел на корточки и положил «винчестер», с которым уже привык не расставаться, на холодный бетон.

— Сверим таймеры, — приказал Горовец. — Сейчас пятнадцать ноль-ноль.

У большинства присутствующих часы были выведены на зрительный нерв, так что настройка не вызвала видимых действий. Только я поднял кисть с вживленным табло — там горело сакраментальное «15.00» Мимоходом отметил биометрические показания: пульс, давление в норме.

— Все знают, что делать?

«Собачники» дружно закивали.

— Отлично! На всякий случай повторю инструкции, — Горовец щелкнул тумблером у себя за ухом, и в воздухе замерцала карта. — Красные квадратики в центре — институт Генетических модификаций... Мы здесь. Задача — проникнуть на территорию объекта, выяснить, где находится гнездо «сосков» и уничтожить. Чем больше «скальпов» мы соберем, тем лучше. Все действия строго согласованы. Я сам выхожу на охоту.

Раздались жидкие аплодисменты.

— Спасибо! — Горовец скромно потупился. — Так, с задачей разобрались. Каждому в обязательном порядке иметь мобильник. У меня тут контейнер наручных браслетов — очень удобно и функционально. Теперь. Для тех, кто не в курсе — с нами идет могилевская братва. Сетевики работают в контакте с «Колобком». Влезаете в компы ИГМ, выводите из строя что только можно (особенно — охранные модули). Короче, шухер по полной. Даете мне и ребятам сигнал, что путь открыт. Мы вламываемся и аккуратно проводим зачистку. Для моих бойцов начало операции в двадцать три ноль-ноль. Шмали не курить, никакой дряни не глотать, не бухать. Увижу расширенные зрачки, не твердую походку — сразу вырубаю, — для наглядности он поднял кулак. — Просекли?

Мы снова закивали.

— Так, — Горовец приблизился к карте. — Глазки сюда. Кристина и Макс — ваш отправной пункт на Прилепского, 6. Кто пойдет со мной?

Супруги Макс и Кристина обычно делили все поровну. Каждый по очереди выполнял роль «сетевика» и «уличника». Но я знал, что по виртуалу Макс шарит лучше жены — поэтому она чаще отправлялась за «скальпами».

— Я, — сказала Кристина.

— С тобой в связке — Бармалей и Франциск. Двинетесь через мусорозавод. Обогнете свалки и через кладбище поездов — к объекту. Вопросы есть?

— На свалках много бомжей и мутов. Я имею право стрелять по живым мишеням?

— В случае крайней необходимости — да. Еще вопросы? — Горовец обвел нас взглядом. — Так.

Митровские и Ницшеанец дуют с Кузнецкого переулка. С вами будет еще трое — телохранители Рахматова. У вас справа будет атомная электростанция, а слева — «частный сектор». И через лес — к внешнему периметру объекта. — Горовец водил пальцами по голограмме. — Дальше. Ворон, Дворжецкий, Крот и Володькин — высаживайтесь с вертолета...

Да, круто. Масштабно. Вот только как мы собираемся прорваться сквозь периметр? Атака на охраняемые модули — здорово, согласен. Но периметр — штука простая. Умные люди сознательно не подключали контролирующие его компы к Сети, чем и обезопасили себя от хакерских взломов. Да и «железо» поставили самое древнее — его не достать ни с мобильного, ни со спутника. Только кабельное соединение. Скорее всего, роль охранников отведена кибероидам... Да, веселенький расклад.

— Видоплясов, — Горовец посмотрел на меня. — Ты — в квартале отсюда, на перекрестке с Лермонтова. Речка, огороды и «частный сектор». Потом — лес. Дистанция — на четыре км. С тобой пойдет Батон — это шофер Рахматова. Надежный чувак.

Но мне в душу заползли смутные подозрения.

— Батон?

— Да, это его погоняло, так он объяснял.

Я подумал, что электричество, в принципе, можно отрубить. Через ту же Сеть. Если только у периметра не автономное питание. Датчики слежения? У них ведь сверхчувствительные мембраны, правда? Ультразвук плюс сетевой удар в секторе прорыва — и дело в шляпе.

— Ребята, — Горовец чуть не прослезился. — С нами Господь, Аллах, Будда, Кришна и другие... Не подведем братанов, а? По коням!

После такого напутствия воодушевленные «собачники» разбрелись, застегивая на запястьях браслеты связи и негромко перешептываясь. Стоянка возле пакугауза быстро опустела.

Я уселся в кресло водителя я завел двигатель.

— Костя, — мой партнер вдруг нарушил молчание. — Есть просьба.

— Ну.

— Там, у них — Шаман... Вытащи его, пожалуйста.

— Не знаю, Шурик, — я пожал плечами. — Не обещаю. Будет крупная заваруха...

— Вытащи, — с нажимом повторил Марченко. — Договорились? Он сегодня умчал куда-то на гравере, вернется в полпервого ночи.

— Точно под штурм подгадал. Молодчина.

— Хватит прикалываться. Его сопровождают те придурки, что с тобой на Кедровой пообщались. Помнишь?

Я помнил. Костяшки пальцев на «баранке» побелели.

— Хорошо. Сколько их?

— Четверо. Я думаю, вы с Батоном справитесь.

— Поглядим.

Я вырулил в ту самую точку, откуда снялся около часа назад. Нас поджидал черный лимузин, а рядом возвышалась фигура любителя жареных ушей и приправы «Капитоша». Батон.

— Привет! — прогудел шофер-маньяк. На плечо он взвалил что-то вроде карманной базуки или про-

тивотанкового ружья. С таким калибром можно целую армию разметать.

Я пригласил его в фургон.

...Вечером небеса разродились. Оглушительной плетью хлестнул удар грома. И уже следом донесся его отголосок — словно далекий горный обвал или шум водопада. Нет, шум водопада — это уже дождь. Сверкнула молния.

Красиво написано. Я закончил набирать текст, заснял «акаем» очередную зигзагообразную вспышку и скачал фотку на свой файл. Сообразил гиперссылочку...

Время мы коротали, как могли: играли в «города», пили пиво, спали, чатовались в Сети с лесбиянками из Польши. Батон рассказал нам свой коронный анекдот:

— Гуляет злой дяденька, видит — маленькая девочка играет в песочнице. Он ей выколол глазик. Девочка не обратила внимания. Он ей выколол второй глазик. Девочка взяла ведро и пошла. «Ты куда?» — спросил дяденька. «А мне папа сказал: когда стемнеет — идти домой».

Шурик нырнул в Сеть и оставил нас вдвоем.

Когда мой биометрический датчик показал 22.30, дождь заметно поутих. А еще через полчаса ожил браслет:

— Всем постам. Начало операции.

Мы с Батоном вывалились в ночь. Спустились по откосу, пересекли пустырь и по шаткому трухлявому мостику перебрались на тот берег. Как два танка, топча морковку и укроп, преодолели пространство огородов.

— Куда теперь? — пропыхтел Батон.

— Прямо.

Мы зашагали по гравийной дорожке мимо покосившихся хибар. Я надел инфракрасные очки, и окружающее предстало в зеленом цвете. Я задержался, чтобы сориентироваться на местности: дорожка петляла, изворачивалась змеиными кольцами, и лес, маячивший зубчатой стеной впереди, теперь оказался справа.

И в этот момент я увидел свору.

Разъяренные псы, не менее десятка особей, с лаем мчались на нас. Батон растерянно замер. Я дал предупреждающий залп поверх голов — трассирующими, это их не остановило. Следующая очередь — по лапам. Свора перегруппировалась и... взлетела. Я увидел, как из покрытых шерстью боков выпростались кожистые крылья, под которыми угадывались очертания стальных плоскостей. Ага, «крысы». Я долбанул в самую гущу аэродинамичных дворняжек электромагнитным лучом — и не промахнулся. Ядро атакующих так подрезало — псы закувыркались, задержались, некоторые вписались с размаху в частокол слева, а некоторые пропахали мордами по гравию и затихли. Я едва успел пригнуться — уцелевшие враги со свистом пронесли над головой. Их было трое. Чьи-то челюсти клацнули в сантиметре от моей шеи. Я уже понял, что с собаками эти существа не имеют ничего общего: то, что я принял вначале за шерсть, оказалось сенсорными волокнами, лапы были перепончатыми и многосуставчатыми, а морды напоминали лемууров, только с широкими хищными пастями. Бредовище.

«Крысы» развернулись и тут их накрыло огненным смерчем — Батон пальнул из своей «базуки». Попутно он в щепки разнес жестяной сарай и коло-

дец. Я удивленно обернулся — Батон застыл, как изваяние из барельефа «Защитники Сталинграда». Ствол еще дымился.

Я достал из кармана нож-выкидуху — снять «скальпы».

— Оставь, — сказал Батон.

Я остолбенел.

— Да тут на штуку...

— Оставь, — повторил шофер-маньяк. — Никуда не денутся. На обратном пути заберешь.

Я вспомнил про ресторан «Франкенштейн» и не стал перечить.

Мы перелезли через ограду фермы, где клонировали свинину, обошли за километр вонючие корпуса, продрались, через какие-то заросли, снова перелезли через ограду. миновали гидропонные оранжереи, детскую площадку, кладбище домашних животных — и выбрались к самой кромке леса.

Таймер показывал 23.27.

Лес представлял собой загадочное зрелище. Деревья — плоды радиации и извращенной, необузданной фантазии селекционеров. Гибрид осины с березой — это еще можно понять и простить, но черная смородина на соснах — уже перебор. Кроме того, ученые ИГМ, в виде эксперимента, скрестили отдельные виды кибероидов с растениями и высадили в той же многострадальной чаще. Гоголю или Сальвадору Дали тут бы понравилось, но я старался быстрее пройти мимо оплетенных проводами квазипапоротников и прочей фигни в стиле биомеханоидов Гигера.

Наконец, полесские джунгли расступились, и путь преградил периметр. Я едва успел нырнуть обратно в

кусты и утащить за собой Батона. В десяти метрах от нас проходила фосфоресцирующая контрольно-следовая полоса. Затем — сто метров запретной зоны, освещаемой прожекторами, размещенными на укрепленных вышках и мелкоячеистое пятиметровое ограждение. На самом верху забора было смонтировано нечто, напоминающее монорельс. Лажа полнейшая, позапрошлый век. Эпоха ГУЛАГов и Освенцимов. Но от деревни защита надежная.

3.41.

Заговорил браслет — Горовец устраивал переключку. Сектор прорыва наметили в трехстах шагах справа от нас. Гранатами погасили прожекторы, полили специальным составом контрольно-следовую полосу и нанесли два удара — ультразвуковой и световой — по датчикам слежения. В 3.46 сетевики сообщили, что охранные модули выведены из строя, а электричество накрылось по всей территории Института. В 23.48 Горовец послал команду добровольцев — резать лазерами забор. Команда действовала грамотно — рассредоточилась по одному и стали кромсать периметр сразу в пятнадцати местах. В 23.51 все были мертвы.

Выяснилось, что таинственный монорельс — это подъездной путь для боевого кибероида, метко стреляющего из плазмера и спаренного пулемета, причем пули, выпущенные из него, обладали смещенным центром тяжести.

Тогда Горовец выставил наиболее тяжеловооруженных бойцов и поручил им сбивать паразитов. Батон сразу же вынес целую секцию забора. К полуночи нам удалось взорвать шестерых «рельсовиков». После этого объединенные силы Заднепровского рынка и

«Отдела по борьбе с кибернетическими аномалиями» с ревом ворвались на вражеский участок.

Корпуса лабораторий встретили нас гробовым спокойствием: никто не орал в мегафон, никто не выбегал с кулаками и пушками, никто не пытался стереть нас с лица земли. Горовец приказал штурмовать главный вход. Дверь вышиб опять тот же Батон из своей «базуки». В дымящийся проем были посланы Франциск и Ницшеанец.

Никто не вернулся.

В 00.17 Горовец получил сообщение от «Колобка» и сетевиков: «соски» предприняли ответную атаку, среди хакеров и сотрудников Отдела есть жертвы. Горовец послал группу захвата в административный корпус — за директором. Никто не вернулся.

В 00.23 я связался с шефом и попросил перевести меня и Батона на посадочную площадку.

— Зачем? — строго спросил Горовец.

— Там приземлится гравер с Широным на борту.

— Добро.

Шеф отключился.

Гравер прилетел в 00.34. Я предупредил Батона о рукопашных способностях легов и попросил не применять больше «бузуку». Уродов я скошил одиночными снайперскими выстрелами из «винчестера».

Шаман ждал нас, никуда не пытаясь удирать.

— Привет! — сказал я.

— Привет!

Глупее не придумаешь.

— Ты арестован.

Шаман усмехнулся:

— Дурак.

— Что?

— Дурак. Скажи своим людям — пусть уходят. Внутрь не пролезть.

— Это еще почему?

— Силовое поле джа. Уничтожает любую биомассу, проникающую в здание. Не отключается.

Широв говорил быстро, отрывисто.

— А как заходят сотрудники Института?

— Никак. Их нет. Здесь больше нет людей.

— Кибероиды?

Он кивнул.

— А ты?

— Меня везли на ликвидацию.

Ну, конечно. Ты им выложил все на блюдечке и больше не нужен. Ты же — человек, к тому же знаешь слишком много. «Ликвидация» — экологически чисто, бесследно. Толкнуть парня в силовое поле — и нету его. Но что-то не вписывается в конструкцию. Леги. А еще — Президент и Ай-Пи-Аш. Реальное правительство Белополиса — на стороне кибероидов, так получается?

— Садись в тачку, — сказал я Шаману. — Поговорить надо.

Гравер повел Батон.

2. 4.(9.05.2164)

Я снял «карнавальную маску» и выдернул из черепа биос.

В жилой части фургона меня поджидала интересная троица: Костя, Батон и Вадик. Лица — мрачнее

тучи. Дождь всюду хлестал по корпусу, превращаясь в ливень. Я вытер пот со лба — холодный пот.

— Фанты, Шурик, — сказал Костя.

Шаман вдруг занервничал:

— Вы тут сами разбирайтесь, а мне пора... По Агломерату охота разворачивается — и чем скорее я доберусь до границы, тем лучше. И вам советую отваливать.

— Тебе с твоими заслугами лучше на орбиту податься, — зло посоветовал Костя. — А оттуда — на луну или астероиды. Затусуйся на дно кратера — и чтоб ни слуху ни духу.

— Заткнись, Костя! — устало перебил я. — Пусть идет.

— Я тоже пойду, — буркнул Батон. — Перед Гасаном отчитаюсь. — Он повернулся к Вадику: — Подбросить на «До»?

— Спасибо, я сам. У меня гравер.

Они исчезли. В лобовом стекле кабины промелькнули огни лимузина, искаженные водяными разводами. Громыкнуло.

Во мне еще живет потрясение от ментальной атаки «сосков». Третий хакерской группы Рахматова смяло... Макс, Ведьмак, Митровский-младший и Сэм не вернулись в реал. Остальные лечатся, водкой и транквилизаторами. Надеюсь, это не зря.

— Провал, — сообщил Костя. — Полный.

Я устало опустился на коврик.

— Ну?!

Напарник дернулся от моего крика.

— Шли хорошо, — Костя нервно поглаживал один из стволов «винчестера». — На периметре потеряли

пятнадцать человек. И вдвое больше — у корпусов. — И тут он сорвался: — Понимаешь, там ничего нет! «Крысы», «соски» и силовуха джа! Они шныряют взад-вперед, а от наших даже пыли не остается — мгновенно раскладывает на молекулы! Ницшеанец, Бармалей, Крот, Ивашкевич — все мертвы!

Он заплакал.

Я впервые видел, как плачет «краповый берет» — молча, зло. Каменное выражение лица и ручейки из уголков глаз. Губа нижняя дергается. И ни звука. У меня не хватало сил даже на это.

Минут десять я его не трогал. Потом он сам заговорил:

— Скальпов — завались, Саня. «Крысы» на нас стеной перли. Как саранча. Горовец занял круговую оборону — отбились. А толку? Сквозь поле не пройти, сигналы «жучков» оно тоже экранирует. Толстый приказал отступить.

Заднепровские посадили своих на вертолеты — и тю-тю. А нам — обратно через лес, огороды и «частников». На мусорозаводе попали в засаду — по граверу лупанули тепловым лучом. Едва не зажарились. А из тех, кто возвращался пешком, никто не выжил... И знаешь, что самое страшное, Санек? Вот мы с тобой гадали, для чего «соскам» Инфосфера. А для чего им Сеть, а? Они там обитают, правильно? У них там ареал, цифровое пастбище. А Инфосфера — новая ипостась «паутины». Они туда пареселяются, Шурик! *Переселяются*. Благодаря биопортам Инфосфера становится частью сознания, да? Зачем воевать с людьми, зачем нас уничтожать? Зачем? Знаешь, кто установил силовуху? Сотрудники Института. Вот...

Он вытащил из кармана устройство, похожее на пистолет.

— Что это? — спросил я.

— Имплантатор. Вместо пуль — биопорты. В обойме двадцать штук, я посчитал. А на территории ИГМ — ни души. Они все поперлись в город. С такими вот игрушками в руках. Кстати. На, послушай.

Он протянул мне радионаушники. Сквозь помехи звучала реклама: «...Биопорты от Ай-Пи-Аш! Это круче вирта, круче миров Чедвика, круче картриджей с реальностями! Это — свежее дыхание! Вживляй и присоединяйся, наш выбор — высокое качество ощущений...»

Я выбросил наушники в окно.

«... течения... потоки... Вот как достать уродов. Вмазать дестройсофтом по ключевым векторам...»

Если не поздно...

Ерунда. Хоть кого-то — достану.

Я принял решение.

— Надо ехать в Отдел, Костя. Через Кедровую.

— На хрена нам Кедровая?

— Надо. У меня есть план. Высадишь меня, а сам дуй к Горовцу. На максимальной скорости. Понял?

— Да.

— Чудненько!

В кабине гудел ветер, изредка залетали холодные брызги. Я поднял стекла. Костя сел за руль. Фургон тронулся.

...Подлинное рабство. Хомо сапиенс — придаток более совершенного разума. Сами по себе, в невещественной Инфосфере *они* бессильны. А вот имея подвластные руки-ноги плюс манипуляторы модернизи-

рованных кибероидов... Со временем, безусловно, нужда в человеке отпадет — как в бессмысленном рудименте. Каждый индивид системы будет заменен многофункциональным механизмом, удобным в обращении. И тогда можно творить, изменять Вселенную как заглагорассудится.

А потом заработает теория Шамана. Биты соединяются в байты... «Соски» размножаются, заполняют собой ареал и преобразуются в *нечто*. Тот самый, долгожданный ИскИн. Очередной эволюционный виток завершится.

Если никто не помешает.

Структура, предназначенная для фиксаций, сама преобразует окружающее. И эта структура обладает *знанием*, недоступным никому на Земле. Само пространство-время, континуум записывается на жесткие диски Инфосферы. Как медом соты — наполняются информацией кластеры. Даже сейчас. Каждую секунду. Это же власть, безграничная власть над реальностью, и «соски», бывшие сетевые паразиты, похоже, собираются перекалфицироваться в богов.

Фургон сильно тряхнуло. Странно — шоссе идеально гладкое.

— Останови, — попросил я Костю.

— Зачем?

— Надо.

Мы резко затормозили. Я открыл дверцу и шагнул на мокрое пласторезиновое покрытие. Отвесные струи, подсвеченные неонам витрин, хлестали по голове, щекам, плечам. Метрах в тридцати позади фургона я нагнулся, чтобы получше рассмотреть предмет, через который мы перелетели: черный, скукоженный

шар, похожий на футбольный мяч (по размерам) или колобок. Мертвый «колобок» — я усмехнулся пришедшей в голову ассоциации. Он отвалился от какого-нибудь утилиткабеля в каком-нибудь модном бутике и выполз на трассу умирать. Мне вдруг стало весело, как после просмотра детской мультяшки. «Колобок» выполз умирать... Да, смешно.

Я захлюпал обратно.

— Что там? — Костя раздраженно мусолил бананку. — Прокладку потерял?

— «Сосок», — объяснил я. — Труп.

— Труп? — уточнил Костя. — Снимай «скаल्प», партнер.

— Кому он теперь нужен, — я ощутил на языке горечь. — Кому?

Костя не ответил.

— Двигай, — сказал я. — Медленно.

Фургон потащился по стреле трассы в нагромождение башен, салонов и «ночников». Я уныло шагал рядом.

— Залазь, — пожалел меня Костя. — Промокнешь.

— По фигу.

Вскоре я заметил еще одного «колобка» — прямо под плакатом водки «Доброе утро». Жалкий, совершенно не опасный трупик.

— Сдох! — радостно заорал Костя, высовываясь из кабины. — Все сдохли, твари! Все! Круто, а?

— Дурак, — сказал я. — Это как реикарнация. Физическую оболочку отбросили и теперь прикалываются над нами оттуда.

Я ткнул пальцем в небо.

Костя потух.

Вода струилась по лицу, стекала за шиворот, когда я захлопывал дверцу, отрезая себя от непогоды.

— Мы пропустили момент, — сказал я.

— Какой?

— Не знаю. Но пропустили.

Костя обдумал мои слова.

— Шурик... Возможно, я не прав, но мне кажется, что мы с самого начала все пропускали. Так боксер-профессионал уделяет новичка-третьеразрядника. Мы сами себя выпустили на ринг и нехило лажанулись. А теперь?

Меня вдруг осенило:

— Зря мы отпустили Шамана.

Наши взгляды встретились.

— Зря, — согласился Костя.

На проспекте Мира в могилевской зоне мы насчитали несколько сотен «колобков».

— Озолотиться можно... — причитал Костя.

— Давай рули...

Нормальные люди активировали бы кибернавигатор, но нам, не удавшимся спартанцам и легионерам, в одном флаконе хотелось иметь видимость контроля над ситуацией.

Костя высадил меня у Кедровой, помахал на прощанье рукой, и взял курс на Минск. Я побрел к сияющему квадрату вестибюля. С клубных уровней грохотала музыка — там разгоралось экстазийное пламя вечеринки-парти. Снуют дилеры, предлагая свой товар, танцует молодежь, крутятся голографические световороты. Безумство незнания...

На сей раз я не цацкался с лифтом — просто выбил панель терминала, перепрограммировал его на быстрый ход.

«...течения... потоки...»

Я взмыл со скоростью экспресса. Желудок потянулся к земле. Плохой из меня космонавт...

Стоп.

326-ой этаж.

Я заспешил по безлюдному коридору. Успеть бы...

Я понимал, что поздно. Но в душе кипела злость — пусть не всех, пусть последних, но достану...

Знакомая, почти уже родная квартира. Я придвинул к компу пластиковый ящик и уселся, положив руки на клавиатуру. Замер, внутренне подготавливая себя к битве. Вдох — выдох... Ныряй, сетевик.

Я достал из кармана кубик оптокристалла с дестрой-софтом и вложил в приемный паз рядом с дисководом. Вспыхнул индикатор готовности. Я вставил биос в черепной разъем, надел сенсорные перчатки и «карнавальную маску».

Диск «А».

Каталог «Мысли»...

«Прощальный файл»

Шаман на старой расшатанной табуретке в своей двоичной комнате.

— Всего лишь мой аватар, Саня...

— Я знаю. Послушай, Вадик, оставь свои лекции, ладно?.. Где лежат данные о битовых течениях? Твои исследования по «соскам», помнишь?

Аватар глубоко задумался. Хоть бы тебя не перемкнуло, дружок.

— Диск «С», — начал он.

Уже легче.

— Ну, смелее, — подбодрил я.

— *«Виртуальный социум»... «Слепой кот»...*

— Пароль?

— Догадайся сам.

— Не дашь?

— Нет.

Придурок...

Я выпрыгнул в буфер, переметнулся на диск «С» и дальше — по указанному маршруту. Там, в далекой нереальной реальности, пальцы нащупали кубик с «буравчиком» и скормили прожорливому приемнику. Здесь, после часа ювелирной работы я взломал *«Слепого кота»*, пробрался через джунгли технической информации и нашел то, что искал — сетевые координаты миллионов битовых течений. Я даже не подозревал, что их так много... Выделяю основные (их всего несколько сотен) и скачиваю в оперативную память. Так. Осторожненько пятимся назад, чтобы ненароком не зацепить стенки пробитого «буравчиком» тоннеля. Снова буфер. Я выхожу в Сеть и запускаю «поисковик». Двадцать минут ожидания — и объекты выявлены. Я завис в голубом ничто: передо мной — галерея картин. Каждая — квадрат метр на метр, а в нем — цифровые потоки несутся к призрачной перспективе. Галерея изогнута дугой — я могу дотянуться до каждой картины... Но это всего лишь срезы, сечения. Биты вытекают из них, проходят сквозь меня и исчезают, теряются в дебрях утилиткабелей и спутниковых каналов. Я ощутил дуновение — скорее сознанием, чем кожей — по одной из двоичных

рек ко мне неслась смерть. Та самая, что убила Макса и других ребят.

Но дестрой-софт уже загрузился — сила против силы, сминающая, жестокая, запрещенная программа.

И в тот момент, когда смерть почти настигла меня, пальцы в сенсорных перчатках надавили «энтер», запуская акулу в тихие воды пастбищ.

Жрите, уроды...

1. 5 (9.05.2164)

Дом литераторов напоминал склеп.

В конференц-зале тихо плакала Кристина. Не люблю я этого — когда бабы ревут. Стоишь у нее за спиной, как debil, словно сам виноват. Слов куча, но все какие-то глупые. Макс был классным «собачником» — мы иногда работали вместе на крупных работах. И умер он как герой — хотя и бессмысленно. Ничего, спартанцы тоже гибли без смысла — внешне. А выбор у них был? Вряд ли. Как и у нас.

Я тронул ее за плечо.

Кристина вздрогнула и обернулась: низенькая, с короткой стрижкой, но мускулистая и довольно красивая девушка.

— Где Горовец? — спросил я.

— В компьютерном.

— Один?

Она кивнула.

— А другие?

— Больше никого нет.

— Совсем? — не поверил я.

— Совсем.

Похоже, крысы разбегаются. Не кибероидные, антисоциальные, а те, что сваливают обычно с тонущих кораблей. Наверное, правильно делают. Война окончена, и мы ее проиграли. Незачем приносить себя в жертву. Время собирать камни и время их раз бросывать. Доразбрасывались. Пора сваливать.

На пороге «аналитического центра» я замер. Горовец сидел, развалившись в кресле-вертушке перед видеостеной. На квадратах мониторов город жонглировал огнями и рекламами, плевался неоном. Изображение наплывало — я понял, что камера расположена на борту машины. Геликоптер? Прямо по курсу маячили черные точки. Целая эскадрилья.

— Штурмовые граверы, — пояснил Горовец. — Практически истребители узкого спектра действия. Я поднял их в воздух.

В голосе флотского украинского оператора звучала неподдельная гордость. Он словно помолодел. Сбросил десяток лет. Это он, Горовец, вновь и вновь крушил Стамбул — свой личный Стамбул...

Я понимаю его. Люди не могут проникнуть в ИГМ. Зато ракеты могут.

— Гена, — начал я. — «Соски»...

— Что — «соски»? — он развернулся лицом ко мне.

— Они переселяются. В Инфосферу.

— Глупости.

— Это правда.

— Их не будет через... шесть минут и восемнадцать секунд. А потом вы проведете зачистку, и я уйду на пенсию.

Я покачал головой.

— Нас только трое, Гена. Ты, я и Кристина.

— Плевать. Новых наберу.

— Они переселяются, Гена! — заорал я. — Про-секаешь? *Ин—фо—сфе—ра*. Они почти все там! Уничтожение Института ничего не даст.

— Даст, — Горовец хищно оскалился. — Даст. Сейчас он вспыхнет — красотища будет...

Огни на экранах сместились вправо.

— Они разворачиваются, — сказал я.

— Это невозможно.

Я хмыкнул. Затем спросил:

— Кто владеет кодами доступа к бортовым компьютерам граверов?

— Я.

— Еще?

— Президент, естественно. У него все ключевые коды.

— Белополису конец, — пробормотал я. — По крайней мере — человеческому Белополису.

Горовец все-таки соизволил взглянуть на экраны. Изображение сдвинулось на 180 градусов. Граверы летели прямо на нас. И, вероятно, уже наводились ракеты.

— Это ведь тоже киберы, — печально улыбнулся я. — Недоразвитые чуть-чуть, зато легко управляемые.

— Невозможно, — повторил Горовец.

Я представил Дом литераторов в перекрестье прицела. И, наконец-то, сложились в общую картину отдельные мозаичные кусочки: Президент, Ай-Пи-Аш, леги, ИГМ, мы и *они*. Все состыковалось.

— Гена, повсюду распространяются биопорты. Через них «соски» манипулируют людьми. Население Белополиса инфицировано этой заразой. И он — тоже.

— Что — тоже?

— Да неужели не ясно? Президент — кукла. И с ним в команде — Совет директоров Ай-Пи-Аш... Мы с тобой вне закона. Надо уходить.

— Куда?

— В Нордик... В Питер... Куда угодно. Подальше отсюда. За границу.

— Эй, парни, о чем вы? — на пороге возникла Кристина.

— О том, что мы стоим здесь, как безбашенные космические отморозки и ждем, когда здание разнесут в щепки.

Шеф резко выпрямился — словно ожившая скала. Я приготовился принять на голову мощнейшую подачу — после которой вряд ли оклемаюсь. Но ничего подобного не случилось. Горовец подхватил с пола невостребованного «дракулу» и принялся его неторопливо изучать. На экранах огни слипались от скорости.

А в глазах Горовца пылал Стамбул...

Фургон завелся с полоборота.

— Агатовая, — сказал шеф. — Там у меня геликоптер.

Я повел машину вдоль Свислочи. Горовец в соседнем кресле почти не шевелился, лишь иногда бросал реплики, как лучше проехать. Кристина заснула в салоне.

1.6 (9.05.2164)

На площади Победы лазерные нити соткали экран метров пятидесяти в диагонали — там красовались наши рожи, а в бегущей строке команда: *Убить*.

— Зачем эта показуха? — фыркнула Кристина. — Гораздо проще — напрямую, через биопорт. Для нас?

— Конечно, — Горовец зло сплюнул. — Обложили, твари.

Агатова башня тысячеэтажным монстром буравила небеса. Колоссальный жилой комплекс, уступчатые уровни бутиков, ларьков, баров, ресторанов и крытых зимних рынков... Некоторые десятилетиями не покидали этот мирок и с трудом представляли, что находится за его пределами. Опасаясь людных мест, мы начали длительное восхождение по внешним галереям. Здесь с наступлением весны закипела жизнь: повывезли из щелей уличные художники, цыгане, лоточники, торговцы мороженым, дешевыми корейскими шмотками, картриджами, дисками и оптокристаллами, насваем и разными хитроумными имплантами, косметикой и лицами, голографическими татуировками, стволами и даже книгами — кучей склеенных бумажных листов с буквами древних языков. К тому времени, как распространилось эсперанто, их почти прекратили издавать... Чем выше мы поднимались, тем пустынее становились галереи. На двухсотэтажном рубеже мы выдохлись. Тут уже всюду ревел северный ветер, тот, что принес с собой дождь и грозу, а капли холодными клинками вонзались в кожу.

Где-то за нашими спинами догорал Дом литераторов. Восточные уступы озарялись фиолетовыми вспышками. Сердце дико стучало — подскочил адреналин, а на таймерах было 4.56. Утро. Из-за горизонта близился рассвет, но доживем ли мы до него?

— Надо рискнуть, — сказал Горовец.

Я думаю о Шурике: «Если ты еще на Кедровой, напарник, я тебя вытащу. Только не уходи никуда, пожалуйста. Мы прилетим и заберем тебя. На войне своих бросать — последнее скотство».

— Надо рискнуть, — повторил Горовец. Он прокричал эти слова, перекрывая вой ветра и шум дождя. — Рванем к лифтам.

— Опасно, — возразила Кристина.

— Рискнем, — поддержал я шефа.

Ветер отрезал прозрачные заслоны. Кристина шла первой, мы — за ней. Коридор, по обе стороны его — ряды квартир. «Винчестер» я сунул в кобуру, пристегнутую сзади к комбинезону. По карманам были расставлены гранаты, пачки банкнот (кредитку я не брал, вычислить беглеца по ней сможет и младенец), кубики с софтами — имущество Шурика. Зачем я их взял — без понятия. В крайнем случае — загоню на черном рынке. Товар ходовой...

Из-за поворота нарисовался коротышка в идиотских брюках-клевш и жакете поверх рубашки в полосочку. Он мгновенно узнал нас. В серых невыразительных глазках мелькнул испуг, а затем... он полез за пушкой.

— Стоять! — рявкнул Горовец.

Коротышка состроил дикую гримасу, заглядывая в дула трех стволов. В его вытянутых руках дрожал пистолет — такой же самый имплантатор, что валяется где-то в салоне фургона. Копия.

— Дай сюда! — приказал Горовец.

Шизоид замотал головой. И нажал на спуск.

Шквал огня снес бедолагу. Горовец удивленно потрогал плечо — из его сочилась кровь. Имплант заст-

рял в древнем косяке — желтая капсула с бритвенно-острыми усиками. Эти усики вдруг зашевелились и биопорт буквально вгрызся в пластик, ввинчиваясь по часовой стрелке.

— В сердце метил, ублюдок, — прорычал Горовец. — Царапнуло... Повезло.

Мы оттащили тело к мусорной шахте и сбросили.

— Здесь рядом — грузовые кабины, — сказала Кристина. — Вот указатели.

Горовец вырезал лазером дыру в стене (доступ был ограниченный, по пропускным чипам), и мы забрались на широкую, грубо сваренную платформу, подвешенную на сплетенных из мономолекулярных нитей тросах. Я лег спиной на жесткие стыки — передо мной распростерся туннель в бесконечность. Кристина выкорчевала коробку передач, переставила две клеммы, и платформа вдавилась мне в позвонки. Уровни Агатовой уплывали прочь... Я представил колоссальный муравейник Белополиса — неправильной формы звезду, изъеденную автострадами, источенную подземкой, утыканную башнями, пронизанную кабелями коммуникаций... Представил полумиллиардное население, снующее по норам и червоточинам техносферы. Без смысла. И это было — будущее. То, в которое мы загнали сами себя, и из которого нет выхода. А затем я представил другие Агломераты — Нордик, Токио, Лондон, Сингапур, Бейрут... Орбитальные поселения — Дзен-Трансо, Шива, Альфа... Инопланетные мегаполисы — Порт-Арес, Каньон-Сити, Венераполис, пересадочные станции... И повсюду расплозается зараза. Незаметные агенты серыми тенями внедряются на орбиту, садятся на корабли и сеют, сеют зерна Инфосреды, раздвигают пределы ее влияния...

Я не знаю, что делать.

На крыше было холодно. Ветер швырял в лицо пригоршни влаги. Здесь царила мгла — тучи обволакивали уступы и парапеты. Погодка...

Свод ангара разомкнулся, выпуская гелекоптер. Горовец подключился к машине биосом — каждый взмах лопастей вихрил его кровь, гонял по жилам лейкоциты и адреналин...

— Кедровая башня, — сказал я.

Мы спикировали под облачный слой. Зарево рассвета уже полыхало над Белополисом — зарево чужого рассвета. Проблема детей и родителей... Мы создали поколение врагов — настолько непостижимых, что даже не ясно, как с ними бороться.

Горовец посадил аппарат на стилизованный под ветку нарост закусочной.

— Давайте живее, — шеф заметно нервничал. — Туда и обратно. Где квартира?

— 326-ой этаж, — ответил я.

— Жду сорок минут. Потом устраиваю грандиозный шухер. Марш!

Мы с Кристиной по вырубленным в «коре» ступеням спустились в закусочную — там суетились усатые грузины, подавая на столы-пни гроздьях шашлыков на стальных шампурах и румяные чебуреки. Микроволновки тут были замаскированы под глиняные очаги. Люди веселились, пили вино, танцевали лезгинку — симпатичная такая диаспорка.

Но в картину мироздания вписались мы. И полетели ножи и... стаи упреков... Нет, полетели не ножи, а шампуры — повара-горцы, оказывается, ловко метают орудия своего труда.

Пригибаясь, я заметил, как на ладони Кристины металлический цветок распускается полуметровыми лопастями, и жирные железяки с лязгом отскакивают от полупрозрачного круга — пропеллера в миниатюре. Изыщным взмахом Кристина снесла голову ближайшему противнику — волосатому детине в белом фартуке. Я поразился жесткости приема. Я привык видеть в жене Макса обычную женщину, слегка накачанную, но никак не безжалостного убийцу. А этот имплант... Штуковина из Нордика. В Белополисе я подобного не встречал.

Мысли промчались в голове смерчем. А затем сработали рефлексы — не «собачника», а «крапового берета» и лега из Интерпола. Я вскочил на «пенек», расшвыряв тарелки и бокалы с сухим красным, попутно впечатывая ботинок в чью-то челюсть и заорал благим матом:

— На пол! Всем лечь на пол, гондоны!

В доказательство своей правоты пальнул в светильник-лилию из «винчестера». К моему удивлению сработало — почти все повалились на ковры. Все, кроме толстого чувака, увлеченно х•вающего сардельки с кетчупом, и его «дюймовочки» весом в полтонны.

— Тебя не касается?! — Я смерил борова уничтожающим взглядом.

— Он глухонемой, — жалобно пискнула «дюймовочка».

— Правда? — Я поудобнее перехватил «винт». Боров умиротворенно чавкал сардельками — гастрономическая идиллия. — Ладно, извините.

«Дюймовочка» скорчила гримасу — наверное, улыбнулась.

Лопаста замедлили ход и втянулись в ладонь моей спутницы. Я присел на корточки, взял графин с вином и порядочно отхлебнул.

— Зд•рово!.. Хочешь попробовать, Кристи?

— Мы спешим.

— Да... конечно.

Башка толстяка выпала из прицела.

— Идем.

И тут глухонемой жиропас выстрелил. Капсула биопорта саданула мне в плечо, вынудив полуразвернуться. Импульсы побежали по нейропроводам и привели в действие спусковой механизм. Обойма разрывных привела в негодность стойку и видеостену с красным Марсом — он рассыпался искрящимися осколками. А грудь толстяка расцветилась злыми пятнами — Кристина открыла огонь из своего спаренного «Макарова».

— Еще кто-нибудь?

Посетители закуской боязливо вжимались в пол.

Мы вышли через проем, завешенный шторкой с кавказскими горами. Нам повезло — 338-ой этаж.

— Спустимся по лестнице, — предложил я.

— Хорошо, — кивнула Кристина. — Как плечо?

— Ерунда, — рука повисла безвольной плетью. — Бывало и хуже.

— Партизан весел тогда, когда под откосы летят поезда, — не к теме ляпнул «винчестер».

Пожарная лестница была вынесена в толщу «коры» и, соответственно, страдала узкостью и пылью (ей давно уже никто не пользовался). Вдобавок — темень беспросветная: половина осветительных панелей перегорела, оставшиеся покрылись грязью и паутиной.

По обе стороны — хитросплетения коммуникаций. Кристина, запустив руки в джунгли проводов и труб, подключилась к сетевому кабелю и вошла в локалку Кедровой. Круто. Значит, у тебя, подруга, еще и встроенный биоинтерфейс, и процессор, вывод на зрительный нерв... Кем же ты была раньше?

— Системы слежения его засекли, — сказала Кристина. — Он в квартире. Уже много часов.

На площадке с намалеванной распылителем цифрой «326» я остановился. Мутило. Красное, что ли, вставило?

— Хреново? — поинтересовалась спутница.

— Фигня, — я отмахнулся.

Кристина крутнула невидимый маховик и распахнула аварийный люк. Мы вывалились в коридор. Люк автоматически захлопнулся.

— Куда?

— Прямо, — я повел ее извилистым коридором, смахивающим на лаз, проделанный жуком-короедом. Извращение...

— Надо бы вытащить имплант, — забеспокоилась вдруг Кристина. Ее голос доносился, как сквозь вату.

Я промолчал.

Дверь квартиры Шамана просканировала нас и отказалась пропустить. Я попробовал еще раз — без Кристины. Получилось. В мозгах шумел прибой. В набегающих приливных волнах чудились голоса: песни, смех, чей-то настойчивый повелительный шепот.

Я увидел Марченко. Партнер скрючился под тумбочкой с компьютером, застыв в позе эмбриона. Биос торчал из затылочного разъема, на лице — «маска»,

пальцы в сенсорных перчатках прижаты к вискам. Рот в немом крике. Запекшаяся струйка крови. Он был мертв.

— Нет...

Я нагнулся, сорвал «маску» — он, Шурик.

Комп разбился от удара прикладом. Сначала я разгромил жидкокристаллический дисплей, затем системный блок и клавиатуру. Оборвал паутину проводов, тянущихся к телу моего друга, взвалил его на плечо и, пошатываясь, побрел к выходу.

Кристина ждала, прислонившись к стене. Я аккуратно положил Шурика на пол.

— Вызывай «скорую».

— Сдурел? Нас повяжут.

— Ему плохо, — я проглотил вставший в горле ком.

— Ему уже никак, Костя... Он мертв.

— Проверь.

Кристина послушно склонилась, стала нащупывать пульс.

— Сердце не бьется, Костя. Да он и не дышит.

— Не дышит?.. — тупо повторил я.

Туман в голове вдруг развернулся в объемную картину: круги на воде (это круги посвящения, подсказали мне), божественный свет и шепот, перерастающий в громopodobный рев:

— Убей!

Я не могу противиться: эта команда — часть меня, она струится по нервам, пульсирует в мозгу...

— Убей!

Я начал медленно поднимать «винчестер» — напротив стоял объект: женщина с широко раскрытыми

глазами. Я ощутил себя клеткой организма, молекулой, песчинкой чего-то большого, доброго, заботливого и непостижимого.

— Убей!

Я послал импульс спусковому механизму.

Но Кристина успела раньше — локоть врезался в мою челюсть. Мир померк, погрузился в странный водоворот.

1.7(10.05.2164)

Я очнулся в реанимации. Воздух стерильной чистоты. Мягкое ультрафиолетовое сияние, музыка для релаксации (шум прибоя, крики чаек), кафель, хром, зеркала...

Я в пижаме. На кушетке. Дверь открывается и входят Кристина, Горовец и мужик в белом халате. Врач.

Я выпрямился. В районе четвертого позвончика мое движение отозвалось болью.

— Не напрягайся, — посоветовал Горовец.

— Пусть, — врач бодренько приблизился к кушетке и ткнул меня кулаком в плечо. — Как самочувствие?

— Нормально, — я заметил, что рана почти затянулась — в том месте пижамы съехала и виднелись рубцы. Догадываюсь: заживляющий гель. — Где мы?

— Подпольная клиника доктора Кларка, — объяснил Горовец.

— Доктор Кларк — это я, — мужик расплылся в благодушной улыбке. — По каталогам из Нордика монтируем и имплантируем любые железки. Вчера

пришлось удалить из тебя вот эту шуку... — Он разжал кулак и протянул мне знакомую капсулу.

— Кларк — мой друг, — сообщил Горовец.

— Сложнейшая операция, — продолжал доктор. — Хреновина проделала под твоей кожей лаз и подключилась к позвоночнику. Еще пара часов, и наступила бы фаза полного слияния. Тогда пришлось бы заменить спинной мозг, вызывать нейрохирурга... Тебе повезло, парень.

Я кивнул:

— Спасибо, док.

— Ты меня чуть не замочил, — упрекнула Кристина.

Я вспомнил. И потрогал щеку. Кларк правильно истолковал мой жест:

— Ты напичкан обезболивающим.

Боль, действительно, ощущалась только в позвонке.

— Давно я здесь?

— Сутки, — ответил Горовец.

— Сутки... — Я потрогал подбородок — щетина. — А Шурик?

Горовец нахмурился.

— Его нет.

Вчерашний день возвращался кусками, эпизодами.

— Кристина твою задницу на себе вытаскивала, — с гордостью сообщил шеф. — Как на войне.

— Где «винт»?

— Забрали, не волнуйся.

— Где шмотки?

— Реактивный мальчик, — Кларк довольно ухмыльнулся. — Комбинезон, ботинки, нижнее белье —

в секторе химобработки. Содержимое карманов — в камере хранения.

Я встал, хрустнув суставами. Потянулся. Перед глазами вновь поплыли круги — я вытянул руку и ухватился за край кушетки, чтобы не упасть.

— Адаптация займет около восьми часов, — сказал доктор. — На, держи.

Я поймал пластиковую коробочку с горошинами таблеток.

— Нейростимулятор.

— Наркотик?

— Безопасная доза, — обиделся доктор.

— Сколько тут?

— Две пачки. По шесть. Прием — три раза в день. Свободен.

Он проводил меня в комнату с ящиками-секциями. Под номером «18» хранились мои вещи. Я скинул пижаму, хлопнул по кнопке со значком стиральной машины, и хламида провалилась под пол — на дезинфекцию. Оделся. Пересчитал деньги, кубики с софтами и разложил добро по карманам. Бережно взял «винчестер», с умилением погладил каждый из четырех стволов и сунул оружие в кобуру, сгреб яйцеобразные гранаты на липучках и прицепил их к поясу. Защелкнул на запястье браслет-мобильник. И шагнул в проем диагностического бокса. Проем затянулся герметичной полимерной пленкой. Меня просканировали, просветили, сняли показания биометрического импланта — и выплюнули в смежное помещение.

Всплыли обрывки сна: я в точно таком же боксе, но абсолютно голый и в состоянии невесомости. Словно в утробе матери. Вспышка. Смена кадра. Я в опера-

ционной. С потолка опускается кибероид и колет меня инъектором. Я почему-то его не боюсь и даже не пытаюсь убить...

Я опять в реале.

Хотя, по правде, никогда его и не покидал.

Похоже, меня вытолкнуло в гостиную: мягкая мебель, видеообои с бразильской сельвой... и развалившиеся в креслах Горовец, Кристина и Кларк.

— Садись, — Кларк указал на пухлый диванчик.

— Я постою.

— Как хочешь, — в руке доктора появилась коробка дистанционного пульта. — Итак, вы желаете сделать пластическую операцию?

— Не совсем, — возразил Горовец.

— Коррекция?

— Нет, — в разговор вступила Кристина. — Временные маски. Квазиживой полимер... Вы оказываете подобные услуги?

— Да, — Кларк на секунду задумался. — Оказываем. Но вы должны знать, что маска — это симбионт человека, организм с определенным жизненным циклом. Как правило — от нескольких минут до нескольких лет. Чем больше возраст, тем выше цена.

— Это не опасно? — спросила Кристина.

— Нет. Но когда цикл завершается, маска умирает. Она течет, расползается... Малоприятное зрелище.

Кларк нажал клавишу на пульте. В воздухе сформировались лица — наши лица. Они постепенно приобрели объем, цвет и четкость. Стали головами, вращающимися вокруг собственной оси.

— У меня обширный каталог, — сказал он. — Можно изменить пигментацию, монголоидный тип... — Дви-

жение пультом. Рядом с нашими рожами возник черноволосый китаец. — 408-я модель. А вот — женский вариант, лот 356.

Из призрачных нитей соткалась китаянка.

— Негроидный. Лот 561. Также богатый выбор подтипов: метисы, мулаты...

— Мне нравится, — сказал Горовец. — Хочу быть негром.

— Придется все тело перекрашивать.

— Я куплю черные перчатки.

— Оригинальное решение, — похвалил Кларк.

— Ваш выбор?

— Лот 561.

— Чудесно. Представитель одного из племен Нигерии. С такой внешностью лучше всего закосить под колдуна. У меня и шмотки припасены. Термин действия?

— Неделя... Думаю, достаточно.

Голографическая маска наплыла на лицо Горовца. Совместилась. Теперь это был другой человек.

— Она питается теплом вашей кожи, — сказал Кларк. — Вполне достаточно для ее обмена веществ.

Из подпольной клиники вывалилась отороженная компания: здоровенный африканский колдун в разноцветной хламиде до пят, с посохом из баобаба в руке, украшенным страусиными перьями, и бубном с колокольчиком — в другой, с ожерельем из зубов орангутанга на шее и толстой сумкой на ремне (где он хранил волшебные амулеты и «дракулу» с запасными рожами); девушка-китаянка и австралийский абориген с бумерангом и «винчестером». Мы вышли из потайной

двери на станции метро Купаловская и сели в моно-рельс до могилевокой зоны. Поезд начал разгон.

— Куда теперь? — спросил я.

— Мне нужен комп, — сказала Кристина. — Теперь нас нет. Надо сделать новые идентификационные карты и стереть наши файлы в ДБЗ.

— Ты собираешься взламывать Департамент Безопасности? — не поверил я.

— Его филиал в Белополисе.

— Дура!. Тебя вычислять, как два пальца.

— Я — бывший спецвир Ай-Пи-Аш, — перебила Кристина. — Специалист по виртуальной реальности, хакер в законе. И бывший агент самого Департамента. Приходилось ломать системы шестого-седьмого уровня секретности.

— А сколько их всего?

— Семь.

Я заткнулся.

— Возле Быховокого рынка есть точка, — продолжала Кристина. — Магазин картриджей и ди-ви-ди-дисков. А в подвале — бар с платными портал-кабинками. Можно снять и целую комнату. Зависнем на денек-другой.

— Это возле ресторана «Франкинштейн»? — заинтересовался Горовец.

— Нет, «Франк» — в Брестской зоне.

— Жаль, — наш колдун облизнулся. — Вкуснготовят... Бухой был, не помню как добираться.

Я вспомнил про жареные уши с майонезом и чуть не блеванул.

На станции «Могилев Северный» мы вышли в девять вечера, поднялись до наземных горизонталей,

тормознули такси и без проблем домчались до указанного Кристиной магазинчика. Было еще светло, но город уже укутывался неоном и электричеством.

— Здесь, — сказала Кристина.

Мы остановились перед одноэтажным зданием, на вывеске которого значилось:

*КАТРИДЖИ
ДИСКИ
ОНТОКРЕСТЫ*

Чуть ниже висело объявление:

«Ангрейдинг старых носителей.

Оцифровка.

Художественное оформление сайтов».

Мое внимание привлекла витрина: сотни желтых, красных, зеленых прямоугольников. «Марсианский конфликт», «Чечня», «Мегапорт Каллисто», «Лучшие клипы этого года», «ДЖЭМ-СТЭП-ФАНКИ-ХИТС», «Рай зоофила» и т. д. К стеклу был приклеен плакат: худенький подросток с косичками-дредами жонглирует мячиками-мирами. Фон: синее море, сквозь которое просвечивают звезды и галактики. Под его ногами — россыпи картриджей и слова:

«Ваш ответ Чедвику — реальности от «Симоти».

Мы обошли здание и увидели ступеньки, ведущие вниз, открытые бронированные двери и скучающего вышибалу.

— Привет, Женя! — поздоровалась Кристина. — Пропустишь?

Кивнув, верзила извлек из кармана разодранных джинсов круглую печать и по очереди «проштам-

повал» ладонь каждого из нас. С Горовцом получилась заминочка.

— Ладно, — «цербер» махнул рукой. — Если спросят: ты — циркач. Клоун. Добазарились?

Шеф заскрипел зубами. Я толкнул его локтем: не возбужай, Геша, не порти малину...

— Здесь тусуются любители вирта, — сказала Кристина, перешагивая через подростка в луже блевотины. — Кабель с портами вмонтирован в стену. Тебе выдают дешевую деку — нечто вроде плеера, только для мозгов — и ты подключаешься, ловишь кайф. Катриджи хозяин покупает наверху, их названия в каталоге-таблоиде. Плюс обширный выбор наркоты.

Коридор казался бесконечным. По обе стороны валялись тела — в основном мальчишки и девчонки, малолетки. Иногда — бородатые, заросшие мужики. Реже — муты из радиоактивных пригородов, облепленные проводами и шлангами с зажатými в кулаках коробочками-деками. В воздухе витал стойкий запах какой-то дряни. Я не смог определить — какой...

— Шмаль, — констатировал Горовец.

Большинство клиентов лежали лицами вверх. Глаза стеклянные, погруженные в себя. Да, внутри человека — целая вселенная...

— Домашние системы не такие, — заметил я.

— Верно, — Кристина свернула за угол — там нас поджидали очередные ступеньки и пары едкой, приторно сладкой гадости. — Все вписано в дизайн. В квартирах дека обычно под полом. Сдвигаешь паркет или плиточную секцию и — вперед, в неведомые страны...

Мы наконец-то достигли зала. Хоть топор вешай — кондиционеры давно сдохли. Притон... Но здесь уже поприличней — порты в столиках. Фанаты цивилизованно сидят, пристегнутые к креслам. Некоторые догадались врубить затемнение, окружив себя цилиндром тьмы.

— Есть и кабинки, — сообщила Кристина. — Для завсегдатаев.

— Я рад за них, — буркнул Горовец.

Те посетители, что были в здоровом уме и трезвой памяти, дружно пялились на нас. Я чувствовал — Горовца это раздражает.

Кристина подошла к стойке.

Бармен — невзрачный мужчина с искусственными волосами соломенного цвета — приветливо улыбнулся, обнажив два рада акульих зубов. Нет, по размеру они быи вполне человеческие, но форма...

— Привет Игорь!

— Я тебя знаю? — удивился бармен, настороженно косясь на Кристину и взбивая коктейль.

— Лицо — нет, — сказала Кристяна. — Голос помнишь?

— Вряд ли.

За его спиной шевелилась фрактальная заставка таблоида. Панель управления была выведена на зеркальную поверхность стойки. На специальных полочках, окаймлявших экран, зеленели, краснели и желтели батареи картриджей. Деки, вероятно, хранились в особых нишах.

— Тебе нужна дека? — любезно осведомился Игорь. — Десятка в час. Никаких «запишите на мой

счет» — с кардерами я не имею дел. Быбор реальностей по таблоиду. У меня есть любая дрянь — в том числе и новые турецкие «колеса». Свободных столиков нет.

Он повернулся к очередному клиенту — муту с телескопической шеей, утратив к Кристине всякий интерес.

И тогда на сцене заблистал Горовец.

— Эй! — окликнул он бармена. — Знаешь, что у меня в сумочке?

— И не догадываюсь, — ловким движением Игорь отправил бокал заказчику. — Там-там?

Горовец сунул руку в «катомку» — и через секунду бокал брызнул стеклом и оранжевой жидкостью, так и не доскользив до цели. Спустя мгновение, которое никто не уловил, донесся звук выстрела. И тут же взорвалась одна из полок с картриджами. Для большинства присутствующих три этих момента слились воедино — я же умудрился воспринять их по отдельности, как киноплёнка, которую прокрутили покадрово.

Игорь дернулся. Затем медленно оглянулся, чтобы оценить произведенные «колдуном» разрушения.

— Две с половиной штуки, — его башка работала, словно компьютер.

— Не отвлекайся, — посоветовал Горовец.

— Хватит, Геша, — в голосе Кристины прорезалась сталь. — Не пугай бедняжку.

Я вдруг засомневался: кто же ж из нас лидер?

— Ладно, дадно, — Игорь стал нервно жестикулировать. — Не буяньте. Чего вам?

— Игорь, — ласково шепнула Кристина. — Расслабься! Забыл, кто тебя пристроил в эту кормушку?

— Кристи?

— Рос.

Я прекратил чесать затылок (рука так и тянулась к «винчестеру») и незаметно приблизился к шефу — вдруг что-нибудь выкинет? Но Толстый больше не дергался.

— Так бы сразу... — обиделся Игорь. — А то за пушку...

— Мы по делу, — перебила Кристина.

— Налить?

— Нет.

— А мне — пива, — сказал я.

— Водки, — попросил Горовец. — Сто пятьдесят.

— Какой?

— А что есть?

— «Доброе утро».

— Название зловещее... А-а, давай.

Игорь отмерил дозу. Затем подвинул мне кружку с пенной шапкой:

— «Балтика», «Тройка».

— Сойдет, — я отхлебнул.

Горовец опрокинул свою порцию. Без закуски. Занюхал рукавом балахона. Ударил в бубен и успокоился.

— За счет заведения, — хмыкнул бармен.

— Ты это... извини, — вдруг растрогался шеф. — Мы возместим.

Игорь отмахнулся.

— Забудь, мелочи...

— У нас проблемы, Игорек, — сказала Кристина. — Надо поговорить. В «каморке».

Таблоид разомкнулся вместе с целой секцией стены, пропуская нас в тесную комнату, обклеенную постерами и заваленную всяким борохлом: упаковками из-под саморазогревающейся жвачки, пустыми бутылками, кабелями, мотками проволоки, платами; из мебели — кресло, шезлонг, холодильник и две колонки по тридцать ватт. Я поискал глазами что-нибудь, вроде пульта или усилителя, — ничего похожего не наблюдалось. Пол устлала многочисленные открытки, плакаты, листовки оппозиции.

— Ты слышал о биопортах? — спросила Кристина.

— Конечно, — Игорь уселся на колонку. — Инфосреда — сенсационное открытие белорусских ученых. Гигантский шаг в области сетевой и развлекательной индустрии. *Симоти* и Чэдвик разорятся.

Кристина достала имплантатор, пока она рассказывала, бармен недоверчиво хмурился, теребил бородку, но не перебивал. Я допил свое пиво и поставил кружку на холодильник.

— Мы хотим улететь, — закончила Кристина. — Скоро весь Агломерат будет наводнен подключенными зомби.

— Факт, — вздохнул Горовец.

— Для этого нужны и-карты. Мне и моим друзьям. Билеты по ним я закажу сама.

— Не вопрос, — Игорь хрустнул суставами пальцев. — Проще простого. Завтра вечером ты их получишь. Все?

— Нет, — Кристина покачала головой. — Легко не отделаешься. Я должна убрать все данные о «собачниках». Стереть. Я не справлюсь без мощной «железки» с доступом к Сети. И без софтов.

— У меня есть кубики Марченко, — вспомнил я.

— Отлично! Пригодится. — Игорь наклонился вперед. — Короче, чего ты хочешь?

— Пусты меня в Болерную. Я залягу там на пару дней.

— Нельзя, — возразил Игорь. — Это сквот... Территория «отстойников».

— Помойников, — передразнила Кристина. — С ними можно договориться?

— Я бы не стал пробовать.

— Пропусти, — настаивала Кристина. — Больше ничего. Через два дня я звякну на твой мобильник. Ты нас выпустишь. Отдашь и-карты. Сказка завершится хэппи-эндом.

Бармен колебался.

— Ну?!

Горовец кашлянул.

— Желаю успеха, — Игорь расшвырял ногой бумажный хлам — под ним оказался люк. Из рифленной крышки выскочил маховик. Игорь крутнул его и сдвинул крышу в сторону — та заскрежетала по бетонному полу, поднимая тучи пыли. Под нами открылась узкая, выложенная кирпичом шахта, утыканная ржавыми скобами. Пахло канализацией.

— Глубоко, — заметил Горовец.

Основание шахты терялось во мгле.

Первым полез Горовец. За ним — Кристина. Я замыкал цепочку. Игорь, послав воздушный поцелуй, задвинул крышку на место.

— Где мы? — спросил я. В абсолютной темноте приходилось шарить ботинком по скользкой изогнутой стене, выискивая скобы.

— Забытый Белополис, — голос Кристины был глухим. — Не то — бункер, не то — заброшенная ветка метро. Диггеры говорят, что отсюда проложены тоннели к берегу Днепра. «Отстойники» называют свои владения Болерной.

— Кто такие «отстойники»?

— Неформалы. Нелегалы... Те, у кого нет документов, имен, фамилий. Вроде отшельников. У них свой мир.

— Секта?

— Сквот... У них есть «железо». Они чистят банки и корпорации. Часто пользуются чужими кредитами. Все необходимое заказывают по пневмопочте. Кое-кто для них достает диггеры. За плату, разумеется.

— И чем же они платят?

— У них есть парники. Там выращивают коноплю.

— Ясно...

Колодец кончился. Как обрезало. По вмурованной в его основание лестнице мы спустились на огороженную металлическую площадку, прилепившуюся неизвестно к чему. Я спрыгнул на нее последним.

Нас окружало подземное коммуникационное царство. У меня возникло ощущение, что попал в пищевод: трубы, кабели, трапы, подобно кишкам, вертикально уходили вниз. Это смахивало на каньон, только замкнутый, ограниченный. С неба (нет — потолка) на длинных проводах свисали гроздья ламп, они тянулись к перспективе — туда, где скрещивались линии городских артерий. Но света не хватало, он таял во мгле — той, что застилала дно. И где рождался новый звук — шелест лопастей коптера.

— Оружие на пол! Руки поднять! — рывкнули в мегафон.

Эхо повторило команду несколько раз.

Мы подчинились.

Машина зависла в метре над площадкой — изящная пластиковая стрекоза. Она — словно была повсюду: шелест гулял по гулкому пространству Болерной...

1. 8 (10.05.—12. 05. 2164)

Наш «люкс» пристроился к толстому утилиткабелю — три метра в обхвате. Деревянный сарайчик в стиле «ласточкина гнезда» местные обитатели приклеили к изоляции какой-то гадостью, — кажется, быстросхватывающей смолой. Напротив высилась ирреальная конструкция, внутри которой двигалась платформа лифта. Туда был перекинут веревочный мост. Раз в день я ходил за «покупками», которые Кристина заказывала в сетевых маркетах: перебирался на «вышку», со скрипом возносился на один уровень и по водопроводной «кишке» шагал к секции пневмопочты, забирал жрачку с пивом и — назад, тем же манером.

Сквот принял нас. Мы заплатили нехилую пошлину — и нам вручили пропускные жетоны — старинные серебряные монеты.

Кристина пропадала в Сети часами. Когда выныривала — отчитывалась о своих подвигах.

Яркое воспоминание: мы сидим и пьем пиво. Горюшек уныло звякает бубном.

— Я взломала сервер в Кашмире. Атаки ведут оттуда. — Кристи разделась до нижнего белья. Очень жарко, вблизи проходит теплотрасса. Выглядит со-

блазнительно — я даже позавидовал Максу, хотя глупо завидовать мертвым. — У Марченко крутые софты. Он их сам писал?

— Без понятия, — я хлебнул «Любаньского». — Вроде, покупал где-то.

— Послушайте, — взмолился Горовец. — Как насчет плана, а?.. Что дальше? Ну выгорит с Департаментом. А потом?

— Я заказала три билета на орбиту. Дзен-Трансо расширяется — им нужны рабочие. Легко затеряться... Корабль стартует с гомельского космодрома.

— Я не про то.

— А-а, — Кристина задумалась. — Есть вариант. Сильнейшая хакерская группа на планете. «Культ мертвой коровы-2». Они знают об Инфосфере. И готовы сражаться. На Дзен-Трансо нас будет встречать их человек. Его ник — Поленгатор.

Я много думал в те дни. Часто вспоминал Шурика. Люк на границе сквота «отстойников» — это нож. Он отрезал меня прошлого от меня настоящего. Отрезал мир Белополиса. Я ведь, в принципе, мог остаться жить здесь, в пещерном оазисе, найти себе бабу, нарожать детей и мечтать на старости, что полчища внуков, вооружившись, выйдут наружу и разберутся с захватчиками. Или превратятся в морлоков — как у того писателя, Уэллса. Но не сразу — минуют тысячи лет. Или кибероиды сами заявятся — потравить «тараканов».

Нет, драться надо сейчас.

Нам.

Кто на что учился. Судьба, Костя.

Вот я лежу на грубо оструганных досках. Храпит Горовец. Наверху уже давно ночь. Кристина в «карнавальной маске», пальцы в сенсорных перчатках слабо шевелятся. Она — *ТАМ*.

Я хотел бы заглянуть в миры Чедвика. Хотел бы жить, как человек — в квартире с удобствами, с модным домашним виртом. Даже без него — плевать. Но чтобы никто не лез с биопортами, чтобы лифты не падали, когда за тобой смыкаются створки кабины, чтобы не носить постоянно пушку и не бояться каждого встречного.

Знаете, в детстве у любого человека свои страхи. Мой кошмар без наворотов. В нем нет пауков, гигантских пиявок, чудовищ и вампиров. Там даже не катается кровавый велосипед и не бродит Фредди. Я попадаю в город, а там *все* — соседи, прохожие, друзья, родственники — все охотятся за тобой. Враг везде. Некуда бежать...

Я полечу. На орбиту, на Марс, к звездам — куда угодно. А если потребуется — спущусь на землю. В город врагов. Главное — «винт» в кобуре. И друзья в сердце. Я не имею права убежать — Шурик не убегал.

Горовец дернулся. Перевернулся на бок. В сумраке мерцает полотнище плазменного дисплея.

Где-то шелестит коптер.

Где-то течет вода. Струится информация.

Вчера.

С каждой секундой Инфосреда распространяется. И человеческое «вчера» отстывает. Надеюсь, не навсегда.

Мне приснился сон.

С обеих сторон — скалы. Ущелье. Я вижу себя — в тунике, в бронзовом шлеме, с коротким мечом в руке.

Закат отражается в доспехах. Со мной еще триста воинов — лица напряжены, в руках копья. Лучшие бойцы Спарты. От них не останется ничего, кроме надписи на камне.

А издалека, с моря, уже накатывает волна агрессоров.

Их стрелы заслонят солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
-----------------	---

РАССКАЗЫ

Сальто над алюминиевым лесом	6
Некро	42
Никелевый пловец	79
Электрические сны	99
Реверс	120
Саундтрек для января	130
Песни старой земли	144
Марсианский турнир	176
Чашка	184
Паломничество	192
Дождь на венере	196
Водное плато	206
Вечность в кармане	215
Танец маньяка в лунную ночь	233
Властелины погоды	246

ПОВЕСТЬ

Они	259
-----------	-----

Литературно-художественное издание

Павлухин Андрей Алексеевич

Белополис

Книга прозы

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *Ж. Яснотка*

Верстка *Д. Андреев*